

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

Северо-Кавказский регион

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2019**

1

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

В.И. Колесников (главный редактор),
В.Е. Закруткин, В.С. Золотарёв, А.В. Павленко (заместители главного редактора),
Е.А. Шинкаренко (отв. секретарь)

Редакционная коллегия:

В.С. Золотарёв – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узнаров – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
М.А. Боровская – доктор экономических наук, профессор, Министерство науки и высшего образования РФ, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет, Дагестанский государственный университет, Донской государственный технический университет, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кубанский государственный технологический университет, Кубанский государственный университет, Пятигорский государственный университет, Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Северо-Кавказский федеральный университет, Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова, Южно-Российский институт управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 27.03.2019. Выход в свет 29.03.2019.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 13,48. Уч.-изд. л. 13,63.

Тираж 250 экз. Заказ № 6988

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии серии «Общественные науки»:

344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Journal was founded in 1972 by Y.A. Zhdanov

Central Edition:

V.I. Kolesnikov (Chief Editor),
V.E. Zakrutkin, V.S. Zolotarev, A.V. Pavlenko (Deputy Chief Editor),
E.A. Shinkarenko (Executive Secretary)

Editorial Committee:

V.S. Zolotarev - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apryschenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
M.A. Borovskaya - Doctor of Economics, Professor, Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders

Dagestan State Technical University, Dagestan State University, Don State Technical University, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Kuban State University, Kuban State Technological University, Pyatigorsk State University, Rostov State Transport University, Rostov State University of Economics, Khetagurov North Ossetian State University, North Caucasus Federal University, Platov South Russian State Technical University, South Russian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration of the President of the Russian Federation, Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print 27.03.2019. Publication 29.03.2019.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 13.48. Publ. sign. 13.63.

Edition 250 copies. Order number 6988

Address editorial board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfned.ru. Web Address: www.izvestiya.sfned.ru

Address editorial board of the series "Social Sciences":

344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00 ext. 11-093; (863) 218-40-00 ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,

Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,

344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

IZVESTIYA VYSSHIKH UCHEBNYKH ZAVEDENII. SEVERO-KAVKAZSKII REGION

DOI 10.23683/0321-3056-2019-1

*Регистрационный номер 011018
Комитета Российской Федерации
по печати
Научно-образовательный
и прикладной журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 1 (201) 2019 г.*

*Reg. No. 011018
Of the Russian Federation Committee
for the Press
Educational-research journal
of applied sciences
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 1 (201) 2019*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCES

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Сорокин Г.В., Украинцев Н.П. Новая научная революция и гуманитарное знание 4

Sorokin G.V., Ukraintsev N.P. New Scientific Revolution and Humanitarian Knowledge 4

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Айдунова Т.Ю. Образ Петра I в консервативной публицистике 9

Айриян Р.С., Лепков А.В. Политика США в отношении курдских партий Ирака в конце XX – начале XXI века 19

Беличенко Н.В. Зерновой закон на Самосе: к вопросу о причине создания 27

Гурова Е.А. Собственный Его Императорского Величества Конвой как способ сближения горцев Северного Кавказа с Россией 32

Егоров А.А. Жан-Рок Куанье и его время: Великая армия в зеркале воспоминаний наполеоновского солдата 38

Кокорхоева Д.С. Военно-организационная деятельность Советского государства по созданию национальных формирований Красной Армии в автономиях Северного Кавказа как института этнополитики 1920-х годов 45

Колоколова Н.С. Император Коммод, падение Римской империи и массовая культура 54

Кольга Г.И. Формирование и развитие научной школы германистики в Северо-Кавказском федеральном университете 60

Нарежный А.И. Н.И. Тургенев о польском вопросе 70

Aidunova T.Yu. Image of Peter I in Conservative Publicity 9

Ayriyan R.S., Lepkov A.V. U.S. Policy Against the Kurdish Iraqi Parties at the End of the 20th - Beginning of the 21st Century 19

Belichenko N.V. Samoan Grain Law: to the Question of the Reason for the Creation 27

Gurova E.A. The Convoy of His Imperial Majesty as a Method of Rapprochement of the Highlanders of the North Caucasus with Russia 32

Egorov A.A. Jean-Roch Coignet and His Time: Great Army in the Mirror of Reminiscences of Napoleonic Soldier 38

Kokorkhoeva D.S. Military Organizational Activity of the Soviet State on Creation of National Units of the Red Army in the Autonomous Regions of the North Caucasus as the Institute of Ethnopolitics in 1920s 45

Kolokolova N.S. Emperor Commodus, the Fall of the Roman Empire and Popular Culture 54

Kolga G.I. Foundation and Development of Germanic Scientific School at the North-Caucasus Federal University 60

Narezhny A.I. N.I. Turgenev on the Polish Question 70

Попенков О.Н. Борьба эмира ас-Сенуси за независимость Ливии и особенности государственного строительства в Королевстве Ливия (1951–1969 гг.) 77

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Никитин Д.А. Финансовое планирование на основе факторной модели анализа прибыли 84

Полякова И.А., Иващенко Ю.И., Толстик Н.В. Анализ и оценивание взаимосвязей в предпринимательской среде России 91

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Агафонов А.И. Александр Павлович Пронштейн (1919–1998) (к 100-летию со дня рождения)..... 99

Кислицын С.А. К.А. Хмелевский – историк и историограф революции и Гражданской войны на Дону 106

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Дзидзов В.Д., Ермекебай Ж.А. Восстановление исторической и политической справедливости в отношении депортированных в 1944 г. народов Северного Кавказа (*Исакиева З.С.* Вклад чеченцев и ингушей в развитие горнодобывающей промышленности Казахстана 1944–1957 гг. Грозный, 2018. 204 с.) 111

Узнародов И.М. К истории европейской интеграции (*Пуховская Н.Е.* Основные этапы европейской интеграции: учебное пособие / под общ. ред. В.Ю. Апрыщенко. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2018. 252 с.) 114

Popenkov O.N. The Struggle of Emir of Libya Al-Senussi for Independence and Features of State-Building in the Kingdom of Libya (1951-1969) 77

ECONOMIC SCIENCES

Nikitin D.A. Financial Planning Based on Factor Analysis Model of Profit 84

Polyakova I.A., Ivashchenko Yu.I., Tolstik N.V. Analysis and Assessment of Interrelations in the Entrepreneurship Environment of Russia 91

TOUCHES TO THE PORTRAIT

Agafonov A.I. Alexander Pavlovich Pronshstein (1919-1998) (on the 100th Anniversary)..... 99

Kislitsyn S.A. K.A. Khmelevsky - Historian and Historiographer of the Revolution and the Civil War on the Don 106

BOOKS REVIEW

Dzidzoev V.D., Ermekbay J.A. Restoration of Historical and Political Justice in Relation to the Peoples of the North Caucasus Deported in 1944 (*Isakieva Z.S.* The Contribution of the Chechens and Ingush to the Development of the Mining Industry of Kazakhstan in 1944-1957. Grozny, 2018, 204 p.)..... 111

Uznarodov I.M. On the History of European Integration (*Pukhovskaya N.E.* The Main Stages of European Integration: Tutorial. Ed. V.Yu. Apryschenko. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University, 2018. 252 p.)..... 114

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 165.308

DOI 10.23683/0321-3056-2019-1-4-8

НОВАЯ НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

© 2019 г. Г.В. Сорокин^а, Н.П. Украинцев^а

^а Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

NEW SCIENTIFIC REVOLUTION AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE

G.V. Sorokin^а, N.P. Ukraintsev^а

^а Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Сорокин Геннадий Вениаминович –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии
и социально-гуманитарных дисциплин,
Донской государственный технический университет,
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия.
E-mail: gennadi-sorokin@yandex.ru

Gennady V. Sorokin -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy
and Socio-Humanitarian Disciplines,
Don State Technical University,
Gagarina Sq., 1, Rostov-on-Don, 344000, Russia.
E-mail: gennadi-sorokin@yandex.ru

Украинцев Николай Петрович –
соискатель,
Донской государственный технический университет,
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия.

Nikolay P. Ukraintsev -
Competitor,
Don State Technical University,
Gagarina Sq., 1, Rostov-on-Don, 344000, Russia.

Рассмотрена роль научных парадоксов (антропный принцип, парадокс Ферми, экстропия и др.), вытекающих из современной картины мира, в формировании нового представления о человеке и сущности культуры. Мир стоит на пороге радикальной смены мировоззренческой парадигмы, новой научной революции. Делается заключение о близком значении понятий «сингулярность» и «качественный скачок», что даёт право говорить о возможном близком переходе в качественно иное состояние науки и культуры. Высказано предположение, что, поскольку наука – один из социальных институтов, то и новое состояние культуры будет дробиться на новые социальные институты. Поэтому не только самые простые, но и элитарные области культуры могут одновременно и усложняться, и упрощаться до полной автоматизации. Такими сферами упрощения могут стать политика, религия, наука. Взамен предлагается выделять институт морали, занимающейся производством свободы и проективным знанием.

Ключевые слова: познание, социальная практика, философия, прогресс, научная революция, научные парадоксы.

The role of scientific paradoxes (anthropic principle, Fermi paradox, extropy, etc.) arising from the modern picture of the world in the formation of a new idea of man and the essence of culture is considered. The world is on the verge of a radical change of worldview paradigm, a new scientific revolution. The conclusion is made about the close meaning of the concepts of “singularity” and “qualitative leap”, which gives the right to talk about a possible close transition to a qualitatively different state of science and culture. It is suggested that since science is one of the social institutions, the new state of culture will be divided into new social institutions. Therefore, not only the simplest, but also the elitist areas of culture can be both complicated and simplified to full automation. Such areas of simplification can be politics, religion, science. Instead, it is proposed to allocate the Institute of morality, engaged in the production of freedom and projective knowledge.

Keywords: cognition, social practice, philosophy, progress, scientific revolution, scientific paradoxes.

Данная статья представляет собой продолжение исследования познавательной деятельности. В первой нашей публикации [1] рассматривались как проблема познавательной деятельности в контексте процесса отражения, так и процесс социокультурной детерминации этой деятельности в его противоречивости. Сейчас попробуем рассмотреть такой аспект знания, как его проекционность, «сотворение знания» в развитии общественно-исторической практики. Например, можно рассмотреть связанность такого знания с так называемыми техническими науками. Для человека существуют проблемы познания и в этой сфере, казалось бы, полностью контролируемой. Достаточно указать на проблемы, порожденные научно-техническим прогрессом, на понимание сущности техники (явно недостаточно определения «увеличенные и усиленные органы человека»). Насколько мы «отражаем и воспроизводим некоторые природные законы» или создаем реальность?

Постановка вопроса. *Современная наука имеет ряд проблем, однако можно зафиксировать ряд глобальных, имеющих явное расхождение с современной научной картиной мира (парадигмой). Некоторые возникают в результате развития современного научного мировоззрения, его эмпирической и теоретической части. Другие можно выделить вследствие переосмысления сущности культуры в гуманитарном знании. Не претендуя на всеобщность, выделим следующие проблемы:*

– антропный принцип. То, что мы понимаем сейчас под Вселенной, рождается с набором законов и констант, которые «запрограммированы» на возможность появления человека в результате длительной космической эволюции. Существуют разные подходы к пониманию антропного принципа, свой мы развернем ниже;

– парадокс Ферми. Развитие человеческой культуры происходит со все больше заметным «вселенским» масштабом. Если мы экстраполируем это на возможность подобного для предполагаемых других цивилизаций, возникает вопрос, почему мы не наблюдаем их деятельность. Соотнеся с антропным принципом, получаем ещё большую загадку;

– функционирование культуры. Существует масса определений культуры. Постоянно появляются и входят в пространство научного дискурса новые [2, с. 404, 405]. Наиболее распространено определение культуры как «второй природы». Но разве в «преобразованной» среде

не работают законы природы? Возможна ли культура как развертывание, актуализация неких природных потенций? То есть не только появление человека, но и возможность преобразования в окружающей среде заложено в «антропном принципе». Человек каким-то образом может получить доступ к скрытым механизмам природы;

– экстропия как характеристика человеческой деятельности. Принцип, с помощью которого человек может творить преобразования, – это построение систем, способных при небольшом воздействии производить большую работу. То же относится и к человеческой свободе. Свобода как человеческое представление о ней – следствие способа деятельности человека;

– мораль – есть несколько определений, мы же процитируем Канта. «Чистый разум сам по себе есть практический разум и даёт (людям) всеобщий закон, который мы называем *нравственным законом*» [3, с. 348].

Научные идеи, нормы (законы) и принципы научного обобщения обеспечивают непрерывность развития познания и вписывание его результатов в контекст более общих мировоззренческих и культурно-исторических представлений, решая при этом проблему связи культуры и познания.

Посредством языка человек духовно овладевает природой. На этом уровне возникают и функционируют духовно-практические способы освоения действительности. Важной их особенностью является то, что они выступают как духовная деятельность, непосредственно связанная с практическим действием. Их основная функция состоит в духовном производстве, в переводе природных объектов в культурные феномены. Категории, возникающие в этике, искусстве, мифологии и других формах духовно-практического освоения действительности, а также категории предметно-практические формируют мировоззрение человека и принадлежат к сфере так называемого обыденного сознания.

Категории культуры, как реальные способы обобщения природы и истории, возникающие на всех трёх её уровнях, складываются стихийно и не могут быть предметом собственной рефлексии потому, что не могут быть отделены от деятельности их породившей. Как считает С.А. Лебедев, «... идеальные объекты теоретической философии были сконструированы мышлением с помощью предельного перехода от соответствующих, данных в опыте, эмпирических объ-

ектов и состояний...» [4, с. 99]. Дальнейшее развитие обобщающего характера человеческой деятельности связано с изменением ее структуры и выделением из неё чисто духовной деятельности – философии как формы общественного сознания и мировоззренческого освоения действительности, в которой обобщение достигает своего предела.

«...Философия – это такая часть культуры, которая как бы “извне” относится к существующей культуре, пытается в некотором смысле выйти за её пределы ... делает её предметом критической рефлексии и предлагает способы трансформации, изменения некоторых её компонентов» [5, с. 7].

В работе В. П. Даниленко «От животного – к Человеку. Введение в эволюционную этику» утверждается, что пути, ведущие к воплощению Человека, отличаются от инволюционных. Смысл «очеловечивающего пути» заключается в «максимальном участии человека в развитии культуры» [6, с. 386]. По мнению В. П. Даниленко – «Наибольшим очеловечивающим потенциалом обладает духовная культура» [Ibid.]. К её идеалам автор относит «безверие (религия), истина (наука), красота (искусство), добро (нравственность), справедливость (политика) и единение (язык)» [Ibid.]. Инволюцию характеризует «вера, ложь, безобразное, зло, несправедливость, разобщение» [Ibid.]. Даниленко считает, что доминировавшие части культуры меняются от эпохи к эпохе. В античности и средневековые модель культуры теоцентрическая (мифоцентрическая), эпохи Возрождения – артоцентрическая, Нового времени – наукоцентрическая, XIX века – нравоцентрическая [Ibid., с. 289]. Он считает, что в XX в. наука оказывается достойной соперницей политики, но доминирует все-таки политика, в дальнейшем наука должна взять верх [Ibid., с. 290].

Современное научное мировоззрение видит в прогрессе общества часть глобальной эволюции Вселенной. Нет никаких оснований обосновывать скорый конец этого процесса. Где мы можем зафиксировать «точки роста», можно ли считать, что ось мировой эволюции проходит через нашу культуру? По мнению А. П. Назаретяна, «мы живем на планете благодаря тому, что до сих пор во всех полифуркационных фазах кризисы разрешались перестройками системы в направлении *вертикального аттрактора*: устойчивость восстанавливалась взрывообразным ростом сложности и совокупной интеллек-

туальности системы» [7, с. 102]. Научное познание в своем дальнейшем развитии «требует максимальной ретроспективной дистанции и системного вовлечения дисциплинарных отраслей от космологии до психологии» [Ibid., с. 101].

А. П. Назаретян отмечает, что дальнейшая эволюция человечества связана с большими угрозами. «Чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные регуляторы необходимы для сохранения социоприродной системы. Эта зависимость может быть обозначена как *закон техногуманитарного баланса*» [Ibid., с. 104]. В формировании принципов деятельности, по его мнению, сейчас крайне непродуктивно опираться на мобилизующую риторику «свой – чужой», как крайне опасную и примитивную. «Имеется альтернативный механизм консолидации и смыслообразования – *образ общего дела*» [Ibid., с. 106].

Авторы проводят параллель с «деконструкцией» и отмечают, что, с их точки зрения, процесс отображения и познания окружающей действительности противоречив. Так, категориальная сетка, «набрасываемая» на абсолютизм современным научно-философским мировоззрением, не только помогает познанию, но и тормозит его. Не вдаваясь во всесторонний анализ, возьмем самопознание культуры. Как самостоятельные субъекты на разных этапах развития культуры выделились различные области её способов функционирования. Проблема «демаркации» одновременно и проблема «навязывания ярлыков». В современной картине категорий культуры явно выделяемы религия, искусство, наука, философия и т.д. Отнесение нашего знания и деятельности к той или иной области уже ставит её в определённые четко разграниченные рамки и характеризует «красотой», «святостью», «точностью» и пр. Со стороны деятельности социальных структур эти категории культуры можно выделить как социальные институты. Можем ли мы представить структуру будущего общества и его отношения с социальным институтом науки?

Уже само существование культуры является поразительным фактом. Оно обеспечивается потенциями, раскрываемыми нами в природе. Как бывает ограничена религия в попытке описать абсолютно идеальное, так и материалистическая наука не может зачастую поднять взгляд от конкретных фактов. Необходимо переосмысление проблемы соотношения материального и идеального. Для разрешения научных пара-

доксов и продуктивной деятельности человека предложим следующий путь:

Институализация морали и новая научная революция, связанная с глобальной перестройкой структуры культурной деятельности.

Для синтеза и «снятия» различного рода научных концепций и философских течений, их единения, необходима серьезная работа. Важно именно переосмыслить, «снять», включить в социальную практику все великие течения мысли от религий до марксизма. «Именно самовоплощение человека, осуществление его сущностных сил стоит у Маркса во главе угла, его интересует полноценная реализация возможностей жизни, что роднит его со Спинозой и Гете, Шиллером и Гегелем... Маркса волнует освобождение всего человечества» [8, с. 49]. Категориальная сетка современного мировоззрения требует пересмотра.

Ни один из социальных институтов культуры, самопроизвольно не функционирует. Его связь с другими институтами условна, как условно и разделение. Философия особенно «пострадала» за последнее время, выделяя из себя научные дисциплины. Возможно ли, что в философии содержатся не только новые области науки, но и нечто, гораздо более существенное? Можем ли мы зафиксировать принципиально новый вид деятельности, латентно сейчас содержащийся в философии и других областях культуры? На наш взгляд, да.

То, что понимается сейчас под наукой, связано с её качественно отличным положением – встроенностью в практику, направленность на научно-технический прогресс. Философия определяет собственную деятельность как познание сосуществования человека и мира. Не «спускание» ли современного научного знания в человеческую практику определяет его истинность и эффективность?

Кант тесно увязывает как сущность духовного мира, так и важнейшее его проявление – мораль со свободой. Возможно ли построение института моральной деятельности как «основы всеобщего законодательства»? Подобное образование эффективнее осуществляло бы связь с наиболее сущностными основаниями практики. Деятельность и тип знания, присущий такому институту, представляется пока туманным. Можно определить такой тип знания как принципиально «проективный», абсолютно не ограничиваемый критериями научности, лежащий в иной плоскости. То, как мы представляем себе

идеальный мир – с человеческим бессмертием, совпадением интересов общества и индивида, воскрешением человека и т.п., так и наша работа должна быть направлена на осуществление этого. Смысл деятельности может быть охарактеризован как «производство свободы».

Представляется, что и культура социума будет дробиться на новые социальные институты. Не только самые простые, но и элитарные сферы культуры могут одновременно и усложняться, и упрощаться до полной автоматизации. Такими областями упрощения могут быть политика (концепция электронного правительства), религия (достаточное количество ритуалов может быть механизировано), наука в некоторых аспектах.

«Конец детства» для человечества может быть связан как с точкой сингулярности (замечим ее значительное совпадение с категорией качества), так и вполне предсказуемым будущим. Главным его принципом должна стать сверх-мораль, или «супраморализм», в понимании Н.Ф. Федорова [9, с. 388].

Познание становится наукой, когда призывается к служению обществу. Общество самой тонкой системой имеет мораль. Именно она должна стать основой для главной человеческой деятельности, объединив противоположности теории и практики, прошлого и будущего.

Литература

1. Сорокин Г.В., Украинцев Н.В. Социокультурная обусловленность познавательной деятельности как противоречивый процесс // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2018. № 4. С. 22–25.
2. Драч Г.В. Взаимодействие культур в пространстве культурологического дискурса // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития. XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения. 17–19 мая 2018 г., Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов: материалы науч. конф. СПб. : НП-Принт, 2018. С. 404–405.
3. Кант И. Критика практического разума // Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4. 544 с.
4. Лебедев С.А. Методы научного познания. М. : ИНФРА, 2018. 272 с.
5. Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М. : Канон+, 2012. 384 с.
6. Даниленко В.П. От животного – к Человеку. Введение в эволюционную этику. СПб. : Алетей, 2015. 391 с.

7. Назаретян А.П. Вызовы и перспективы: станет ли эволюция на Земле космически значимой? // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 99–110.

8. Золотухина-Аболина Е.В., Золотухин В.Е. Марксизм XX века: современные интерпретации // Научная мысль Кавказа. 2018. № 1. С. 45–49.

9. Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение) // Федоров Н.Ф. Соч. : в 4 т. М. : Прогресс, 1995. Т. 1. 518 с.

References

1. Sorokin G. V., Ukraintsev N. V. Sotsiokul'turnaya obuslovlennost' poznavatel'noi deyatel'nosti kak protivorechivyi protsess [Socio-cultural Conditionality of Cognitive Activity as a Controversial Process]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki.* 2018, No. 4, pp. 22-25.

2. Drach G.V. [The Interaction of Cultures in the Space of Cultural Discourse]. *Kontury budushchego v kontekste mirovogo kul'turnogo razvitiya* [Contours of the Future in the Context of World Cultural Development]. XVIII International Likhachev Scientific Readings. May 17-19, 2018, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions: proceedings of scientific. conf. Saint Petersburg: NP-Print, 2018, pp. 404-405.

3. Kant I. [Critique of Practical Reason]. *Soch.* [Composition]: in 6 vol. Moscow: Mysl', 1965, vol. 4, 544 p.

4. Lebedev S.A. *Metody nauchnogo poznaniya* [Methods of Scientific Knowledge]. Moscow: INFRA, 2018, 272 p.

5. Lektorskii V.A. *Filosofiya, poznanie, kul'tura* [Philosophy, Cognition, Culture]. Moscow: Kanon+, 2012, 384 p.

6. Danilenko V.P. *Ot zhivotnogo – k Cheloveku. Vvedenie v evolyutsionnuyu etiku* [From Animal to Man. Introduction to Evolutionary Ethics]. Saint Petersburg: Aleteiya, 2015, 391 p.

7. Nazaretyan A. P. Vyzovy i perspektivy: stanet li evolyutsiya na Zemle kosmicheski znachimoi? [Challenges and Prospects: Will Cosmic Evolution on Earth Become Meaningful?]. *Voprosy filosofii.* 2018, No. 6, pp. 99-110.

8. Zolotukhina-Abolina E.V., Zolotukhin V.E. Marksizm XX veka: sovremennye interpretatsii [Marxism of the 20th Century: Modern Interpretations]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza.* 2018, No. 1, pp. 45-49.

9. Fedorov N.F. [Supramoralism, or universal synthesis (i.e. universal unification)]. Fedorov N.F. *Soch.* [Composition]: in 4 vol. Moscow: Progress, 1995, vol. 1, 518 p.

Поступила в редакцию / Received

11 февраля 2019 г. / February 11, 2019

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

УДК 94

DOI 10.23683/0321-3056-2019-1-9-18

ОБРАЗ ПЕТРА I В КОНСЕРВАТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

© 2019 г. Т.Ю. Айдунова ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

IMAGE OF PETER I IN CONSERVATIVE PUBLICITY

T.Yu. Aidunova ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Айдунова Татьяна Юрьевна –
аспирант, специалист
по учебно-методической работе,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: aydunova@sfedu.ru

Tatiana Yu. Aidunova -
Postgraduate, Specialist
on Educational and Methodical Work,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: aydunova@sfedu.ru

Анализируется отношение к первому российскому императору Петру I и его деятельности видных русских мыслителей и государственных деятелей, придерживающихся консервативных взглядов в отношении развития государственного строя.

Констатируется, что, несмотря на общий консервативный настрой авторов рассматриваемых текстов, вынести однозначное решение по их отношению к Петру I весьма сложно. Характеристики первого русского императора не сводились к прямому и одностороннему одобрению или отрицанию его деятельности. Неоднозначный образ Петра I впоследствии анализировался и с использованием начал диалектики Г. Гегеля, которая давала большие возможности для углубленного понимания сути исторических и культурных явлений и процессов. По мнению славянофилов, Петр I заложил необходимые исторические предпосылки не только для просвещения, но и для появления в будущем славянофильской идеи. Охранители придерживались иных взглядов. И та и другая позиции со временем эволюционировали, учитывая тенденции в идеологии самодержавия каждого царствования.

Таким образом, можно сказать, что в консервативной общественно-исторической мысли России в период XVIII – XIX вв. отсутствовало четкое и однозначное отношение к Петру I и его деятельности.

Ключевые слова: историография, Петр I, монархия, консерватизм, славянофильство, буржуазия, государственный деятель, диалектика Гегеля.

The author analyzes the attitude towards to the first Russian Emperor among prominent Russian thinkers and statesmen who preserve conservative views on the development of the state system.

In spite of the general conservative attitude of the authors of the texts under consideration, it is very difficult to make an unambiguous decision on their relation to Peter the Great.

The characteristics of the first Russian emperor were not limited to direct and unilateral approval or denial of his activities. The ambiguous image of Peter I was also subsequently analyzed using the principles of G. Hegel's dialectics, which provided great opportunities for an in-depth understanding of the essence of historical and cultural phenomena and processes. According to the Slavophiles, Peter I laid the necessary historical prerequisites not only for enlightenment, but also for the emergence of the Slavophile idea in the future. The guards of traditional point held different views. Both these positions evolved over time, taking into account the trends in the ideology of autocracy of each reign. Thus, it can be said that in the conservative socio-historical thought of Russia in the period of the 18th - 19th centuries there was no clear and unambiguous attitude towards Peter I and his activities.

Keywords: *historiography, Peter I, monarchy, conservatism, Slavophilism, the bourgeoisie, statesman, Hegel's dialectic.*

Традиции освещения жизни и деятельности Петра I, формирования его образа с консервативных позиций сложились в отечественной общественной и исторической мысли еще в эпоху Просвещения, продолжали развиваться в эпоху романтизма. Характеризуя Петра I, его современники из круга дворянских консерваторов, с одной стороны, признавали необходимость для страны проведенных царем преобразований, давая общему направлению его деятельности и личности положительную оценку. Но с другой – допускали критику Петра I, утверждая, что при проведении реформ разрушались обычаи, освещенные традицией и стариной, насаждались чуждые народу и его культуре нововведения, а в разные структуры управления входили люди незнатного происхождения и иностранцы. А это уже, в свою очередь, имело целый ряд негативных последствий. О важнейшем из них консервативный критик Петра I князь М.М. Щербатов писал с яркими подробностями и на достаточно высоком художественном уровне для русской литературы своего времени [1]. Критика самого Петра I, однако, звучала весьма осторожно и сдержанно.

Со второй трети XIX в. славянофилы поддерживали консервативный подход к освещению отечественного прошлого. Заключался он в идеализации и неприятии изменений, которые были направлены на разрушение сложившейся за века существования российского общества и государства культурно-бытовой самобытности, составлявшей для славянофилов своего рода исторический идеал, к всемерному сохранению которого они призывали русское общество. Правда, допуская, что далеко не всё, существующее и утвердившееся в стране, соответствовало этому идеалу. Это давало основание относить их к либеральному направлению общественной мысли. Подобное отношение к традициям и новым явлениям вызывало с неизбежностью их интерес к жизни и деятельности первого российского императора и стремление дать оценку его делам и их результатам для общества, последствиям, которые они имели.

При этом характеристики первого российского императора и результатов его деятельности в славянофильской общественно-исторической мысли середины – второй половины XIX в. во все не сводились к прямому и одностороннему одобрению или отрицанию, как это было в оте-

чественной общественной мысли более раннего периода. В подходе к истории страны, в том числе к образу Петра I, чувствовалось влияние диалектики Г. Гегеля, которая в его философии истории давала несравненно большие возможности для углубленного понимания сути исторических и культурных явлений и процессов, чем в XVIII – первой половине XIX в.

Такой подход к оценке Петра I нашел свое выражение в магистерском сочинении 1846 г. студента Московского университета К.С. Аксакова [2]. В результате петровских реформ русское общество, по словам К.С. Аксакова, было освобождено «от оков исключительной национальности». Само упоминание о «национальности» ясно указывает на славянофильство К.С. Аксакова, для которого «национальность» составляет историческую ценность и органичный, исторически сложившийся признак общества и государства. Но, как мыслитель середины XIX в., усвоивший диалектический подход Гегеля, К.С. Аксаков видел «национальность» как явление сложное и противоречивое. Поэтому он говорил не только о позитивных сторонах национальной исторической традиции, но и о том, что она могла быть вместилищем «оков», налагавшихся на общество. В этой связи освобождение от «оков» он считал положительным результатом всей деятельности Петра I. Однако К.С. Аксаков видел и другой его результат – наступивший со времени петровских реформ в российской истории и культуре «период безотчетного подражания чужому, наставший логически и необходимо непосредственно за предыдущим». Следовательно, результатом деятельности Петра I и освобождения им общества от «оков» стал период, имевший свои негативные последствия. Ответом на тезис возник, таким образом, антитезис, или отрицание царем-реформатором предыдущего периода в истории и культуре страны с его «оковами». Но за таким отрицанием следует новая стадия в отечественной истории и культуре, когда общество отошло от понимания своего прошлого как только «оков» и стало осознавать то, что и в нем имелись стороны, представлявшие ценность. Поэтому не случайно, по словам К.С. Аксакова, «мы с полным сознанием, свободные от всякой возможной односторонности, возвращаемся к нашей истории, к нашей жизни, к нашему отечеству».

На место антитезиса становится синтез, поскольку К.С. Аксаков писал не просто о возвращении к прошлому, о восстановлении всего того, что было до Петра Великого. В русском обществе произошло «сознательное возвращение к себе», причем такое «сознательное» действие стало как раз результатом долговременных и глубоко позитивных последствий реформ Петра I. «Просвещение Запада», – вот что явилось итогом петровских реформ, но «возвращение к себе», которое наблюдал К.С. Аксаков, было «результатом этого просвещения». Благодаря Просвещению как прямому следствию реформ Петра I, отмечал К.С. Аксаков, «мы нашли доказательство, сильную опору нашему национальному чувству; мы поняли необходимость национальной стороны и в то же время ее значение и место» [2]. Просвещение, следовательно, придало «национальному чувству» новую качественную основу. Это произошло как раз благодаря такому качественному изменению в русском сознании, которое с неизбежностью следовало за количественным накоплением знаний и просвещенности, в соответствии с гегелевским диалектическим законом перехода количественных изменений в качественные. Благодаря просвещению, подчеркивал К.С. Аксаков, «сознательным путем дошли мы до необходимости национальной жизни» [2, с. 118]. Таким образом, по мысли К.С. Аксакова, Петр I заложил необходимые исторические предпосылки не только для просвещения, но и для появления в будущем славянофильской идеи.

Некоторое уточнение к характеристике Петра I К.С. Аксаков внес в своей более поздней газетной статье «О современном литературном споре» [3]. Он указал, что Петр I совершил переворот, но «в перевороте была правда», правда была, по его словам, в том, что «Русь, не до-Петровская, а перед-Петровская, замешкалась», что «в ней была ложь». Эта «ложь» заключалась в «коснении», «несвойственном» вообще-то для Руси. По К.С. Аксакову, причиной этому было «нарушение земского голоса», или нарушение земских основ управления делами общества и государства. Конкретно же эта причина состояла в том, что «в нарушение земского голоса ... стрельцы, произвольно определяющие царей, без совета всей земли, являют это нарушение». Как отмечал К.С. Аксаков, против этой «ограниченности» «восстал Петр», причем «с мыслью просвещения и пользования благами всех народов». Таким образом, Петр I выступил у

К.С. Аксакова как защитник народа и исторически сложившейся в России земской системы управления. Однако, «восставши против односторонности, он ввел новую страшную односторонность» [2]. В этом уточнении выразилось стремление К.С. Аксакова как славянофила к идеализации русской старины. Причина, оказывается, заключалась только в «коснении» в период непосредственно перед петровскими реформами, а виновниками оказались стрельцы, действовавшие «без совета всей земли» [3]. Таким образом, К.С. Аксаков по существу резко снижал значение реформ Петра I. Их позитивную роль он видел лишь в устранении «коснения», «несвойственного» России в целом, но наступившего вдруг по неясным причинам накануне петровских реформ. Такая защита старой России не может не быть признана слабой, поскольку она, не давая объяснения вдруг наступившим негативным процессам, и была неисторичной, поскольку не дала объяснение, как такое «коснение» могло возникнуть внезапно, в нарушение идеи органичности исторического развития, которая признавалась в исторической мысли, начиная с эпохи романтизма.

Более резкая критика Петра I с точки зрения славянофила звучала у К.С. Аксакова в ответ на заявление В.Г. Белинского, что реформа первого российского императора «не уничтожила, не разрушила стен, отделявших в старом обществе один класс от другого», но «наклонила их набок». К.С. Аксаков с этим решительно не согласен. «Петр не только не пошатнул стены между сословиями, но он-то и построил их. В старину до Петра Великого их вовсе не было», – указывал он [4]. В отношении Петра I данное замечание К.С. Аксакова было критическим. Он, как и славянофилы в целом, упрекал царя за разделение русского общества на классы. На несправедливость этого упрека указывалось неоднократно. В самом деле, русское общество и в допетровский период было разделено на классы. Но верным в упреке было то, что такое разделение стало более отчетливым, оно усилилось и приобрело новый оттенок, который состоял в различии на уровне культуры. Так, если дворянство благодаря петровским реформам начало активно воспринимать западноевропейскую культуру, то абсолютное большинство народа оставалось в своей традиционной. Поэтому можно было бы говорить о том, что Петр I своими реформами не положил начало разделению русского общества на классы, но усилил его и

вывел его на новый уровень культурных различий. Вместе с тем данный упрек Петру I был для К.С. Аксакова как для славянофила не случаен и представлял собой оборотную сторону идеализации в славянофильской общественно-исторической мысли старой допетровской России.

Эту же мысль К.С. Аксаков высказал в своей рецензии на первый том «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева, представлявшей собой черновую и незавершенную рукопись. В ответ на утверждение С.М. Соловьева, «что Петр был продолжателем, что дело заимствования от иностранцев полезного было еще до него», он заявлял, что заимствования в русской жизни были и ранее, но носили они иной характер, чем при Петре I. Еще со времен Древней Руси, после принятия христианства, по словам К.С. Аксакова, у нас «перейдены были границы исключительной национальности во имя Христианской Веры». «Дух нашего народа есть христианско-человеческий», – подчеркивал К.С. Аксаков [5], говоря, что заимствования были для русского народа вовсе не чужды. Однако, по его словам, до Петра I «принимали одно полезное от иностранцев, не заимствуя чужой жизни, но оставаясь при своей жизни». В результате «Россия оставалась самостоятельной». Но Петр I, «напротив, стал принимать все от иностранцев, не только полезное и общечеловеческое, но и частное, национальное». По его оценке, такое восприятие «непременно стало не свободным заимствованием, а рабским подражанием» [5, с. 24]. И вообще, в России исторически сложился «добровольный союз» «Земли и Государства» как своеобразная система управления делами общества и государства. Но «вся эта система нарушилась Петром» [5, с. 226]. Здесь критическое отношение к Петру I с позиций К.С. Аксакова как славянофила выражено очень отчетливо. Но при этом общий уровень критики был несколько ниже, чем в магистерском сочинении о М.В. Ломоносове. Такая критика соответствует критике Петра I, которая шла еще от Н.М. Карамзина в его записке «О древней и новой России», когда тот, давая общую оценку результатов деятельности царя, заявлял: «Мы стали гражданами мира, но перестали в некоторых случаях быть гражданами России. Виною Петр» [6].

Еще одно обвинение Петру I от К.С. Аксакова состояло в том, что первый российский им-

ператор придал России «внешнего величия, но внутреннюю ее целостность он поразил растлением» [7]. Причину он видел в том, что «петровская система» была прочно соединена «с чувством рабским, которое порождает власть правительственная». Такое чувство, распространившееся в народе, вело к тому, что «с этим рабским чувством соединяется чувство бунтовщика». Несомненно, отмечал он, что «рабы сегодня – бунтовщики завтра; из цепей рабства куются беспощадные ножи бунта» [7, с. 243]. Под рабством в данном случае К.С. Аксаков имел в виду крепостное право. И предупреждал нового императора: «Чем долее будет продолжаться Петровская правительственная система ... тем более будут колебаться основы Русской земли, тем грознее будут революционные попытки, которые сокрушат, наконец, Россию» [7, с. 244]. Но «правительственная система», о которой писал К.С. Аксаков, по его словам, – «Петровская». И в этой связи, говоря об опасности, которую представляла для государства «Петровская правительственная система», он призывал императора к реформам. Не указывая на конкретное содержание реформ, он отмечал, что в целом они должны были способствовать расставанию народа с «чувством рабским», им упомянутым. Так славянофильская критика реформ Петра I, дополненная консервативной идеализацией русской старины допетровского времени оказывалась соединенной с призывом к реформам, которые должны были разрушить существующую систему, основанную на крепостном праве, призывом вполне либеральным по своей направленности.

Критическое отношение к Петру I К.С. Аксакова было поддержано его братом, И.С. Аксаковым, в статье «Петербург и Москва», в которой автор-славянофил обратился к достаточно традиционной для этого направления теме антагонизма Санкт-Петербурга и Москвы. С основанием Петербурга И.С. Аксаков связывал негативные стороны деятельности Петра I. «Разрыв с народом, движение России по пути западной цивилизации, под воздействием иного просветительного начала, измена прежним основам жизни, поклонение внешней силе, внешней правде одним словом – вся ложь, все насилие дела Петрова, – вот чем окрашен был городок Питер-бурх при своем основании», – писал он. Но, между тем, основание Петербурга на отвоеванной у Швеции земле было одним из главных результатов деятельности Петра I. И.С. Аксаков

признавал при этом также позитивную сторону петровских преобразований, наличие у них «всемирно-исторического содержания». Но в то же время, по его оценке, в деятельности Петра I «элементов случайности, временности, зла, насилия, лжи, запечатленных его необыкновенной личностью», «есть настолько же, если не более» [8], чем позитивных результатов. Обращает на себя внимание, что в данном отрывке И.С. Аксаков прямо связывал негативные стороны реформ Петра I с личностью самого императора. Тем самым в отношении критики Петра I И.С. Аксаков пошел еще дальше К.С. Аксакова.

Яркое высокохудожественное выражение негативных последствий реформ Петра I давал И.С. Аксаков в статье «Мы глупы и бедны». Как он писал, что в результате их до сих пор «мы живем жизнью не настоящей». В самом деле, «даже к концу XIX века, обретается вся наша интеллигенция расписанною по табели о XIV немецких рангах, и столицей русского народа и Святой Руси – город с немецким прозванием, чуть не за русским рубежом, где-то на Ингерманландской трясине лицом к Европе, задом к России». И как вывод: «достойная иллюстрация этого исторического периода!» [9].

Видный либерал, земский деятель и славянофил А.И. Кошелев, представлявший свой проект отмены крепостного права, в статье «Земская дума в России», вышедшей в семидесятых годах, ставил вопрос о государственном строе в России. Он не соглашался с распространенной мыслью о том, что самодержавие обязательно связано с деспотизмом. Это было не случайно. В полном соответствии с реалиями времени Александра II, когда самодержавие, между прочим, выступило инициатором крестьянской реформы, продвигало другие реформы, такое заявление вполне объяснимо. По его словам, за нынешний век «самодержавная власть ... почти постоянно шла впереди не только народной массы, но и так называемого общества, или дворянства» [10]. Но это не означало, что он готов был оправдывать каждого отдельного самодержца и его деятельность, что проявилось, к примеру, в его краткой характеристике царствования Петра I. «Царствование Петра I было временем страшнейшего деспотизма», – подчеркивал он; «крепостная зависимость была окончательно утверждена и распространена, до известной степени, на все состояния». Но данной точной и справедливой констатацией характери-

стику Петра I он не ограничивал и указал на противоречия его царствования. Этот царь, подчеркивал А.И. Кошелев, «явился на Руси в такое время, когда старые порядки отживали, и когда чувствовалась потребность в обновлении руководящих бытовых начал». Пребывание его за границей привело к тому, что он «был очарован успехами и действиями тамошнего просвещения». После он «решился приобщить свою страну к благам, им доставляемым, призвал отсюда много дельных и искусных людей, и тем соответствовал этой, смутно ощущавшейся тогда потребности обновления». Но положительная сторона его деятельности сочеталась с ее оборотной стороной, которой были методы петровского обновления. Он стал «беспощадно ломать старое, вводить новое и мало обращать внимание на действительные нужды и желания народа», – отмечал А.И. Кошелев [10, с. 378]. Для него петровское самодержавие – пример того, как самодержавная форма власти может обернуться своей негативной стороной.

Другой выдающийся славянофил и деятель крестьянской реформы, Ю.Ф. Самарин, в своем труде «Стефан Яворский и Феофан Прокопович» давал анализ отношения Петра I к православно-й церкви в России и к религии вообще. Это была не только тема научного исследования, но и часть вопроса о месте церкви в государстве и обществе, который также относился к общественной мысли времени накануне отмены крепостного права и пореформенного времени. Он при этом не принимал популярной точки зрения, что Петр I просто стремился подчинить церковь. Им было четко показано, на какой основе царь строил свою политику в отношении церкви. Так как он был «по преимуществу гений практический», строивший государство, в котором был «полным властелином», то все остальное, в том числе церковь, «были ему доступны, во сколько они служат государству». В самой «религии Петр Великий видел необходимое условие могущества и благоденствия государства, основу народной нравственности, без которой не может быть прочного, истинного отношения между подданными и Государем» [11]. Взгляд его на место церкви в государстве определял его представление о духовенстве. Поскольку, считал царь, «духовное сословие имело назначение трудиться для государства, и более никакого, то, следовательно, его устройство, управление, деятельность должны были условливаться государством как частный орган це-

лым», – писал Ю.Ф. Самарин [11, с. 114]. Отсюда шло упразднение патриаршества, которое им высмеивалось в известных «святотатственных оргиях» [11, с. 137], и полное подчинение церкви государству. Положения и выводы Ю.Ф. Самарина, касавшиеся отношения Петра I к церкви и духовенству, позволяют более полно представить личность царя и его деятельность, направленную на всемерное укрепление государственного начала в жизни русского общества.

Видный представитель позднего славянофильства К.Н. Леонтьев в своем труде «Византизм и славянство» давал в целом позитивную оценку деятельности Петра I. Он подчеркивал, что этот царь создавал предпосылки для развития страны. По его словам, с Петра I в России «началось более ясное, резкое расслоение нашего общества, явилось то разнообразие, без которого нет творчества у народов». Несколько ниже К.Н. Леонтьев рассуждал также о положительном значении деятельности не только Петра I, но и Екатерины II. При всех различиях между ними оба выдающихся российских монарха XVIII в., по его мнению, делали общее дело. «Деспотизм Петра был прогрессивный и аристократический, в смысле вышеизложенного расслоения общества. Либерализм Екатерины имел решительно тот же характер. Она вела Россию к цветению, к творчеству и росту. Она усиливала неравенство. Вот в чем главная ее заслуга», – писал он [12]. В этом рассуждении К.Н. Леонтьева вызывает сомнение указание на «аристократический» деспотизм Петра I, хотя указание на деспотизм не вызывает сомнений. В статье «Двадцатипятилетие царствования», написанной в 1880 г., он уже говорил не об аристократизме, но, напротив, о демократической мере Петра I, когда тот ввел «особого рода демократический феодализм выслуги», который «еще более дисциплинировал Русь» [13]. В своей передовой статье от 13.03.1880 г. из «Варшавского дневника» К.Н. Леонтьев использовал применительно к оценке деятельности Петра Великого категорию исторического прогресса. «Время Петра I было, конечно, прогрессивным временем» в истории России, – указывал он [14]. Оценка первого российского императора К.Н. Леонтьевым, таким образом, безусловно положительная и заметно отличается от оценок, которые давали братья Аксаковы. С целью создания условий для развития России, отмечал он, «европейскую маску ... намазала на лицо наше железная рука Петра I, дабы мы могли не-

узнанными или полуузнанными пройти шаг за шагом то вперед, то как будто назад – до заветной точки нашего культурного возрождения» [15]. Давая в целом позитивную оценку деятельности Петра I, К.Н. Леонтьев при этом явно опирался на понятие об историческом прогрессе, возникшее еще в эпоху Просвещения, и характеризовал Петра Великого в связи с отношением его разносторонней деятельности к этому понятию. Позитивная общая оценка деятельности Петра I означала у К.Н. Леонтьева как вывод о продвижении России благодаря петровским реформам по пути прогресса.

С охранительных позиций критическое отношение к славянофильской мысли о разрыве между народом и государством, ставшим результатом реформ Петра I, выступал редактор газеты «Московские ведомости» М.Н. Катков. В статье «Истинные задачи для пересмотра учреждений губернского и уездного управления. Самоуправление в Англии и в России», опубликованной в ноябре 1881 г., он дал ответ на предложение умеренных реформ и созыва Земских соборов, высказанное в произведении генерал-адъютанта И.И. Воронцова-Дашкова и генерала Р.А. Фадеева «Письма о современном состоянии России». Он резко критически воспринял заявление авторов о том, что с Петра Великого «самодержавная власть разрознилась с народом, между ними втиснулась бюрократия, которая разделила их и выросла наконец в громадную всеподавляющую силу, вредоносную как для самодержавия, так и для народа и исполненную всяких неправд, хищений, измены и крамолы». М.Н. Катков излагал тем самым одну из известных идеологических установок периода контрреформ Александра III, или положение теории «народной монархии», согласно которому необходимо было разрушить стену между самодержавием и народом, которую представляла собой бюрократия. При этом, однако, излагая точку зрения генералов-авторов «Писем», решительно не соглашался с ними в том, что в результате реформ Петра I произошли коренные изменения в характере управления и на место дворянства стала бюрократия. Говоря о времени после Петра I, М.Н. Катков указывал, что «управление главным образом находилось в руках помещного дворянства. Где же нашел автор бюрократию, которая управляла народом и разделяла его с самодержавной властью?», – спрашивал он. И далее разъяснял, на чем было основано сохранение управления дворянства и в чем оно состояло

при крепостном праве. «Владея на праве частной собственности миллионами народа и управляя ими, помещное дворянство само управляло своими делами», – утверждал он. «Большого самоуправления невозможно придумать», и в этом был его общий вывод.

Следовательно, никаких разрушений основ старого порядка, сложившегося в России до Петра I во внутреннем управлении, М.Н. Катков не видел. По его мысли, такое разрушение началось в результате крестьянской реформы Александра II, когда «крепостное право пало, а с ним прекратилось и основанное на нем дворянское самоуправление». Однако на место его встала не бюрократия, но, по его словам, «целый ряд других самоуправлений»: крестьянское, городское, земское, железнодорожное и другие [16]. Таким образом, разрушение традиций в России – результат реформ, однако не преобразований Петра I, но буржуазных реформ при Александре II. Еще более определенно с положительной оценкой реформ Петра I М.Н. Катков высказался в статье «Наши аномалии и судебная республика», опубликованной в 1884 г. в «Московских ведомостях». Он заявлял, что «реформы Петра Великого еще глубже изменили Россию его времени, однако историческое существо ее переросло в новую фазу своей жизни, не потрясенное, не ослабленное, а, напротив, усиленное». Такую оценку реформам Петра I М.Н. Катков давал с учетом реформ новейшего времени и с осторожностью предполагал, что целый ряд буржуазных реформ, проведенных при Александре II, «могут удовлетворить наши народные потребности, обеспечить порядок и свободу внутри государства, его достоинство среди других держав» [17].

Славянофильская точка зрения заметна в рассуждениях М.Н. Каткова о значении реформ Петра I в области просвещения и о ее последствиях для русского общества. Она была высказана в статье «Общий очерк борьбы за учебную реформу», опубликованной в 1871 г. в «Московских ведомостях». Автор указывал, что при проведении своей внутренней политики Петр I «был одушевлен мыслью о просвещении своего народа, о насаждении в нем науки». Но, по его словам, интерес «просвещения, образования, науки действовал в Петре Великом как страсть, смутно и смешанно. Одушевляемый им, преобразователь совершил великие дела, но не достиг своей высшей цели». Выразилось это в том, что царь «вдвинул Россию в Европу, но ... порабо-

тил русский народ чужому просвещению». И далее следует весьма точное наблюдение М.Н. Каткова. Петр I, писал он, «хотел насадить у нас науку как начало всякого улучшения, как подспорье всякому полезному делу; но он научил нас только пользоваться плодами чужого труда». Результатом стало то, что мы, по словам автора, «до сих пор остаемся данниками чужой мысли, и наша народность ничем не ознаменовала себя во всемирном труде разумения, знания изобретения». Но при этом в обществе сформировались некоторые другие черты: «Подражательность, склонность к наружному усвоению, венное ученичество, умственное несовершеннолетие». И все это, по оценке автора, было создано «первым преобразователем», т. е. Петром I. Оценка, таким образом, крайне резкая, более резкая, чем у славянофильских критиков первого российского императора. Но эта критика со стороны редактора «Московских ведомостей» усиливается еще более при указании им на последствия такого усвоения европейских знаний и европейского опыта, которые проявились на международной арене, в отношении к России в европейских странах. Россия была принята в европейский мир, но «казалась ненужным пришельцем, тунеядцем за чужой трапезой» [18]. Он тем самым ставил под сомнение обобщающий результат всей деятельности Петра I, заключающийся в превращении России в страну по-настоящему европейскую. И тем самым отрицал положительные последствия петровских реформ для нее.

Таким образом, по вопросу об оценках деятельности Петра I в статьях М.Н. Каткова, опубликованных в 1871 г. и в 1884 г., заметна принципиальная разница. Резко негативная, высказанная в разгар эпохи буржуазных реформ Александра II, сменилась на весьма положительную в период контрреформ Александра III. Такое изменение соответствовало особенностям идеологии при этих двух царствованиях. Так, если при Александре II преобладал критический настрой по отношению к недавнему прошлому, основы которого были заложены при Петре Великом, то при Александре III верх взяли охранительные тенденции. М.Н. Катков, таким образом, чутко реагировал на изменения в идеологии самодержавия и старался следовать принятым установкам.

Путь от революционера до консерватора проделал народник-пропагандист и член «Народной воли» Л.А.Тихомиров, перешедший

окончательно к концу восьмидесятых годов на охранительные позиции. Свои исторические и политические взгляды, которые сложились у него к концу XIX – началу XX в. он выразил в книге «Монархическая государственность». По его мнению, монархическое правление имеет решающее преимущество по сравнению с аристократией и демократией. Оно имеет свой нравственный идеал, а для России является наиболее благоприятной формой государственной власти. Идеалом Л.А. Тихомирова был среди всех русских монархов Александр III. Но и Петра I он ценил также высоко. В гл. 14 «Петр Великий как русский человек» из третьей части книги автор подчеркивал, что в нем сосредоточена важнейшая черта характера русского человека, которая состояла в поиске правды, или, по словам Л.А. Тихомирова, истины. «Петр был величайшим выразителем русского человека в этой решимости жить только истиной, хотя бы она была “люторская”, голландская и какая угодно. Он готов был отречься от всего, в чем не видел истины, и прилепиться к чему угодно, если усматривал в нем истину», – писал Л.А. Тихомиров [19]. В Петре I он видел и «величие русского духа», и его противоречивость, которой была «жалкая отсталость России, бедность ее умственных средств». Сам царь выступал в «привлекающем величии своего гения, давшего нашей монархии новый момент самодержавного водительства народа в его величайших во времени задачах». Но при нем, по оценке Л.А. Тихомирова, произошел «опаснейший кризис – смешения самодержавия с абсолютизмом» [19, с. 314].

Величие Петра I, по мнению Л.А. Тихомирова, состояло в том, что он взял «на свои плечи тяжкую задачу: привести Россию возможно быстрее к возможно полному обладанию всеми средствами европейской культуры». По его словам, такое обладание было необходимо, поскольку вообще «стоял для России вопрос “быть или не быть”», с угрозой от быстро развивавшихся европейских государств. Поэтому «Петр, железной рукой принудивший Россию учиться и работать, был, конечно, спасителем всего национального будущего» [19, с. 316]. Для этого царь, согласно Л.А. Тихомирову, закрепостил Россию. Но он видел обратную сторону этих действий Петра I. Состояла она в том, что царь «не обозначил никаких пределов установленному им всеобщему закрепощению государства, не принял никаких мер к тому, чтобы временная

система не стала постоянной» [19, с. 317]. Еще одно основание для критики Петра I Л.А. Тихомиров видел в политике его по отношению к церкви. По его словам, причиной было «чрезвычайное непонимание идеи своей власти» самим царем. В результате «такого отношения к народной вере» церковь попала «в “вавилонское пленение”». И, наконец, – Петр I «уничтожил правильное престолонаследие», за что Россия «расплатилась ... полустолетием государственных переворотов» [19, с. 321]. Вместе с тем Л.А. Тихомиров как человек, поздно и на почве разочарования в революционной деятельности обратившийся к религии, преувеличивал религиозные чувства Петра I. Он указывал, что у царя «стремление к реформе появилось в детстве под влиянием мечты собрать силы для крестовых походов и освобождения Св. Гроба» [19, с. 314–315]. По источникам подобных настроений у Петра I не прослеживается ни в молодости, ни в более позднее время.

Таким образом, в консервативной общественно-исторической мысли России, которую выражали славянофилы и охранители, можно заметить отсутствие четкого и однозначного отношения к Петру I и его деятельности. Признание позитивных ее сторон сочетается с критикой, причем нередко весьма решительной и резкой. По магистерскому сочинению К.С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» было заметно стремление выстраивать характеристики Петра I и петровских реформ на основе начал гегелевской диалектики, что придавало этим характеристикам черты углубленного анализа. Но при этом у других авторов нередко замечен простой аксиологический подход к Петру I, который имел место и в более раннее время и который сводился к выявлению в деятельности царя положительных и отрицательных сторон. Заметна, кроме того, связь между отношением этих авторов к реформам Петра I и к буржуазным реформам второй половины XIX в. В целом все названные авторы признавали необходимость реформ Петра I, но отмечали их противоречивый характер.

Литература

1. Щербатов М.М. Избранные труды / сост. С.Г. Калинина. М. : РОССПЭН, 2010. 632 с.
2. Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 117.

3. Аксаков К.С. О современном литературном споре // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 179.

4. Аксаков К.С. Три критические статьи г-на Имрек // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 172.

5. Аксаков К.С. Несколько слов о русской истории, возбужденных Историею г. Соловьева // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 212.

6. Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Карамзин Н.М. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 293.

7. Аксаков К.С. Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная государю императору Александру II в 1855 г. // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 244.

8. Аксаков И.С. Петербург и Москва // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 424.

9. Аксаков И.С. Мы глупы и бедны // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 719.

10. Кошелев А.И. Общая земская дума в России // Кошелев А.И. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 379.

11. Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Самарин Ю.Ф. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 107.

12. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. М. : РОССПЭН, 2010. С. 50.

13. Леонтьев К.Н. Двадцатипятилетие царствования // Леонтьев К.Н. Избранное. М. : РОССПЭН, 2010. С. 179.

14. Леонтьев К.Н. Передовая // Леонтьев К.Н. Избранное. М. : РОССПЭН, 2010. С. 321.

15. Леонтьев К.Н. Записки отшельника (1887 г.) // Леонтьев К.Н. Избранное. М. : РОССПЭН, 2010. С. 524.

16. Катков М.Н. Русский государственный строй // Катков М.Н. Избранное. М. : РОССПЭН, 2010. С. 81.

17. Катков М.Н. Наши аномалии и судебная республика // Катков М.Н. Избранное. М. : РОССПЭН, 2010. С. 98.

18. Катков М.Н. Общий очерк борьбы за учебную реформу // Катков М.Н. Избранное. М. : РОССПЭН, 2010. С. 385.

19. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность // Тихомиров Л.А. Избранное. М. : РОССПЭН, 2010. С. 313–314.

References

1. Shcherbatov M.M. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Comp. S.G. Kalinina. Moscow: ROSSPEN, 2010, 632 p.

2. Aksakov K.S. [Lomonosov in the History of Russian Literature and Russian Language]. Aksakov K.S., Aksakov I.S. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 117.

3. Aksakov K.S. [On the Modern Literary Dispute]. Aksakov K.S., Aksakov I.S. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 179.

4. Aksakov K.S. *trudy* [Three Critical Articles by Mr. Imrek]. Aksakov K.S., Aksakov I.S. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 172.

5. Aksakov K.S. [A Few Words about Russian History, Excited by the History of Solovyov]. Aksakov K.S., Aksakov I.S. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 212.

6. Karamzin N.M. [On the Ancient and New Russia in its Political and Civil Terms]. Karamzin N.M. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 293.

7. Aksakov K.S. [Message of K.S. Aksakov “On the Internal State of Russia”, Submitted to the Emperor Alexander II in 1855]. Aksakov K.S., Aksakov I.S. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 244.

8. Aksakov I.S. [Petersburg and Moscow]. Aksakov K.S., Aksakov I.S. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 424.

9. Aksakov I.S. [We are Stupid and Poor]. Aksakov K.S., Aksakov I.S. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 719.

10. Koshelev A.I. [Common Duma in Russia]. Koshelev A.I. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 379.

11. Samarin Yu.F. [Stefan Yavorsky and Feofan Prokopovich]. Samarin Yu.F. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 107.

12. Leont'ev K.N. [Byzantinism and Slavism]. Leont'ev K.N. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 50.

13. Leont'ev K.N. [Twenty-fifth Anniversary of the Reign]. Leont'ev K.N. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 179.

14. Leont'ev K.N. [Front Line]. Leont'ev K.N. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 321.

15. Leont'ev K.N. [Notes of a Hermit (1887)]. Leont'ev K.N. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 524.

16. Katkov M.N. [Russian State System]. Katkov M.N. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 81.

17. Katkov M.N. [Our Anomalies and Judicial Republic]. Katkov M.N. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 98.

18. Katkov M.N. [A General Essay of the Struggle for Educational Reform]. Katkov M.N. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 385.

19. Tikhomirov L.A. [Monarchical Statehood]. Tikhomirov L.A. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 313-314.

Поступила в редакцию / Received

24 декабря 2018 г. / December 24, 2018

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ КУРДСКИХ ПАРТИЙ ИРАКА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

© 2019 г. Р.С. Айриян ^а, А.В. Лепков ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

U.S. POLICY AGAINST THE KURDISH IRAQI PARTIES AT THE END OF THE 20th - BEGINNING OF THE 21st CENTURY

R.S. Ayriyan ^а, A.V. Lepkov ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Айриян Радмила Сергеевна –
кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой зарубежной истории
и международных отношений,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: rsayriyan@sfedu.ru

Radmila S. Ayriyan -
Candidate of History, Associate Professor,
Head of the Department of Foreign History
and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: rsayriyan@sfedu.ru

Лепков Арсений Владимирович –
магистрант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: alepkov@mail.ua

Arseniy V. Lepkov -
Master Student,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: alepkov@mail.ua

Традиционно в российской и зарубежной историографии курдский вопрос рассматривался в контексте межгосударственных отношений – американо-турецкие, американо-иракские, турецко-иракские, турецко-сирийские и т.д. В статье исследуется сотрудничество США с курдскими партиями как самостоятельный вектор американской внешней политики в регионе Ближнего Востока. Определены этапы и инструменты этого сотрудничества. Финансовая поддержка со стороны Соединённых Штатов процесса примирения курдских партий после внутрикурдского военного конфликта, заключение Вашингтонского соглашения, а также встречи первых лиц США с руководителями курдских партий стали обязательным условием в подготовке американского вторжения в Ирак в 2003 г. При этом сотрудничество с курдами рассматривалось в США как и инструмент давления на Турцию и Ирак. В то же время курдские партии были вынуждены следовать в фарватере американской ближневосточной стратегии из-за отсутствия иных гарантий внутренней стабильности в Курдистане и альтернатив внешней поддержки в их противостоянии с турецким и иракским правительствами. Доказывается, что в официальной внешнеполитической повестке Соединённых Штатов Иракский Курдистан никогда не рассматривался в качестве независимого государства (пусть даже в перспективе), а чётко определяется как территория с широкой автономией.

Ключевые слова: США, Курдистан, Ирак, Закон об освобождении Ирака, Вашингтонское соглашение.

Traditionally in Russian and foreign historiography the Kurdish issue was considered in the context of international relations - American-Turkish, American-Iraq, Turkish-Iraq, Turkish-Syrian, etc. The article investigates the cooperation of the United States with Kurdish parties as an independent vector of American foreign policy in the Middle East region. The authors identify the stages and instruments of this cooperation. Financial support from the United States for the process of peace-building among Kurdish parties after the military conflict, the negotiation of the Washington Agreement, as well as meetings of the U.S. top officials with the leaders of Kurdish parties were prerequisites for the preparation of the U.S. invasion of Iraq in 2003. At the same time, cooperation with the Kurds was also considered in the U.S. as an instrument of pressure on Turkey and Iraq. The Kurdish parties were forced to follow the fairway of the United States Middle East strategy because of the lack of other guarantees of internal stability in the Kurdistan region and alternatives to external support in their confrontation with the Turkish and Iraqi governments. The article proves that the official foreign

policy agenda of the United States has never considered Iraqi Kurdistan as an independent state (even in the long run), but clearly defined as a territory with wide autonomy.

Keywords: USA, Kurdistan, Iraq, Iraq Liberation Act, Washington Agreement.

Одним из наиболее заметных игроков и ключевых факторов на ближневосточной арене сегодня являются курды, а именно: курдское население Турции, Ирака, Сирии и Ирана. Будучи разделены современными границами держав и не имея при этом собственного государства, они объединены в группы по политическому признаку, преследуя одну цель – построение некоего государственного образования в форме от автономии в составе государства или конфедерации до варианта полной независимости без переходных фаз. Форма их борьбы также варьируется от гражданской политической деятельности и создания политических партий до вооружённой борьбы с правительством. Многочисленность, сплочённость, организованность и чётко поставленные цели ярко выделяют эту группу на ближневосточной арене. И здесь традиционно проявлялась двойственность – как самим курдам в их борьбе требовалась мощная внешняя поддержка со стороны государств, обладающих ресурсами и возможностями, так и государствам, являющимся ключевыми геополитическими игроками при закреплении собственных позиций на Ближнем Востоке, требовалась поддержка на месте в этом процессе, поддержка групп с чётко выраженными и понятными целями. Очевидно то, что политика США в отношении иракских курдов вписана в американскую ближневосточную стратегию, определяется отношениями с региональными державами и правительством Ирака.

Представляется важным исследовать позицию США в отношении создания независимого Иракского Курдистана и выявить конкретные элементы сотрудничества с иракскими курдами в конце XX – начале XXI в.

Историография американо-курдских отношений является частью общих исследований, посвященных как внешней политике США в регионе [1–4], так и курдскому фактору на Ближнем Востоке [5–9]. Под эгидой институтов РАН в конце XX – начале XXI в. вышло несколько сборников статей, посвященных курдской проблеме. В сборниках «Южный Курдистан сегодня» [10], «Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века» [11], «Курдский вопрос на рубеже тысячелетий» [12] и других исследователями проанализированы позиции региональных держав в отношении намерений

курдского населения Ирака создать собственное независимое государство.

Тем не менее при большом разнообразии исследований остаётся малоизученным вопрос непосредственно взаимоотношений США и представителей так называемого «Иракского Курдистана». Проблематика американо-курдских отношений затрагивается лишь в некоторых исследованиях. Статья И.Е. Федоровой «США и иракские курды» [13] представляет краткий обзор американо-курдских отношений в 2005 г., в исследовании О.И. Жигалиной «Курдская политика США в Ираке и проблемы турецких курдов» [14] данные отношения рассматриваются как часть общей политики США в отношении Турции. Можно выделить также работу Марианны Хароунтаки «Курды и американская внешняя политика. Международные отношения на Ближнем Востоке с 1945 г.» [15], в которой американо-курдские отношения исследуются в качестве некой системообразующей реальности, выстраивающей взаимоотношения других региональных игроков.

Из всех курдских объединений на территориях государств Ближнего Востока именно Иракский Курдистан, имеющий реальную автономию, де-факто, ближе всего к получению независимости. И из всех курдских организаций, претендующих на государственность именно курды Ирака имеют наиболее давнюю историю тесных военно-экономических взаимоотношений с Соединёнными Штатами.

О тесном их сотрудничестве можно говорить лишь с начала 1990-х гг., а именно – старта операции в Персидском заливе. До этого различные оппозиционные правительству Хусейна силы в Ираке американцами не рассматривались всерьёз, ввиду общей ставки на Ирак в 1980-х. Однако военная операция на Ближнем Востоке заставила не просто обратить внимание на фактор Южного (Иракского) Курдистана, но и наладить достаточно быстро тесный контакт на основе единства в противостоянии иракскому правительству. Однако же, если смотреть шире, фактор Южного Курдистана рассматривался американскими военными не только в контексте общей поддержки на месте, но и в стратегическом и экономическом плане. Географическое положение Южного Курдистана, получавшего по итогам автономии, давало «выход» как к запад-

ной иранской, так и к южной турецкой границам. Иракский Курдистан (в частности, район Киркук) являлся наиболее богатым во всех отношениях регионом Ирака, с хорошо развитым сельским хозяйством, и что важно – наиболее нефтеносным – более половины всей иракской нефтедобычи приходилось на эти северные регионы, без учёта ещё не освоенных на тот момент залежей [16, с. 21].

Поддержка иракскими курдами американской военной операции была одним из первых плодов завязавшегося сотрудничества, хотя, с другой стороны, Курдистан как фактор борьбы с правительством Хуссейна на протяжении всей военной операции оставался «автономным» во всех смыслах. Например, курды Ирака отказывались поддерживать другие оппозиционные силы в стране. Кроме того, самым тяжёлым периодом сотрудничества американцев с иракскими курдами был конфликт между двумя лидирующими партиями – левоцентристской Демократической партией Курдистана (далее – ДПК) под руководством Масуда Барзани и левым Патриотическим союзом Курдистана (далее – ПСК) под руководством Джаляля Талабани. В кризисный момент традиционно напряжённое противостояние этих двух партий в борьбе за власть вылилось в 1994 г. в открытый военный конфликт между двумя фракциями, каждая из которых имела в подчинении собственные вооружённые силы, стороннюю поддержку и регионы, находящиеся под их контролем.

В условиях гражданской войны в пределах Курдистана и фактического двоевластия, в этот конфликт были вовлечены Соединённые Штаты, Турция и Иран. Поддержка ПСК вооружёнными отрядами Рабочей партии Курдистана (далее – РПК) послужила в 1997 г. поводом для открытого военного вмешательства со стороны Турции, под предлогом антитеррористической операции, что лишь осложняло ситуацию, как и вооружённая поддержка Ирана курдского ПСК. Однако апофеозом межкурдского вооружённого конфликта стало обращение летом 1996 г. лидера ДПК Барзани к Хуссейну с просьбой об оказании помощи. Саддам Хуссейн рассматривал её как шанс на возвращение севера страны под контроль правительства и ликвидации части оппозиционных сил. Иракские войска взяли Эрбиль, контролируемый на тот момент пешмерга ПСК. Казни, проводимые в городе иракскими военными, как и нарушение 68-й резолюции СБ ООН по защите национальных меньшинств, в свою очередь, послужили поводом для новой военной операции США, в ходе кото-

рой был произведён ряд ракетных ударов по иракским военным объектам. Что же касается внутреннего курдского конфликта, то на протяжении 1995–1996 гг. предпринимались попытки установления перемирия. Для поддержания процесса примирения между курдскими партиями США ещё в 1997 г., сразу после прекращения огня и перемирия, выделили им 7 млн долл. Также была создана группа по наблюдению за мирным процессом в составе представителей США, Великобритании, Турции, иракских туркоманов и двух курдских партий.

Однако закончился конфликт лишь в сентябре 1998 г. подписанием «Вашингтонского соглашения» между Барзани и Талабани при активном посредничестве США. По итогам данного соглашения были установлены общие условия разделения влияния и доходов, равноправия двух курдских правительств (ДПК с центром в Эрбиле и ПСК с центром в Сулеймании), договорённость о запрете нахождения на территории Южного Курдистана как иракской армии (что позже стало пунктом конституции), так и сил РПК, а также продажи нефти и действия на территории региона гуманитарных программ. По данным Global Security, лишь на завершающей стадии конфликта обе стороны потеряли около 1200 чел., десяткам тысяч пришлось покинуть свои дома [17].

В целом встреча, состоявшаяся 17 сентября 1998 г., подтвердила намерения двух основных курдских партий оставаться в рамках единого демократического и федеративного Ирака. Позиция США также была высказана однозначно госсекретарем Олбрайт – Соединённые Штаты остаются на позициях «...территориальной целостности и суверенного единства Ирака» [18]. В ходе интервью, данного 15 октября сотрудником Госдепартамента Дэвидом Уолчем, было также отмечено, что «Соединённые Штаты не поддерживают независимый Курдистан, будь то в северном Ираке, будь то в любом другом месте» [19]. На различных уровнях представители США говорили о едином Ираке и о сопротивлении любым сепаратистским тенденциям на севере страны [20, 21]. Государственный департамент проводил четкую границу между РПК, признанной в США террористической организацией, и иракскими курдскими партиями, которые признавались борцами с «незаконным режимом». «Иракские курды являются одними из самых преданных сторонников нового Ирака» [22]. Это важное замечание было сделано, чтобы в очередной раз успокоить турецких союзников

по НАТО. По той же причине военным действиям Турции на севере Ирака в период внутрикурдского конфликта сотрудниками Госдепартамента принципиально не давалась оценка.

Для закрепления успеха посреднической миссии Вашингтона, 31 октября 1998 г. принимается Закон об освобождении Ирака (Iraq Liberation Act of 1998), в соответствии с которым иракской оппозиции выделялось примерно 100 млн долл. на борьбу против режима Саддама Хусейна. В начале февраля 1999 г. президент Клинтон определил те движения и организации, которые должны были получить эту помощь. Среди перечисленных оказались и три курдские партии Ирака – ДПК, ПСК и Исламское движение иракского Курдистана. Примечательно, что инициаторами этого закона в Конгрессе выступили представители Республиканской партии – Трент Лотт, глава республиканской фракции в Сенате, и Бенджамин Гилмэн, председатель комитета Палаты представителей по международным делам. Республиканцы, имея большинство в обеих палатах и заручившись поддержкой демократов, смогли получить 360 голосов конгрессменов за рассматриваемый законопроект (только 38 конгрессменов выступили против). Законодатели не предоставили право президенту использовать вооруженные силы США для достижения заявленных в Законе целей и задач, однако на военную помощь в виде обучения и оборудования курдские партии рассчитывать могли [23].

В XXI век, таким образом, Иракский Курдистан вступал как вполне сформировавшийся регион с широкой автономией, собственными вооружёнными силами и большими доходами от продажи нефти, находящийся в состоянии хрупкого мира между двумя лидирующими военно-политическими силами. В конце 1990-х – начале 2000-х проводился ряд деловых визитов как представителей парламента Курдистана в Вашингтон, так и уполномоченных советников Госдепартамента в Эрбиль. Барзани и Талабани получали заверения со стороны представителей американской дипломатии во всемерной поддержке [19]. В июне 2002 г. Соединённые Штаты предоставили курдам дополнительно на развитие процесса примирения 3,1 млн долл. [24]. Уже 4 октября две курдские партии подтвердили свое намерение улаживать споры мирным путем, проведя первое совместное заседание курдского регионального парламента впервые с 1994 г.

И новый виток американо-курдского сотрудничества пришёлся на 2003 г. – с момента втор-

жения США и стран западной коалиции в Ирак. Иракские курды, как находящиеся под руководством ДПК, так и занимающие сторону ПСК, выступили на стороне Соединённых Штатов и приняли активное участие в конфликте.

В этот период вновь актуализируется вопрос сотрудничества – возможность наличия в Южном Курдистане американской военной базы. Оглядываясь в прошлое, в начало 1990-х гг., можно проследить трансформацию позиции Турции. Турецкий президент Тургут Озал был активным сторонником создания американцами на севере Ирака так называемой «зоны безопасности», рассчитывая, что это поможет сдержать поток курдских беженцев в Турцию и, соответственно, избежать усиления радикальных курдских группировок, в первую очередь РПК [25, 26]. В случае, если подобные меры не предпримут США, Турция оставляла за собой право собственного военного вмешательства на территории Северного Ирака, что в конечном итоге и произошло в 1997 г. Отчасти Турция добилась своих целей – официально РПК лишилась если не всех, то большинства позиций в Южном Курдистане по результатам Вашингтонского соглашения. Однако позднее турецкое правительство взглянуло на возможность появления американского военного присутствия в северном Ираке по-другому.

Турция осознавала роль Курдистана в стратегии США как одного из сильнейших рычагов давления на Ближнем Востоке. После окончания Холодной войны Соединённым Штатам не нужна была сильная Турция, ведущая активную внешнюю политику в соседних странах и претендующая на региональное лидерство на Ближнем Востоке и Кавказе. Повод рассматривать этот рычаг давления, как направленный Соединёнными Штатами против Турции, появился ещё в конце 1990-х. В заключении соглашения о мире между фракциями ДПК и ПСК в Курдистане в 1998 г. турецкая сторона, считавшая этот вопрос для себя крайне важным, фактически была отстранена от принятия решения на переговорах представителей госдепартамента и курдских лидеров, и на заключении мирного договора в сентябре 1998 г. турецкая делегация фактически выполняла роль наблюдателей, не имеющих влияния на процесс, что не отрицалось и самими представителями госдепартамента [27, с. 20; 19]. Проявлялось это и в дальнейшем, в вопросе о военном присутствии США в Турции. В этот период США столкну-

лись с масштабным сопротивлением Турции по вопросу использования базы ВВС Инджирлик во время ведения военной кампании против Ирака и бомбардировок. Это было связано в первую очередь с тем, что Турция, оставаясь союзником Соединённых Штатов, не желала разрыва дипломатических отношений с Ираком и, помимо прочего, старалась привлечь обе стороны в решение курдской проблемы как на своих границах, так и репатриации курдских беженцев обратно в Ирак [25, 28]. Заявления же ряда американских военачальников о перспективе создания военной базы на территории Южного Курдистана стало закономерно восприниматься Турцией как лишение своего рода «монополии» на военное сотрудничество в ближневосточно-средиземноморском регионе.

Курдская пресса и политики активно тиражировали с начала 2000-х гг. заявления о возможности постоянного американского военного присутствия в Иракском Курдистане, выказывая этой инициативе активную поддержку. Курдские лидеры осознавали, что данная мера, пусть и в перспективе, будет лишь своеобразным «рычагом давления» со стороны США на Турцию и элементом сдерживания роста её влияния в регионе. Не имея никаких иных альтернатив активной внешней поддержки и сотрудничества из действующих на Ближнем Востоке сил (Анкара, Багдад и Тегеран отпадали по объективным причинам), «официальный Курдистан» видел в Соединённых Штатах единственную силу, способную сдерживать влияние как Турции, так и арабских государств [27, с. 23–27]. В ходе Иракской войны в 2003 г. американскими военными отмечалось желание курдов сотрудничать с США и не обострять отношения с Турцией.

Однако в то же время Курдистан (а если говорить точнее, то Барзани и его сторонники) не спешил окончательно разрывать отношения с турецким и иракским правительствами. Это проявилось в 2003 г. практически сразу же после свержения Хуссейна, когда вооружённые силы ПСК заняли район Киркук, что вызвало возмущение Анкары [17, 29]. Противником этих действий практически сразу выступила и ДПК. Под давлением США вооружённые отряды ПСК, подчинённые Талабани, покинули регион, уступив его иракской армии. Ранее США заверяли Турцию, что курдские силы из Мосула и Киркука будут выведены и заменены американскими войсками [30]. С одной стороны, это был своего рода встречный шаг США в отношении

союзника, а с другой – достижение общего интереса. Придерживаясь различных позиций по разным пунктам курдского вопроса, Соединённые Штаты и Турция сходились в том, что контроль Киркука и Мосула должен быть за иракскими властями, а не курдами. В США понимали, что турецкая внешняя политика направлена как на сохранение территориальной целостности Ирака и недопущения появления курдского государства, так и на справедливое представительство туркоманов в будущем едином иракском правительстве. В деле «успокоения» турецких властей США использовали прямое и косвенное финансирование. Так, в 2002 г. Соединённые Штаты предоставили своему союзнику по НАТО 228 млн долл. в виде военной и экономической помощи. Помимо этого, они посодействовали Турции в получении кредита МВФ в размере 31 млрд долл. [31].

Окончанием же этого нового этапа американско-курдских отношений можно считать определённую политическую стабилизацию ситуации в Ираке, а именно вступление в силу новой конституции страны в октябре 2005 г., созданной при участии американских советников. В ней закреплялись федеративный автономный статус Курдистана (Курдский Автономный район), право на наличие собственных сил безопасности, приоритет местного законодательства над федеральным, а курдский язык становился вторым официальным языком. Также Курдистан получил право иметь собственного представителя в посольствах за рубежом. Всё это было прописано и в принятой примерно в то же время Конституции Курдистана [32]. Отдельно стоит упомянуть и о позиции Соединённых Штатов относительно будущего Курдистана. Концепция «Большого Ближнего Востока» предусматривала военно-политическое влияние США во всех государствах региона и контроль над добычей и продажей энергоресурсов, а соответственно, и закрепление экономического влияния. В рамках переустройства Ирака как одного из центральных государств данного проекта не должно было оставаться никаких непредвиденных факторов, поэтому даже перспективное федеративное деление имело, как минимум, два варианта – этнический (курдский и арабский регионы) либо же этноконфессиональный (курдский, арабосуннитский и арабо-шиитский). При всей проработке сценариев будущего Ирака и нацеленности на единство, пусть и в качестве федерации, не были учтены множество факторов, что и

привело в дальнейшем к падению влияния нового правительства и усугублению существующих неразрешённых этноконфессиональных конфликтов [33, с. 33–35].

Население Ирака восприняло новое административное устройство и распределение полномочий между центром и автономией неоднозначно. Если представители США и Курдского Автономного района (КАР) были удовлетворены существующей автономией в составе федерации, что давало немало преимуществ, то большая часть политически активного населения среди курдов и арабов были склонны видеть в этом переходную фазу к созданию независимого государства Иракский Курдистан под патронажем США, и это порождало соответствующую реакцию [33, с. 40–42; 27, с. 25–27].

В 2005 г. президентом КАР становится Масуд Барзани, его же противник, временный союзник, а некогда соратник Джаляль Талабани в это же время возглавил правительство Ирака. Подобная расстановка сил в значительной степени устраивала все стороны: Барзани и Талабани фактически разделили Ирак на зоны влияния, а Соединённые Штаты сохранили влияние на иракское правительство и курдские партии, посредством предоставления им 5,7 млрд долл. на создание иракских сил безопасности [34]. Попытки США создать единую Иракскую армию наталкивались на нежелание курдов распускать свои военные формирования. Так, в феврале 2005 г. один из курдских лидеров в интервью газете «Financial Times» говорил, что не в их интересах создавать сильную иракскую армию с участием или без участия курдов. В то же время Масуд Барзани заявлял, что Курдистан намерен сохранить свою армию, так как «она символизирует сопротивление... Это не вопрос для дискуссий и переговоров» [35]. С 2005 г. в американо-курдских отношениях наступает новый этап, когда власти Курдистана начинают выступать в защиту идеи независимого государства.

Иракский Курдистан во взаимоотношениях с Соединёнными Штатами в рассматриваемый период не являлся в полной мере независимой силой и, при частичном сохранении «свободы рук» во внутрииракских делах (отношениях с иракским правительством и оппозицией, в вопросах экономики, территориальных границ и автономного статуса), был вынужден следовать курсу, проложенному США в рамках их ближневосточной стратегии. Основные политические силы курдов были вынуждены действовать так ввиду отсут-

ствия иных гарантий внутренней стабильности и альтернатив внешней поддержки в противостоянии с Турцией и Ираком. В основе отношений с иракскими курдами для Соединённых Штатов лежал более широкий политический контекст Ирака, а также понимание Вашингтоном своей долгосрочной роли на Ближнем Востоке. Действия США по финансовой поддержке курдских партий, предпринимаемые усилия к примирению сторон и успокоение Турции в виде некоторых уступок и финансовой помощи должны рассматриваться как необходимое условие для начала военной кампании против режима Саддама Хусейна. Принимая во внимание эти факторы, последующее кризисное состояние как американо-турецких отношений, так и взаимоотношения США и Иракского Курдистана не являются ситуациями, порождёнными событиями «Арабской весны» или гражданской войны в Сирии, ибо противоречия эти были очевидны ещё в конце XX – начале XXI в.

Литература

1. Ближний Восток и современность : сб. ст. М. : Ин-т Ближнего Востока, 2005. № 26. 314 с.
2. Kaussler B., Hastedt G. US Foreign Policy Towards the Middle East: The Realpolitik of Deceit. N.Y.: Routledge, 2017. 192 p.
3. Little D. American orientalism: the United States and the Middle East since 1945. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2002. 464 p.
4. Prifti B. US Foreign Policy in the Middle East. The Case for Continuity. L.: Palgrave Macmillan, 2017. 232 p.
5. История Курдистана. М. : Ин-т востоковедения РАН, 1999. 519 с.
6. Мосаки Н.З. Курдистан: ресурсы и политика. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2005. 352 с.
7. Геноцид в Иракском Курдистане. М. : Профобразование, 2003. 360 с.
8. The future of Kurdistan in Iraq / ed. by B. O'Leary. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005. 384 p.
9. Stansfield G. Iraqi Kurdistan: Political development and emergent democracy. N.Y.: Routledge Curzon, 2003. 280 p.
10. Южный Курдистан сегодня. М. : Ин-т востоковедения РАН, 1997. 108 с.
11. Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. М. : Ин-т востоковедения РАН, Ин-т Ближнего Востока, 2006. 342 с.
12. Курдский вопрос на рубеже тысячелетий. М. : Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, Ин-т востоковедения РАН, 2004. 121 с.

13. Федорова И.Е. США и иракские курды // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. М.: Ин-т востоковедения РАН, Ин-т Ближнего Востока, 2006. С. 42–45.
14. Жигалина О.И. Курдская политика США в Ираке и проблемы турецких курдов // Современный исламский Восток и страны Запада. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. С. 57–64.
15. Charountaki M. The Kurds and US Foreign Policy: International Relations in the Middle East since 1945. L.: Routledge, 2010. 336 p.
16. Степанова Н.В. Курдская проблема в Ираке. М.: МГИМО-Университет, 2005. 30 с.
17. Kurdish fighters takes Kirkuk. URL: <https://www.theguardian.com/world/2003/apr/11/iraq.kurds1> (дата обращения: 16.10.2018).
18. Albright and PUK and KDP remarks. U.S. Department of State. URL: <https://1997-2001.state.gov/state-ments/1998/980917a.html> (дата обращения: 08.10.2018).
19. Welch: U.S. Brokered Northern Iraq Accord and U.S.-Iraq Relations. URL: https://1997-2001.state.gov/poli-cy-remarks/1998/981015_welch_iraq.html (дата обращения: 08.10.2018).
20. Press Briefing after Meetings at Ministry of Foreign Affairs. URL: http://1997-2001.state.gov/policy-remarks/2000/000414_ricciardone_iraq.html (дата обращения: 16.10.2018).
21. Joint Statement by the Vice President and Leaders of the Iraqi National Congress. June 26, 2000. URL: http://1997-2001.state.gov/regions/nea/000626_gore_iraq.html (дата обращения: 08.10.2018).
22. Ricciardone: Kurds in the Global Arena. URL: https://1997-2001.state.gov/policy-remarks/2000/000417_ricciardone_kurds.html (дата обращения: 08.10.2018).
23. Iraq Liberation Act of 1998. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-112/pdf/STATUTE-112-Pg3178.pdf> (дата обращения: 14.09.2018).
24. CRS Issue Brief for Congress. Iraq: Weapons Programs, UN Requirements, and US Policy. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/IB92117.pdf> (дата обращения: 14.09.2018).
25. Special Report: Turkey fears another refugee crisis. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/special_report/iraq/58121.stm (дата обращения: 16.10.2018).
26. Turgut Ozal: The Kurds Must Go to Their Own Places. URL: http://articles.latimes.com/1991-05-06/local/me-815_1_turgut-ozal (дата обращения: 16.10.2018).
27. Мосаки Н.З. Курдистан и курдский вопрос в политике Запада и России. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2011. 346 с.
28. Turks Angry as Kurd Aid Backfires. URL: <https://www.nytimes.com/1991/05/17/world/turks-angry-as-kurd-aid-backfires.html> (дата обращения: 16.10.2018).
29. Kurdish victory provokes fears of Turkish invention. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/kurdish-victory-provokes-fears-of-turkish-invasion-114685.html> (дата обращения: 16.10.2018).
30. CRS Report for Congress. Iraq: US Military Operations. Updated August 4, 2003. URL: <https://studylib.net/doc/11053305/crs-report-for-congress-iraq-u.s.-military-operations-up> (дата обращения: 14.09.2018).
31. CRS Report for Congress. Iraq: The Turkish Factor. Updated October 31, 2002. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RS21336.pdf> (дата обращения: 14.09.2018).
32. Конституция Республики Ирак. 15 октября 2005 г. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=338> (дата обращения: 12.09.2018).
33. Иванов С.М. Иракский Курдистан на современном этапе (1991–2011 гг.). М.: ИМЭМО РАН, 2011. 86 с.
34. CRS Report for Congress. Iraq's New Security Forces: The Challenge of Sectarian and Ethnic Influences. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RS22093.pdf> (дата обращения: 14.09.2018).
35. Kurds Vow to Retain Militia as Guardians of Autonomy. URL: <https://www.nytimes.com/2005/02/27/world/middleeast/kurds-vow-to-retain-militia-as-guardians-of-autonomy.html> (дата обращения: 08.10.2018).

References

1. *Blizhnii Vostok i sovremennost'* [Middle East and Modernity]. Col. art. Moscow: In-t Blizhnego Vostoka, 2005, No. 26, 314 p.
2. Kaussler B., Hastedt G. *US Foreign Policy Towards the Middle East: The Realpolitik of Deceit*. New York: Routledge, 2017, 192 p.
3. Little D. *American orientalism: the United States and the Middle East since 1945*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2002, 464 p.
4. Prifti B. *US Foreign Policy in the Middle East. The Case for Continuity*. London: Palgrave Macmillan, 2017, 232 p.
5. *Istoriya Kurdistana* [History of Kurdistan]. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN, 1999, 519 p.
6. Mosaki N.Z. *Kurdistan: resursy i politika* [Kurdistan: Resources and Policy]. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN, 2005, 352 p.
7. *Genotsid v Irakskom Kurdistane* [Genocide in Iraqi Kurdistan]. Moscow: Profobrazovanie, 2003, 360 p.
8. *The future of Kurdistan in Iraq* / ed. by B. O'Leary. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005, 384 p.
9. Stansfield G. *Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy*. New York: Routledge Curzon, 2003, 280 p.
10. *Yuzhnyi Kurdistan segodnya* [Southern Kurdistan Nowadays]. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN, 1997, 108 p.

11. *Kurdskii vopros v Zapadnoi Azii v nachale XXI veka* [The Kurdish Question in Western Asia at the Beginning of the 21st Century]. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN, In-t Blizhnego Vostoka, 2006, 342 p.
12. *Kurdskii vopros na rubezhe tysyacheletii* [Kurdish Question at the Turn of the Millennium]. Moscow: In-t izucheniya Izrailiya i Blizhnego Vostoka, In-t vostokovedeniya RAN, 2004, 121 p.
13. Fedorova I.E. [USA and Iraqi Kurds]. *Kurdskii vopros v Zapadnoi Azii v nachale XXI veka* [The Kurdish Question in Western Asia at the Beginning of the 21st Century]. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN, In-t Blizhnego Vostoka, 2006, pp. 42–45.
14. Zhigalina O.I. [Kurdish Policy of the USA in Iraq and the Problems of Turkish Kurds]. *Sovremennyi islamskii Vostok i strany Zapada* [Modern Islamic East and Western Countries]. Moscow: In-t izucheniya Izrailiya i Blizhnego Vostoka, 2004, pp. 57–64.
15. Charountaki M. *The Kurds and US Foreign Policy: International Relations in the Middle East since 1945*. London: Routledge, 2010, 336 p.
16. Stepanova N.V. *Kurdskaya problema v Irake* [Kurdish Problem in Iraq]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2005, 30 p.
17. *Kurdish fighters takes Kirkuk*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2003/apr/11/iraq.kurds1> (accessed 16.10.2018).
18. *Albright and PUK and KDP remarks*. U.S. Department of State. Available at: <https://1997-2001.state.gov/statements/1998/980917a.html> (accessed 08.10.2018).
19. Welch: U.S. *Brokered Northern Iraq Accord and U.S.-Iraq Relations*. Available at: https://1997-2001.state.gov/policy_remarks/1998/981015_welch_iraq.html (accessed 08.10.2018).
20. *Press Briefing after Meetings at Ministry of Foreign Affairs*. Available at: http://1997-2001.state.gov/policy_remarks/2000/000414_ricciardone_iraq.html (accessed 16.10.2018).
21. *Joint Statement by the Vice President and Leaders of the Iraqi National Congress*. June 26, 2000. Available at: http://1997-2001.state.gov/regions/nea/000626_gore_iraq.html (accessed 08.10.2018).
22. Ricciardone: *Kurds in the Global Arena*. Available at: https://1997-2001.state.gov/policy_remarks/2000/000417_ricciardone_kurds.html (accessed 08.10.2018).
23. *Iraq Liberation Act of 1998*. Available at: www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-112/pdf/STATUTE-112-Pg3178.pdf (accessed 14.09.2018).
24. *CRS Issue Brief for Congress. Iraq: Weapons Programs, UN Requirements, and US Policy*. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/IB92117.pdf> (accessed 14.09.2018).
25. *Special Report: Turkey fears another refugee crisis*. Available at: http://news.bbc.co.uk/2/hi/special_report/iraq/58121.stm (accessed 16.10.2018).
26. Turgut Ozal: *The Kurds Must Go to Their Own Places*. Available at: http://articles.latimes.com/1991-05-06/local/me-815_1_turgut-ozal (accessed 16.10.2018).
27. Mosaki N.Z. *Kurdistan i kurdskii vopros v politike Zapada i Rossii* [Kurdistan and the Kurdish Questions in the Politics of the West and Russia]. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN, 2011, 346 p.
28. *Turks Angry as Kurd Aid Backfires*. Available at: <https://www.nytimes.com/1991/05/17/world/turks-angry-as-kurd-aid-backfires.html> (accessed 16.10.2018).
29. *Kurdish victory provokes fears of Turkish invention*. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/kurdish-victory-provokes-fears-of-turkish-invasion-114685.html> (accessed 16.10.2018).
30. *CRS Report for Congress. Iraq: US Military Operations*. Updated August 4, 2003. Available at: <https://studylib.net/doc/11053305/crs-report-for-congress-iraq-u.s.-military-operations-up> (accessed 14.09.2018).
31. *CRS Report for Congress. Iraq: The Turkish Factor*. Updated October 31, 2002. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RS21336.pdf> (accessed 14.09.2018).
32. *Konstitutsiya Respubliki Irak* [Constitution of Republic of Iraq]. October 15, 2005. Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=338> (accessed 12.09.2018).
33. Ivanov S.M. *Irakskii Kurdistan na sovremennom etape (1991–2011 gg.)* [Iraqi Kurdistan at the Present Stage (1991–2011)]. Moscow: IMEMO RAN, 2011, 86 p.
34. *CRS Report for Congress. Iraq's New Security Forces: The Challenge of Sectarian and Ethnic Influences*. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RS22093.pdf> (accessed 14.09.2018).
35. *Kurds Vow to Retain Militia as Guardians of Autonomy*. Available at: <https://www.nytimes.com/2005/02/27/world/middleeast/kurds-vow-to-retain-militia-as-guardians-of-autonomy.html> (accessed 08.10.2018).

ЗЕРНОВОЙ ЗАКОН НА САМОСЕ: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНЕ СОЗДАНИЯ

© 2019 г. Н.В. Беличенко^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

SAMOAN GRAIN LAW: TO THE QUESTION OF THE REASON FOR THE CREATION

N.V. Belichenko^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Беличенко Николай Владимирович –
магистрант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: nick.belichenko@yandex.ru

Nickolay V. Belichenko -
Master Student,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: nick.belichenko@yandex.ru

Рассматривается проблема представления Самосского закона, обеспечивающего полноправных членов полиса ежемесячно бесплатным зерном, в качестве социальной меры для улучшения благосостояния граждан и стабильного снабжения их продовольствием. Эта теория хорошо распространена в зарубежной античной историографии и в целом активно используется при изучении социальной политики других городов-государств Древней Греции. Задача данной статьи: с помощью тщательного изучения положений Самосского закона, а также проведения расчетов потенциально доступных объемов зерна, продемонстрировать его минимальную роль в жизни граждан полиса и предложить альтернативную точку зрения на цель его создания. Итогом работы становится аргументация идеи, по которой законодатели Самоса, в первую очередь, стремились создать упорядоченную и безопасную систему преобразования урожая зерна, собираемого из района полиса Анаи и предназначенного храму Геры, божеству-покровителю города, в денежные средства.

Ключевые слова: Самос, храм Геры, зерновой закон, социальная политика, благосостояние граждан, зарубежная историография.

The problem of presenting the Samos law, which provides full members of the polis with monthly free grain, is considered as a social measure to improve the well-being of citizens and a stable supply of food. This theory is well spread in the ancient antiquity historiography and, in general, is actively used in the study of the social policies of other cities - the states of Ancient Greece. The objective of this article: through careful study of the provisions of the Samos law, as well as carrying out calculations of potentially available grain is to demonstrate its minimal role in the life of the citizens of the polis and propose an alternative point of view on the purpose of its creation. The result of the work is the argumentation of the idea that lawmakers of Samos, first of all, sought to provide an orderly and secure system for converting grain harvested from region of the polis Anaia and intended for the temple of Hera, the patron deity of the city, into money.

Keywords: Samos, the temple of Hera, grain law, social policy, welfare of citizens, foreign historiography.

Во многих современных государствах существует практика обеспечения бесплатными продуктами беднейших слоев населения. Эта практика позволяет в некоторой степени затормозить процесс развития в стране социальной нестабильности.

Основная цель данной статьи – на примере Самоса проанализировать подобную деятельность греческих полисов. Так, к примеру, возникла гипотеза о стремлении античных полисов

на государственном уровне решать проблему стабильного снабжения питанием и, в целом, улучшать уровень жизни своих граждан [1, p. 107]. Отчасти при этом авторы опираются и на зерновой закон Самоса, и нами будет предпринята попытка развенчать некоторые мифы зарубежной историографии. Основная сложность исследования данной проблемы заключается в том, что мы вынуждены анализировать уникальный эпиграфический источник, не нахо-

для при этом никаких параллелей в источниках нарративных.

Сам текст закона был обнаружен в начале XX в. на месте древнего города Самос. Вскоре после этого он был опубликован немецкими исследователями У. фон Виламовиц-Мёллендорфом и Т. Вигандом. Текст написан на мраморной колонне, квадратной в сечении, примерно 1,73 м в высоту и со сторонами от 0,40 до 0,46 м. Надпись охватывает три стороны колонны, обычно обозначаемые как А, В и С. Первая из них содержит финальную сохранившуюся часть самого зернового закона, в то время как остальные две, В и С, содержат список имен, которые, скорее всего, являются именами вкладчиков в фонд, а следующие за ними цифры указывают на внесенные ими суммы. Сторона А, с 93 линиями, дошла до нас в хорошем состоянии, но списки имен и пожертвований немного стерлись.

Издатели закона датировали надпись началом II века до н.э. на основании форм письма и нашли подтверждение этому в орфографии и синтаксисе [2, S. 922–923]. Через полвека после обнаружения надписи Христиан Хабиخت попытался уточнить датировку за счет использования просопографических данных, собранных из списка имен, упомянутых в законе [3, р. 233–241]. Из новых данных следовало, что текст, вероятно, был создан в последние годы III в. или в самом начале II в. до н. э. [4, р. 213]. Т. Виганд и У. Виламовиц считали, что на четвертой стороне колонны находилось начало зернового закона, которое со временем стерлось. Однако последние экспертизы камня привели к другому выводу, и, по всей видимости, на этой стороне никогда не было никаких надписей. Признаки анатироза на вершине описываемого нами столба более того указывают, что еще одна колонна была в древности помещена на его вершину. Предполагается, что сохранившаяся колонна пустой стороной (без надписи) была направлена в сторону какого-либо здания [5, S. 300].

Существующие части текста закона содержат подробные правила, определяющие то, как должны выбираться официальные лица, каковы их функции, одновременно определя наказания за их невыполнение. Закон предписывает *пританам* проводить выборы трех должностных лиц, двое из которых, *меледоны* (видимо, от греческого *διαχειριστής* – попечитель, хранитель) и комиссары по зерну, по-видимому, были учреждены этим законом, в то время как третий,

ситон, возможно, уже существовал ранее и лишь продолжил выполнять свои функции, не охватываемые законом. Два зерновых комиссара выбирались из двух племен, которые вместе образовывали гражданское общество всего полиса; в то время как *меледоны*, точное число которых неизвестно, выбирались *хилиастиями* (от греческого *χίλια* – тысяча) родовыми подразделениями племени. Ситоны, в свою очередь, избирались совместно всеми гражданами, т. е. члены обоих племен и хилиастий имели право голосовать. Все эти чиновники были связаны с управлением средствами общего зернового фонда, данные о поступлениях в который и находились на сторонах В и С ранее описанной колонны. Задачей меледонов было ссужать каждой хилиастии часть средств из фонда в долг и собирать в конце срока кредита сумму с процентами. Затем меледон передавал собранные деньги двум зерновым комиссарам. В свою очередь, эти чиновники должны были выкупить 5 % урожая зерна, собранного для храма Геры, божества-покровителя города, из района полиса Анаи на материке. Также в законе была закреплена и минимальная цена за него в пять драхм и два обола.

Комиссары по зерну организовывали его фактическое распределение. Начиная с месяца Пелусия, первого в самосском году, – т. е. с конца июня или начала июля – комиссары должны были раздавать ежемесячно бесплатно зерно гражданам, выдавая каждому по две меры. Закон запрещал его раздачу в первые десять дней каждого месяца. Надо отметить, что отсутствующие граждане, однако, тоже могли получить зерно, если они успевали вернуться до конца тридцатого дня месяца. Комиссары должны были продолжать ежемесячные распределения до тех пор, пока запасы не будут исчерпаны, а также предоставлять городским учетчикам, *эксетастаям*, список получателей по хилиастиям.

Особенностью распределительной системы являлось то, что существовала тесная связь между получателем зерна и хилиастиями. Граждане получали свою долю по спискам их хилиастий, и если меледон конкретного хилиастия не смог ссудить свою часть средств фонда и собрать проценты от выданных займов, то члены этой группы населения продовольствия не получали, если только какой-то благодетель не предоставлял свои средства, необходимые для его покупки.

В практике греческих полисов в вопросе обеспечения продовольствием Самосский зерновой закон имеет особое значение. Закон широко использовался в историографии в качестве указания на то, что желание улучшить благосостояние граждан или хотя бы гарантировать стабильное снабжение зерном было одной из важнейших задач греческих полисов. Последние исследования свидетельствуют о распространённости подобной точки зрения. Например, Г. Шипли считает, что закон «был принят для обеспечения относительно большого числа граждан хотя бы небольшим количеством пшеницы в течение года» [4, р. 221]. П. Гарнси, изучая действия эллинов в вопросах снабжения продовольствием, воспринимал самосский закон «как доказательство того, что остров все еще периодически страдал от продовольственного кризиса» и также отмечал, что «было бы интересно узнать, как далеко в организации денежного фонда и распределения зерна, опираясь на известные нам институты и практику, смогли зайти самосцы; и как долго фонд и сложный механизм его управления мог сохраняться» [6, р. 16]. Но возможно ли иное толкование упомянутого закона?

Самосский зерновой фонд не привел к появлению дополнительного зерна на территории полиса. Основные его поставки шли с самого острова, и вторичное распределение также должно было поступать из этого же региона. Если на Самосе возникал дефицит зерна, то установленный законом механизм никак не решал эту проблему; известное нам законодательство, другими словами, никак не могло разрешить какой-либо действующий или потенциальный продовольственный кризис.

Без сомнения, бесплатное распределение даже небольшого количества зерна явно помогало тем, кто его получал. Однако по ряду причин можно усомниться в том, что причиной появления закона была забота о более справедливом распределении продуктов питания. И для аргументации этой идеи необходимо сосредоточиться на двух аспектах: количестве потенциальных получателей и количестве зерна, которое они получали.

Масштаб самосского распределения, несмотря на некоторые погрешности, можно определить с достаточной уверенностью, и это может позволить установить его роль в жизни граждан. В следующих расчетах мы попытаемся определить максимальное количество зерна, доступного

го через фонд в соответствии с наилучшими условиями; фактический же объем вполне мог быть значительным меньше.

Как мы уже отмечали, две стороны колонны (В и С) содержат списки имен, за которыми следуют цифры. Это, вероятно, как ранее было уже сказано, данные вкладчиков в фонд. Как правило, каждая запись содержит имя благотворителя, имя отца (патроним), часто имена сыновей и размер пожертвований. Суммы указаны, вероятно, в драмах [6, р. 81]. Обе части, к сожалению, повреждены. На стороне В лучше сохранились имена, чем цифры, а на стороне С – наоборот. На колонне приблизительно 125 мест, где предположительно появляется сумма вклада; 82 из них находятся на стороне В и 43 на С. Из этих записей 65 заполнены или имеют достаточно букв, чтобы слово могло быть прочитано с достаточной уверенностью. Суммы стандартные: 100, 200, 250, 300, 500 и 1000. В 28 случаях надписи дошли до нас в таком состоянии, что, учитывая стандарты вкладов, их можно уверенно реконструировать.

Общий размер фонда явно не был большим. Из 93 известных или предполагаемых пожертвований большинство невелики: 59 взносов представляют собой минимальный вклад в 100 драм, и только один – максимальный в 1000. Суммарный вклад составляет 15,700 драм. И если предположить, что средняя сумма этих 93 случаев (примерно 170 драм) также действительна и для оставшихся 32, которые не получилось восстановить, тогда общая сумма составила бы приблизительно 21 000 драм, или 3 с половиной таланта [4, р. 213].

Любая оценка суммы вкладов, записанных в утраченной верхней части колонны, будет менее достоверной, поскольку размер камня точно неизвестен. Тем не менее возможны некоторые предположения. Этот столб, видимо, был закреплён с нижней частью с помощью колышка, вставленного в отверстие. Для устойчивости всей конструкции верхняя колонна должна была быть меньше нижней. На нижнем камне списки покрывают всю сторону В и большую часть С. Вероятно, стороны верхней колонны будут устроены по такому же принципу. Если предположить, что верхний и нижний камень были примерно одинакового размера, тогда сумма вкладов на двух сторонах верхнего столба находилась бы в диапазоне известных нам сторон В и С: т.е. равнялась среднему числу диапазона в 14 000 драм. Таким образом, 28 000 драм

верхнего столба прибавляются к 21 000 нижних, и максимальная сумма фонда по подсчетам Л. Мижо составляла 49,680 драхм [5, S. 302].

Процентная ставка по кредитам, выданным из фонда, в сохранившейся части закона не указывается. Как нам известно, займы из фондов другого храма в Делосе предоставлялись под 10 %. Как правило, в первой половине II в. до н.э. кредиты с потенциально хорошей возвратностью выдавались под 6 % годовых [7, S. 87]. Зерновой закон устанавливал также и жесткие штрафы, оплачиваемые из имущества должностного лица, не выполнившего свою работу. К примеру, ими облагались *меледоны*, которые не смогли вернуть долги и проценты по ним; обеспечение безопасности займа, как мы видим, была основной задачей кредитора. Поскольку мы стремимся установить максимальный объем распределения, то правильнее использовать более высокий показатель, в 10 %, но также надо понимать, что фактическая процентная ставка вполне может быть меньше. Если общий фонд составлял 50 000 драхм, что, вероятно, то ежегодный доход будет составлять не более 5000 драхм.

Самосское законодательство установило также и минимальную цену за единицу зерна; если же рыночная цена оказывалась выше, то вероятно, разница компенсировалась: «...устанавливающие для богини цену не меньше той, которая была определена ранее демосом: 5 [драхм] и 2 обола». Скорее всего, этой единицей был медимн, т.е. чуть более 50 литров. При максимально возможном капитале, одолженном под высокий процент, доход в 5000 драхм позволял закупить по наименьшей возможной цене менее 1000 медимнов.

Закон также содержит сведения, затрагивающие размер месячного рациона: предполагалась раздача двух мер зерна на каждого гражданина. Один медимн зерна мог прокормить взрослого жителя Самоса в течение 30 дней, а два обеспечивали продовольствием целую семью за тот же период.

Однако надо помнить, что в наличии у полиса было не более 1000 медимнов зерна. Ежемесячная выдача двух медимнов могла обеспечить пищей чуть больше 400 граждан, однако на Самосе их проживало гораздо больше. Количество жителей Самоса точно не известно; Г. Шипли полагал, что наиболее вероятным числом для древнего Самоса было 50 000 чел., включая членов семей граждан, иностранцев, проживающих

постоянно в полисе, и рабов. Группа же взрослых граждан – т.е. потенциальных получателей зерна – насчитывала от 6000 до 12 000 чел. [4, р. 219]. При самых оптимистичных подсчетах, т.е. приняв за основу нижний предел потенциальных жителей в 6000, количество доступного зерна в 1000 медимнов, распределяемых по два медимна на гражданина в месяц, то тогда можно говорить о возможности обеспечивать одну семью только в течение двенадцати дней одного месяца. Если взять за основу наилучшие условия – высокую процентную ставку, низкую цену за зерно и небольшое число граждан – даже в этом случае закон все равно не мог обеспечить продовольствием всех граждан. 1000 медимнов обеспечили бы пропитанием в течение одного месяца всего 7 % семей, а это слишком мало, чтобы помочь даже самым бедным.

Таким образом, зерновой закон Самоса не мог решить проблему нехватки продовольствия и, конечно же, не мог значительно повысить уровень жизни граждан. Видимо, он имел иные цели.

Одна из важнейших особенностей закона – его тесная связь с доходами храма Геры – заслуживает пристального внимания. Эта связь четко подчеркивается источником поступлений зерна; таким местом был район полиса Анаи, а точнее – двадцатая часть собранного там урожая. Никакой другой источник, кроме полиса Анаи, не был разрешен в качестве основного, и любые дополнительные приобретения могли быть сделаны только за те деньги, которые остались после покупки зерна для храма богини Геры. Разработчики закона, в дополнение к указанию источника самого зерна, также установили и минимальную цену за него. Вероятно, это диктовалось необходимостью гарантировать богине Гере справедливую цену. Максимум в то же время не устанавливался, так как любая более высокая цена отражала реальную рыночную стоимость, и установление предела воспринималось бы попыткой «обмануть» богиню. Система, установленная законом, затем регулярно конвертировала поступления, вносимые в храм Геры натуральными продуктами, деньгами по курсу, который был выгоден божеству-покровителю города. Эти деньги должны были храниться в храме, где они могли служить в качестве источника займов для города в трудные времена. Другие положения закона также касались доходов храма. В строках 27–37 описываемого нами документа содержатся меры, препят-

ствующие увеличению процентов после того, как зерно от двадцатой части было получено. Другими словами, деньги с процентами от выданных ранее займов должны были оплачивать все поступления в храм Геры из Анаи.

Можно предположить, что законодатели, на основе прошлых данных, могли подсчитывать, сколько денег нужно на закупки зерна, которое, как ожидалось, поступит в храм богини из Анаи, и затем устанавливать приблизительные суммы взносов на его приобретение. Как отмечалось ранее, известные вклады указаны в стандартизированных показателях: 100, 200, 250, 300, 500 и 1000 драхм. Эта стандартизация не обязательно означала конкретно вносимые суммы вкладов, но, вероятно, лишь указывала на диапазон пожертвований. Если такой вывод верен, то вклады, возможно, действительно вносились в определенном диапазоне. Законодатели, конечно, могли предполагать увеличение фонда, но, скорее всего, их цель и так достигалась. В 59 случаев вкладчики вносили наименьшую сумму: в 100 драхм. В 21 случае – 200 драхм. Подавляющее большинство (80 из 93) известных пожертвований, таким образом, находились в самом нижнем диапазоне. Если законодатели предполагали, что фонд будет значительно больше, тогда либо многие не смогли внести свой вклад, или же большинство просто дали гораздо меньше, чем ожидалось. Другими словами, в этом случае должно было быть массовое сопротивление со стороны богачей, но у нас нет фактов, чтобы с уверенностью говорить об этом.

Связь закона с доходами храма Геры можно определить при анализе тех линий, которые определяют и источник зерна, и устанавливают фиксированную цену. Авторы закона подчеркивают, что эта цена уже ранее была принята демосом. Текст ясно указывает, что установленный минимум был результатом событий, совершенных до принятия закона о зерне. Демос «обещал» ранее, что храм Геры получит, по крайней мере, 5 драхм и 2 обола за меру зерна. Сам закон о зерне лишь устанавливал процедуры, необходимые для гарантии выполнения этого обещания.

Закон о создании зернового фонда на острове Самос не был предназначен для обеспечения продовольствием острова или улучшения уровня

жизни своих граждан. Вместо этого цель законодательства следует искать в политической и административной системе острова. Закон позволил иметь стройную систему преобразования собранного урожая в деньги для главного храма острова и, одновременно, гарантировал ранее данные обещания божеству-покровителю города.

Литература

1. Tarn W.W., Griffith G.T. *Hellenistic Civilisation*. London, 1952.
2. Wiegand T., Wilamowitz-Moellendorf U. *Ein Gesetz von Samos über die Beschaffung von Brotkorn aus öffentlichen Mitteln*. Berlin, 1904.
3. Habicht C. *Samische Volksbeschlüsse der hellenistischen Zeit // Athenische Mitteilungen*. 1957. Vol. 72.
4. Shipley G. *A History of Samos. 800-188 B.C.* Oxford, 1987.
5. Migeotte L. *Distributions de grain à Samos à la période hellénistique: le « pain gratuit » pour tous // Sacris erudiri. Jaarboek voor Godsdienstwetenschappen*. 1989. Vol. 31.
6. Garnsey P. *Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World. Responses to Risk and Crisis*. Cambridge, 1988.
7. Billeter G. *Geschichte des Zinsfusses im griechisch-römischen Altertum bis auf Justinian*. Leipzig, 1898.

References

1. Tarn W.W., Griffith G.T. *Hellenistic Civilisation*. London, 1952.
2. Wiegand T., Wilamowitz-Moellendorf U. *Ein Gesetz von Samos über die Beschaffung von Brotkorn aus öffentlichen Mitteln*. Berlin, 1904.
3. Habicht C. *Samische Volksbeschlüsse der hellenistischen Zeit. Athenische Mitteilungen*. 1957, vol. 72.
4. Shipley G. *A History of Samos. 800-188 B.C.* Oxford, 1987.
5. Migeotte L. *Distributions de grain à Samos à la période hellénistique: le “pain gratuit” pour tous. Sacris erudiri. Jaarboek voor Godsdienstwetenschappen*. 1989, vol. 31.
6. Garnsey P. *Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World. Responses to Risk and Crisis*. Cambridge, 1988.
7. Billeter G. *Geschichte des Zinsfusses im griechisch-römischen Altertum bis auf Justinian*. Leipzig, 1898.

СОБСТВЕННЫЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЙ КАК СПОСОБ СБЛИЖЕНИЯ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА С РОССИЕЙ

© 2019 г. Е.А. Гурова ^а

^а Армавирский государственный педагогический университет, Армавир, Россия

THE CONVOY OF HIS IMPERIAL MAJESTY AS A METHOD OF RAPPROCHMENT OF THE HIGHLANDERS OF THE NORTH CAUCASUS WITH RUSSIA

Е.А. Gurova ^а

^а Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia

Гурова Евгения Александровна –
аспирант, директор
Центра археологических исследований,
Армавирский государственный
педагогический университет,
ул. Карла Маркса, 49, г. Армавир, 352901, Россия.
E-mail: gurova.evgenija@mail.ru

Evgenia A. Gurova -
Postgraduate, Director,
Centre of Archaeological Investigations,
Armavir State
Pedagogical University,
Karl Marx St., 49, Armavir, 352901, Russia.
E-mail: gurova.evgenija@mail.ru

Рассматривается роль Собственного Его Императорского Величества Конвоя в процессе адаптации горцев Северного Кавказа к российским имперским порядкам. Показан принцип комплектования этой элитной воинской части, специфика подготовки всадников к службе и та роль, которая им отводилась в правительственном курсе на южной окраине империи. Воинские чины Конвоя не только охраняли государя, но и участвовали в военных действиях, где демонстрировали высокие профессиональные навыки и готовность отдать жизнь за интересы российского государства. Однако имели место и случаи, когда бывшие всадники после возвращения на родину переходили на сторону «немирных» горцев. В целом, задуманный проект можно считать удачным и сыгравшим позитивную роль в сближении народов Кавказа с Империей.

Ключевые слова: Империя, конвой, горцы, боевые действия, полк, элита, война, воспитание.

The article considers the role of His Imperial Majesty Convoy in the process of adaptation of the mountaineers of the North Caucasus to the Russian imperial order. The principle of recruiting this elite military unit, the specifics of training riders for the service and the role that they play in the government course on the southern edge of the empire are shown. The military ranks of the Convoy not only protected the sovereign, but also participated in military operations, where they demonstrated high professional skills and readiness to give their lives for the interests of the Russian state. However, there were cases when former horsemen, after returning to their homeland, went over to the side of “non-peaceful” highlanders. In general, the conceived project can be considered successful and played a positive role in bringing the peoples of the Caucasus closer to the Empire.

Keywords: Empire, convoy, mountaineers, fighting, regiment, elite, war, education.

Военно-политические катаклизмы первой половины XIX в. в России были обусловлены кардинальными социальными и культурными трансформациями, происходившими в горских обществах Северного Кавказа. Преодолеть кризис, наметившийся в русско-северокавказских отношениях, можно было, лишь предложив местным народам достойную альтернативу тому миропорядку, который рушился у них на глазах не без активного влияния империи. И здесь во-

енные методы воздействия не могли заменить собой необходимые социокультурные шаги, позволявшие органично адаптировать архаичные этносы к новым реалиям. Армия в этом случае лишь создавала условия для такой практики, а заодно и сама являлась инструментом по переформатированию местного социума.

В этой связи вызывает интерес привлечение горцев к военной службе и прежде всего – их участие в охране высшего представителя власти –

императора. Речь идёт о Собственном Его Императорского Величества Конвое (в дальнейшем СЕИВК. – *Е.Г.*), в который брали представителей от знатных горских родов, чей авторитет среди жителей края был весьма высок, и пример их службы формировал привлекательный облик России. Это был своеобразный социальный лифт, с помощью которого можно было не только сделать карьеру, но также и поправить финансовое положение, учитывая те выплаты, какие полагались за беспорочную службу. Сам факт причастности к столь ответственному делу выглядел в глазах горцев признаком высочайшего доверия и уважения, которые невозможно было приобрести в обмен ни на какие материальные ценности. Такой «символический капитал» был близок и понятен жителям региона, готовых ради его получения рисковать жизнью и пускаться в опасные набеги. Теперь же Россия предоставляла им возможность приобрести желаемое на вполне законных основаниях.

Замысел этого проекта был осуществлён Николаем I 18 сентября 1828 г., когда появилось высочайшее повеление о формировании полускадрона для конвойной службы при императорском дворе. Вскоре начался набор в Лейб-Гвардии Кавказский Горский полускадрон, в который стали набирать представителей самых разных народов региона. Во главе его поставили Султана-Азамат Гирея, происходившего из рода знаменитых крымских Гиреев, что было весьма лестным для его подчинённых [1, с. 25]. Он, будучи ротмистром, являлся живым воплощением успешной службы, а его пример выполнения воинских приказов должен был убедить подчинённых, что дисциплина не является зазорной и не несёт урона их чести и достоинству. Это был своеобразный воспитательный момент, который продумывался организаторами СЕИВК, видевшими в нём, помимо прочего, ещё и инструмент социализации.

В составе первого набора всадников Конвоя были кабардинцы, чеченцы, кумыки, ногайцы и туркмены. Для прибывших на службу выходцев с Кавказа выделили время, необходимое для адаптации и знакомства со столицей. Предполагается, что подобная программа должна была оказать необходимое воздействие на сознание людей, не знакомых с европейским образом жизни. Это был своеобразный «культурный шок», психологически готовивший их к последующей службе. Нельзя забывать и то, что юноши должны были пройти акклиматизацию,

так как на пути к месту службы многие из них серьёзно заболели, что на несколько недель задержало их в дороге [2, с. 48]. Многие русские солдаты и офицеры, попадая на Кавказ, страдали от непривычного климата, воды, пищи и т.п. Аналогичным образом складывалась ситуация и с теми горцами, которые отправлялись в русскую столицу, где сырой и холодный климат нёс угрозу их здоровью. Длился такой этап полтора месяца, после чего начиналась непосредственная учёба, не лишённая учёта специфики их прежнего образа жизни.

Первое время к всадникам присматривались, и хотя они имели холодное оружие, но во время смотров командиры следили, чтобы их ружья оставались незаряженными [2, с. 50]. Сложно сказать, что побуждало отдавать такой приказ. Возможно, опасались несчастного случая при обращении с огнестрельным оружием, но не исключено, что допускали возможность покушения на государя, так как отношение к императору среди народов Северного Кавказа было далеко не однозначным. Весной 1830 г. был утверждён и штат полускадрона. Предполагалось затратить на обмундирование и вооружение всадников весьма существенную по тем временам сумму в 134 319 руб. 24 копейки [3, с. 171].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что курировал данный проект лично А.Х. Бенкендорф [4, с. 186]. Помимо того, что он был шефом жандармов и отвечал за функционирование Императорской Главной Квартиры, следует помнить и о таком факте его биографии, как участие в секретной экспедиции Г.М. Спренгпортена. В ходе длительной поездки они посетили Кавказ, и тогда у Александра Христофоровича была возможность познакомиться с бытом местных народов, чтобы теперь применить эти знания на службе. Решать ему пришлось самые разные задачи, причём речь шла не только о непосредственной воинской подготовке всадников, но и о том, как обеспечить им нормальное питание, содержать в порядке обмундирование, организовать их культурный досуг и т.д.

Подразделение не являлось некой декоративной командой и должно было уметь действовать в боевых условиях наряду с другими частями армии. С этой целью из наиболее достойных всадников Драгунского, Уланского и гусарского полков были назначены трубачи, которые разбирались в сигналах, передаваемых для кав-

лерии, пехоты и артиллерии. Они постоянно находились при императоре и могли своевременно передать приказ командования всадникам полускадрона [1, с. 25].

Почти сразу власти столкнулись с серьёзной проблемой, связанной с необходимостью преодоления языкового барьера и отсутствия необходимой грамотности среди чинов Конвоя. Для решения этой задачи было решено определить всадников в Дворянский полк, где они могли приобщиться к азам русской культуры и получить необходимые в регулярной армии навыки.

Примечательно, что специально для всадников конвоя лингвистом Грацилевским был разработан адыгейский алфавит. На нём осуществлялась переписка между горцами, что в целом облегчало процесс получения ими новых знаний [5, с. 291].

Но далеко не всем горцам это пришлось по вкусу. Дисциплинарные взыскания со стороны командования свидетельствуют, что процесс адаптации происходил крайне болезненно. В свою очередь многие горцы стали просить отпустить их обратно на родину, так как такая служба пришлась им не по нраву. Но Николай I был непреклонен и наотрез отказался идти на уступки. Он считал, что имеющиеся шероховатости в дисциплине вполне можно преодолеть, и они являются следствием не столько порочности всадников конвоя, сколько «нравственным недостатком» в их прежнем воспитании [2, с. 59]. Ведь именно ради его преодоления и создавался полускадрон, а потому временные трудности не должны были стать преградой на пути приобщения жителей Кавказа к культурно-правовой основе империи.

Эта практика оказалась весьма востребованной. Со стороны горцев последовали просьбы об определении их детей в различные полки, чтобы они там могли получить образование и отличиться на службе. Армия становилась одним из инструментов карьерного роста для выходцев из региона, так как была весьма близка их пониманию «престижной экономики», которая всегда ассоциировалась с военным делом.

А.Х. Бенкендорф разработал для Конвоя специальные правила, которые весьма наглядно демонстрируют то, что это подразделение находилось на особом положении и пользовалось существенными льготами, по сравнению с другими частями. Следили, чтобы получаемые ими продукты не нарушали религиозных предписаний, позволяли исполнять все необходимые для

мусульманской веры ритуалы, а эфенди мог приходить к ним в любое время. Строго запрещались насмешки над всадниками, которые из-за слабого знания языка и местных культурных особенностей могли выглядеть в глазах их русских сослуживцев несуразными. Местным дворянам была поставлена задача постараться подружиться с ними. Горцы могли носить личное оружие, хотя их офицерам и рекомендовалось постепенно отучать их от подобной привычки. Они были освобождены от телесных наказаний и могли вне учёбы курить трубки и совершать конные прогулки. Не возбранялись и встречи с соотечественниками, которые могли встретиться им в столице [2, с. 58–59].

В течение десяти лет, с 1830 по 1840 г., в кадетских корпусах числилось 315 горцев, что было безусловным успехом задуманного начинания. Как правило, это были юноши или молодые мужчины до тридцати лет [6]. Они вскоре должны были определять политические настроения на Кавказе, а потому власти были крайне заинтересованы в их лояльности.

Увеличить численность не позволяла высокая стоимость проекта, хотя желающих было куда больше. Только в 1834 г. в столицу прибыло 74 горца, разместить и обеспечить адаптацию которых оказалось затруднительно. Власти вынуждены были на будущее определить лимит, не превышающий тридцать человек. С окончанием военно-учебных заведений горцы прикомандировывались к Л.-Гв. Кавказскому Горскому полускадрону, сменяя там ранее служивших земляков. Тех отпускали на родину, рассчитывая, что они окажут позитивное воздействие на своих близких.

Полускадрону пришлось участвовать в реальных боевых действиях. В конце 1830 г. он был отправлен подавлять мятеж в Польше. Здесь они проявили героизм и верность воинскому долгу, хотя и вызвали нарекания со стороны командования за излишнюю жестокость. Пришлось даже обратиться к эфенди полускадрона, чтобы он провёл с всадниками разъяснительную беседу по этому поводу. Как писал ему А.Х. Бенкендорф, «сколько неустрашимость и рвение нужны против неприятеля сражающегося, столько необходимо в победителе великодушие и милосердие к человеку, обезоруженному и просящему помилования; а как соединённые эти качества составляют полное достоинство воина, то желал бы я, чтобы горцы, отличаясь природною их храбростью, равномерно из-

вестны были великодушием к побеждённым» [2, с. 70].

Таким образом, процесс мировоззренческого перевоспитания горцев не прекращался даже во время войны. Видимо, это была главная цель российской власти, которая вполне могла обойтись без привлечения элитного подразделения для участия в сражениях, но считала, что служба во благо империи и государя с реальным риском для жизни лучше всего будет способствовать достижению поставленной цели.

В этой связи отметим ещё и то обстоятельство, что при полуэскадроне находились чины линейных казачьих полков. Они должны были обеспечивать взаимодействие с другими частями российской армии, решать проблему языковой координации и т.д. Одновременно они демонстрировали возможность совместных действий ради общего блага, преодолевали стереотипы неприязни, которая имела место между горцами и казаками на Кавказе.

Полуэскадрон нёс потери. Так, в бою у села Верпента 1 мая 1831 г. получил ранения командир подразделения Хан-Гирей, а его ординарец погиб. И в дальнейшем Хан-Гирей не раз храбро водил своих подчинённых в атаки, за что «обратил своё внимание лично императора и получил чин штабс-ротмистра» [7, с. 73]. Этот отважный офицер 13 ноября 1831 г. будет назначен командиром лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона [8, л.131 об.]. Другие участники похода были отмечены медалями и орденами, оруженосцы произведены в юнкера. Когда Л.-Гв. Кавказский Горский полуэскадрон вернулся в Петербург, император лично произвёл смотр части и выразил благодарность за их удаль и поддерживаемый порядок [1, с. 26–27].

Полученный опыт, видимо, стал побудительной причиной более ответственно отнестись к процессу учёбы. Горцы свободное время старались тратить на изучение русского языка. Уделялось внимание и строевым занятиям. Очарование строевой выправки заставляло всадников стремиться овладеть этой стороной службы, так как внешняя эффектность традиционно почиталась среди горцев, могла благоприятно сказаться на их имидже в глазах соплеменников.

Настало время проводить ротацию кадров. А.Х. Бенкендорф требовал от кавказского начальства тщательно относиться к кандидатурам, отбираемым для отсылки в Полуэскадрон претендентов. Это должны были быть физически развитые юноши, чтобы им было по силам

выносить все тяготы службы. Те же, кто отправлялся домой, становились наглядным примером для соплеменников, доказательством внимательного и уважительного отношения со стороны имперской власти к своим северокавказским подданным.

Эта задача считалась приоритетной и не скрывалась начальством. Достаточно привести в качестве примера пояснения, которые дал в одном из своих писем А.Х. Бенкендорф: «Цель, с которою Его Величеству угодно было назначить в Собственный Конвой горцев, есть та, чтобы прослужив здесь 4 года, могли по возвращении на Кавказ, рассказами в кругу их семейств, более и более привлечь своих соотечественников к дружным с нами сношениям и дать им понятие о том, что вероятно, в столь отдалённом крае горцам совершенно неизвестно, чему они и верить не хотят, не удостоверяясь в том лично» [2, с. 78]. Учитывая, что этот этап в жизни горского юношества оказывался весьма богат на различные события, которые льстили людям, культивирующим маскулинные ценности, расчёт имел все основания на успех.

Этнический состав подразделения был расширен. Летом 1836 г. в него вошли и лезгины Джарской области, также представлявшие значительные фамилии Дагестана. Решено было разместить их отдельно от других всадников, это, возможно, объяснялось желанием их скорейшей социокультурной адаптации, что в условиях наличия многочисленных земляков было затруднительно. Новые чины полуэскадрона должны были сами овладевать русским языком, а не рассчитывать на то, что их контакты с иноэтничным окружением будут происходить через уже освоившихся сослуживцев. Не исключено – командование опасалось конфликтов среди выходцев с Кавказа, которые могли принести в столицу свои старые обиды и взаимные фобии.

Помимо лезгин, в Петербург с 1839 г. стали направлять кейсерухцев, небольшой народ, проживавший на границе с Персией. Они оставались на службе не больше года, но для тех, кто выражал желание служить в Конвое, шли навстречу и оставляли в подразделении.

Возник замысел брать на воспитание и девушек-горянок. Инициатором такой идеи был А.А. Вельяминов. Это предложение заинтересовало Николая I, но государь не мог определиться с тем, где размещать предполагаемых воспитанниц. К сожалению, эта тема больше не поднималась и не получила практической реализации.

Не обходилось и без неприятных и даже трагических происшествий. Так, в 1836 г. были изгнаны и отправлены домой два оруженосца, чеченцы Алимхан Умаров и Митри Чуликов, которые отказывались выполнять приказы и крайне оскорбительно высказывались о своей службе. Другой их сослуживец – Басхан Умбаев убил своего слугу и начал вести стрельбу по товарищам. Во время вспыхнувшей потасовки он был ликвидирован другими всадниками Конвоя [2, с. 92–93]. Это заставило командование обратить самое пристальное внимание на тот контингент, который набирался для службы в столице, хотя гарантировать, что в дальнейшем ничто подобное не повторится, никто не мог.

Как показали новые происшествия, ни щедрое содержание, ни привилегии, закреплённые за чинами элитного подразделения, не были гарантией лояльности отдельных всадников. Оказавшись на Кавказе, некоторые из них переходили на сторону «немирных» горцев и вместо того, чтобы призывать к прекращению кровопролития, участвовали в боевых действиях в рядах противников империи. В частности, бежал за Кубань юнкер Курюк Атажукин. Его примеру последовал корнет Кади-Чагов, а затем корнет Шу-Койшеров. Последний служил в полуэскадроне с 1829 г., и его поступок, случившийся в 1842 г., стал полной неожиданностью для командования. Справедливости ради следует отметить, что такие случаи были редкими и, как правило, связаны с людьми, которые имели дисциплинарные нарекания по службе [2, с. 115–117]. Но эти примеры показывали властям, что далеко не все жители Северного Кавказа сумеют понять и принять образ жизни империи, а потому избежать методов вооружённого давления на самых непримиримых не удастся.

Потенциал людей, которым император доверял свою жизнь и жизнь своих близких, решили использовать во время высочайшей поездки на Кавказ в 1837 г. Предполагалось с помощью переговоров развязать тугой узел взаимного недоверия. С этой целью на родину отправился Хан-Гирей, который и должен был убедить представителей местной элиты признать законы России, обещая, что в этом случае горцы получат различные блага и преференции. Он и ранее демонстрировал дипломатические успехи на подобном поприще и от имени своих соплеменников обращался к императору с просьбой принять их в подданство [7, с. 66–67]. Сам по себе замысел был утопичен, хотя и выглядел весьма

привлекательно. В горской среде отсутствовала сила, которая гарантировала бы соблюдение любых договорённостей и обязательств, данных каким бы то ни было лидером. Его авторитет был не настолько велик, чтобы обеспечить должное воздействие на привыкших к «буйной вольности» соплеменников. Но и назвать миссию Хан-Гирея провальной, тоже нельзя. Уже сам факт увеличения числа желающих попасть в СЕИВК говорит о том, что число симпатизирующих России людей среди местных народов увеличилось.

Что касается личности самого Хан-Гирея, то его без преувеличения можно отнести к интеллектуальной и творческой элите черкесов, формирование которой происходило под непосредственным влиянием российского государства. Недаром Николай I охарактеризовал его как черкесского Карамзина [9, с. 6].

Была опробована ещё одна перспективная практика, которая дала неплохой результат. В 1835 г. был издан императорский указ о формировании Кавказско-горского полка, ставшего первой ступенью на пути подготовки будущих воинов Конвоя. Здесь будущие приближённые к императору всадники получали азы навыков службы, чтобы затем сделать шаги по своей карьерной лестнице. Это способствовало популяризации полка, куда теперь горцы поступали охотнее, нежели это было прежде [10, с. 35]. Служебное рвение всадников полка позитивно отмечалось командованием, которое охотно приглашало новых добровольцев на службу, ведя для этого активную переписку с кавказской администрацией [11, л. 1; 12, л. 1; 13, л. 2, 7].

Николай I не стал полностью отменять прежний принцип комплектования своего Конвоя, но повелел зарезервировать за Кавказским горским полком половину имеющихся вакансий. Этнический состав окружавших государя телохранителей становился всё более пёстрым, и это также играло воспитательную роль в подготовке мировоззренческих императивов выходцев с Кавказа. Они видели, что русскому государю служат люди из самых разных мест, и среди них немало их единоверцев [1, с. 30].

Лейб-Гвардии Кавказский Горский полуэскадрон будет подлинной «кузницей кадров» вплоть до конца вооружённого противостояния на Кавказе. Он позволит сломать негативные стереотипы у многих представителей горской элиты и приблизит завершение кризиса, сложившегося в русско-северокавказских отношениях.

Литература

1. Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества Конвой / сост., науч. ред., предисл., ч. 4, прил., комм., подбор илл. П.Н. Стрелянов (Калабухов). М. : Рейттар, 2004. 416 с.
2. Петин С. Собственный Его Императорского Величества Конвой. Исторический очерк. СПб., 1899. 443 с.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2-е. 1830. Т. 5. Ст. 3641. Приложения. СПб., 1831. 930 с.
4. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М. : Изд-во Восточной лит-ры, 1961. 260 с.
5. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск : ПГЛУ, 2002. 494 с.
6. Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Страницы истории / предисл. Р.К. Кармов, сост. Р.К. Кармов, М.И. Айдаболова. Нальчик : Полиграфсервис, 2002. 78 с.
7. Вершигора А.Д. Хан-Гирей: новые документы и источники. Нальчик : Эль-Фа, 2003. 154 с.
8. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 332. Оп. 1. Д. 990.
9. Хан-Гирей. Черкесские предания. Избранные произведения. Нальчик : Эльбрус, 1989. 288 с.
10. Брацун Е.В. Горцы Северо-Западного Кавказа на военной службе России (конец XVIII – XIX вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2014. 261 с.
11. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 261. Оп. 1. Д. 585.
12. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 261. Оп. 1. Д. 715.
13. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 263. Оп. 1. Д. 106.

References

1. Galushkin N.V. *Sobstvennyi Ego Imperatorskogo Velichstva Konvoi* [His Imperial Majesty Own Convoy]. P.N. Strelyanov (Kalabukhov) (ed.). Moscow: Reittar, 2004, 416 p.

2. Petin S. *Sobstvennyi Ego Imperatorskogo Velichstva Konvoi* [His Imperial Majesty Own Convoy]. Historical essay. Saint Petersburg, 1899, 443 p.
3. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [The Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Col. 2nd. 1830, vol. 5, art. 3641. Applications. Saint Petersburg, 1831, 930 p.
4. Kosven M.O. *Etnografiya i istoriya Kavkaza. Issledovaniya i materialy* [Ethnography and History of the Caucasus. Research and Materials]. Moscow: Izd-vo Vostochnoi lit-ry, 1961, 260 p.
5. Klychnikov Yu.Yu. *Rossiiskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.)* [Russian Policy in the North Caucasus (1827-1840)]. Pyatigorsk: PGLU, 2002, 494 p.
6. *Leib-gvardii Kavkazsko-gorskii polueskadron. Stranitsy istorii* [Leib Guards Caucasian-highland Half-squadron. History Pages]. Intr. R.K. Karmov, com. R.K. Karmov, M.I. Aidabolova. Nalchik: Poligraf-servis, 2002, 78 p.
7. Vershigora A.D. *Khan-Girei: novye dokumenty i istochniki* [Khan Girey: New Documents and Sources]. Nalchik: El'-Fa, 2003, 154 p.
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia* [State Archive of Krasnodar Region]. Fund 332. In. 1. File 990.
9. *Khan-Girei. Cherkesskie predaniya. Izbrannye proizvedeniya* [Khan Girey. Circassian Legends. Selected Works]. Nalchik: El'brus, 1989, 288 p.
10. Bratsun E.V. *Gortsy Severo-Zapadnogo Kavkaza na voinskoi sluzhbe Rossii (konets XVIII – XIX vv.) : dis. ... kand. ist. nauk* [The Highlanders of the North-West Caucasus in the Military Service of Russia (the end of the 18th – 19th centuries)]. Krasnodar, 2014, 261 p.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia* [State Archive of Krasnodar Region]. Fund 261. In. 1. File 585.
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia* [State Archive of Krasnodar Region]. Fund 261. In. 1. File 715.
13. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia* [State Archive of Krasnodar Region]. Fund 263. In. 1. File 106.

ЖАН-РОК КУАНЬЕ И ЕГО ВРЕМЯ: ВЕЛИКАЯ АРМИЯ В ЗЕРКАЛЕ ВОСПОМИНАНИЙ НАПОЛЕОНОВСКОГО СОЛДАТА

© 2019 г. А.А. Егоров^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

JEAN-ROCH COIGNET AND HIS TIME: GREAT ARMY IN THE MIRROR OF REMINISCENCES OF NAPOLEONIC SOLDIER

А.А. Egorov^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Егоров Александр Александрович –
доктор исторических наук,
профессор, доцент,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: egorov_1799@mail.ru

Alexander A. Egorov -
Doctor of History, Professor,
Associate Professor,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: egorov_1799@mail.ru

Рассматриваются мемуары капитана Великой армии Жан-Рока Куанье, которые являются ценнейшим историческим источником, дающим наиболее полное представление о жизни наполеоновского солдата. Участник 16 военных кампаний Наполеона, Куанье, как никто иной, сумел представить Наполеоновские войны через призму их рядового участника. Его мемуары дают ответы на ряд важных вопросов, в частности рассказывают о том, как происходила подготовка французских войск в мирное время, за что и как сражалась Великая армия, каковы были конечные причины ее поражения и гибели.

Особый интерес представляют рассуждения автора мемуаров, связанные с выяснением того, что послужило главными причинами конечного краха Великой армии. Куанье приходит к выводу: к числу основных причин относятся, во-первых, интернациональный состав армии Наполеона, во-вторых, мародерство, оказывавшее разлагающее действие на армию и, наконец, недовольство высшего командного состава императором, ставшее особенно заметным в 1813–1814 гг.

Ключевые слова: войны, армия, солдат, маневры, кампании, битвы, император, конскрипты, родина, нация.

The article considers the memoirs of the captain of the Great army Jean-Roch Coignet that are the valuable historical source giving the most complete idea of the life of a Napoleonic soldier. Participant of 16 military campaigns of Napoleon, Coignet was able to imagine the Napoleonic wars through the prism of an ordinary warrior. His memoirs provide answers to a number of important questions in particular the question how the French troops were trained in peacetime, what and how the Great army fought for and what were the main reasons for its defeat and death.

The discourse of the author of memoirs related to finding out what served as the main reasons for the final collapse of the Great Army are of particular interest. The Coignet found out that among the main reasons were firstly, the international composition of Napoleon's army, secondly, looting which had a corrupting effect on the army and finally, dissatisfaction of the high command with the emperor, which became particularly noticeable in the years of 1813-1814.

Keywords: wars, army, soldier, maneuvers, campaigns, battles, Emperor, conscripts, homeland, nation.

Конец XVIII – начало XIX в. – время Французской революции и Наполеоновских войн – в общей сложности это почти 25 лет. По меркам всемирной истории не слишком большой период. Однако, как справедливо заметил Шатобриан: «Эта четверть века равнялась многим столетиям» [1, р. 17]. Особый колорит указанному

времени придают громкие военные кампании Наполеона, а потому определение, данное ему ветераном Великой армии капитаном А. Альбером как «военной эре» [2, р. 3], также вполне уместно. Естественно, что заметное место среди источников по Наполеоновской эпохе занимают прежде всего военные мемуары. Среди них, ра-

зумеется, и знаменитые записки капитана Жан-Рока Куанье. Хотя, возможно, и несколько переоцененные наполеоновцами, они, тем не менее, «являются документом первого порядка о жизни солдата и младшего офицера “Великой армии”» [3, р. 456]. Военная карьера капитана Куанье, по сути, полностью совпадает с тем временем, которое принято называть Наполеоновскими войнами. Участник 16 военных кампаний и 48 битв Наполеона, Куанье оставил поистине уникальное свидетельство эпохи, знакомясь с которым можно довольно ясно представить, чем на самом деле являлась Великая армия, как она возникла, как сражалась и как погибла.

Автор статьи о капитане Куанье в «Словаре Наполеона» Жак Журкен, описывая боевой путь, пройденный brave ветераном, ограничился всего лишь четырьмя датами: капрал – в 1807 г., сержант – в 1809, лейтенант – в 1812 и капитан – в 1813 г. [3, р. 456]. По датам все здесь верно, как верно и то, что книга Куанье больше, чем любые другие военные мемуары тех лет, носит персональный, «личностный» характер. Последнее, кстати, подчеркивал и сам их автор: «Это не история других, которую я записал, это – история моей собственной жизни, которую я поведал со всей искренностью солдата, исполнившего свой долг, и кто написал ее без предубеждений» [4, р. 273].

Ценность воспоминаний Куанье, однако, отнюдь не в подробностях, связанных с личностью самого ветерана и, тем более, не в декларируемой им их объективности. Они ценны прежде всего и больше всего тем, что на их страницах присутствует, так сказать, «портрет» Великой армии, запечатленный в общем довольно наивным, но вместе с тем искренним пером рядового участника кровавой эпопеи Наполеоновских войн.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, опираясь на записки Жан-Рока Куанье, представить, как создавалась, чем жила, за что и как воевала и как перестала существовать Армия Наполеона. С той или иной степенью обстоятельности мемуары Куанье дают ответы почти на все эти вопросы.

Любопытным является сюжет о боевой подготовке французской армии в мирное время, о чем автор пишет несколько раз, начиная с того момента, когда речь идет о первых двух месяцах его службы в армии еще при Директории. «Наш прекрасный батальон, – не без иронии замечает

он, – был сформирован в течение двух недель; он насчитывал 1800 человек, дисциплины не было никакой, однажды случился бунт и половина батальона отправилась по домам. Шеф батальона доложил об этом в Париж и каждому был предоставлен 15-дневный срок для возвращения в свой батальон, в противном случае любовью считался дезертиром и подлежал соответствующему наказанию... Были сформированы роты и отобраны гренадеры. Я был зачислен в... последнюю роту, насчитывавшую 125 человек, и мы тотчас же получили нашу военную форму. Мы были полностью обмундированы и немедленно приступили к строевому обучению два раза в день... Воскресенье был *decadi* (выходным днем) для всего батальона. Мы горланили «la Victoire», а офицеры размахивали своими саблями... Затем мы выкрикивали: “Да здравствует республика!” Каждый вечер, окружив столб свободы на главной улице, мы пели: “Аристократов на фонарь!”. Это было великое зрелище» [4, р. 55–56].

Оказавшись после переворота 18 брюмера в составе 86-й линейной полубригады, состоявшей из старых, опытных солдат и очень строгих офицеров, вспоминал Куанье, он продолжил службу в армии Республики. Вспоминая это время, мемуарист пишет: «Наш полковник, которого звали *месье* Лепро, уроженец Парижа, был хорошим солдатом, очень сердечным в отношении офицеров. Наш капитан по имени Мерль... обладал всеми качествами солдата. Строгий, справедливый, он всегда присутствовал при раздаче пайков его гренадерам, дважды в день проводил строевую подготовку, был строг в поддержании дисциплины... Он также обучал нас стрельбе. Все наше время до последнего мгновения было посвящено работе. Три месяца спустя наши роты уже были готовы провести учения в присутствии Первого Консула» [4, р. 59].

Еще один раз, описывая свою службу в относительно мирное время (между заключением Амьенского мира в 1802 г. и возобновлением подготовки к предстоящей войне с Англией в 1803 г.), Куанье замечает: «Поговаривали о тех приготовлениях, которые были сделаны для десанта в Англию. Булонский лагерь пребывал в величайшем волнении... Генерал Удино был поставлен командовать нами и еще 12 тысячами гренадер, которые составляли силы резерва... каждый день мы тренировались и тренировались. Мы были разделены на бригады чтобы

упражняться в погрузке на суда... В течение 20 дней мы занимались артиллерийскими стрельбами и были одновременно и артиллеристами и матросами. Матросы, артиллеристы и солдаты все двигались точно один человек; совершеннейший порядок царил на кораблях флота» [4, р. 111].

После окончания кампании 1806 г., по словам Куанье, «Император учредил плавательную школу, где мы должны были обучаться плаванию» [4, р. 154], неподалеку от моста в Нейи. Широкие подпруги были закреплены под животами тех гренадер, которые не умели плавать, а по бокам поставлены две баржи, на каждой из которых находилось по два человека...». «И мы принялись за работу с таким энтузиазмом, – продолжает мемуарист, – что через два месяца насчитывалось уже 800 гренадер, которые могли переплыть Сену» [4, р. 154–155].

Жизнь наполеоновского солдата, разумеется, неотделима от военных кампаний, участником которых был капитан Куанье. С этой точки зрения мемуары поистине уникальны хотя бы потому, что он сражался практически во всех крупнейших битвах, произошедших между 1800 и 1815 гг. Оказавшись на действительной военной службе в регулярной армии во время Второй Итальянской кампании Наполеона, ознаменовавшейся знаменитой победой над австрийцами при Маренго (14 июня 1800 г.), он закончил свой воинский путь ровно 15 лет спустя на кровавом поле Ватерлоо (18 июня 1815 г.). Битва при Маренго (справедливости ради следует отметить, что это было уже второе сражение, в котором довелось участвовать Куанье. Первой была битва при Монтебелло) в описании мемуариста выглядит следующим образом: «Австрийцы заняли город Алессандро. Всю ночь мы были под ружьем; аванпосты были выдвинуты вперед настолько, насколько это было возможно... 14-го (июня) в три часа утра они (австрийцы) внезапно атаковали два наших небольших поста, убив четырех человек. Это явилось сигналом к утренней побудке. В 4 часа началась стрельба справа от нас. Наши барабаны дали сигнал тревоги по всей линии, прибыли адъютанты, приказав нам выстроиться в боевой порядок... колонна австрийцев появилась из-за ивовых деревьев, развернулась напротив нас и открыла побатальонный огонь... я укрылся за ивой и начал стрелять по этой колонне... Пули сыпались на нас со всех сторон и мне пришлось упасть на землю, чтобы уберечься от выстрелов

из-за которых я весь был покрыт ветками, с головы до ног. Я думал, что для меня все кончено. К счастью, наша дивизия двинулась вперед побатальонно. Я вскочил на ноги и очутился среди компании стрелков; я находился среди них до конца дня и из 170 наших гренадер уцелело не более 14; все остальные были либо убиты, либо ранены... Под градом пуль мы были вынуждены отступить на нашу первую позицию... мы должны были удерживать очень трудную позицию. Они (австрийцы) постоянно пытались нас обойти и мы принуждены были смыкать ряды, для того, чтобы они не атаковали нас внезапно с фланга... наши ряды заметно поределели; вокруг были лишь раненые, а солдаты, которые уносили их прочь не возвращались в наши ряды; это очень сильно ослабило нас. Колонны (австрийцев) постоянно усиливались, но никто не приходил к нам на помощь. Наши ружейные стволы раскалились настолько, что невозможно было их заряжать из-за опасения, что патроны воспламенятся. Ничего не оставалось как помочиться на стволы, чтобы охладить их... Затем, как только мы смогли возобновить стрельбу, мы отступили в хорошем порядке, наши патроны совсем уже подошли к концу... когда прибыли 800 человек Консультской гвардии, чьи холщовые комбинезоны были битком набиты патронами; они прошли вдоль нашего фланга и раздали нам патроны, что спасло наши жизни...» [4, р. 74–76].

А вот как в воспоминаниях Куанье выглядит кульминация Аустерлицкого сражения (2 декабря 1805 г.) – схватка российской императорской гвардии с французами на Праценских высотах: «Вся гвардия российского императора была сосредоточена на этих высотах... их (русских. – А.Е.) кавалерия атаковала 4-й батальон и усеяла поле его мертвыми телами. Император увидел это и отдал приказ генералу Раппу атаковать. Рапп бросился вперед со своей кавалерией и мамелюками, выручил батальон, но был отброшен русской гвардией. Император приказал нам остановиться и отправил вперед мамелюков и легкую кавалерию. Эти мамелюки были превосходными всадниками; они могли делать со своими лошадьми все, что захотят, своими кривыми саблями они сносили голову с плеч одним ударом... один из них три раза подъезжал к императору с русскими штандартами. В третий раз император хотел его остановить, но он ринулся в бой снова и назад уже не вернулся. Он остался на поле боя... Русская императорская гвардия

состояла из людей огромного роста, которые бешено сражались. Наша кавалерия, в конце концов, была отброшена. Тогда император бросил на них своих “черных лошадей” – конных гренадер под командованием генерала Бессьера. Они промчались мимо нас словно вспышка молнии и обрушились на врага. В течение четверти часа продолжалась отчаянная борьба и эти четверть часа показались нам вечностью. Мы не могли ничего рассмотреть сквозь дым и поднимающуюся пыль. Мы боялись, что наши товарищи, в свою очередь, падут под сабельными ударами. Мы медленно двинулись вперед позади них и, если бы они потерпели поражение, тогда настал бы наш черед. Смятение длилось лишь несколько минут; все металось взад и вперед, и никто не знал, чья взяла; но наши гренадеры вышли победителями и возвратились на свои позиции позади императора. Генерал Рапп вернулся весь в крови, привезя с собой пленного принца» [4, р. 121–122].

Оказавшись участником последней кампании Наполеона, Куанье присутствовал на поле битвы при Линьи и при Ватерлоо. О первом сражении похода 1815 г. он вспоминал следующим образом: «Это была, не битва, а резня. Со всех сторон грохотали барабаны, возвещая атаку. Был только один призыв – “Вперед!”. Я прибыл с сообщением об этом к императору. Выслушав меня, он сказал: “Ах! Если бы у меня было четыре человека, на которых я мог бы рассчитывать так, как на Жерара, то с пруссаками было бы покончено!”». Описание заключительного сражения кампании 1815 года – при Ватерлоо содержит все, ставшие хрестоматийными, подробности великой битвы. Это и якобы просчет маршала Нея, не атаковавшего вовремя англичан у Катр-Бра (17 июня), это и описание ожесточенного боя войск во главе с «бесстрашным маршалом» уже на поле Ватерлоо, это и отчаянная попытка Наполеона ударом Императорской гвардии прорвать центр английских позиций [4, р. 262, 263–264]. Упомянув Нея там, где речь идет о завершающем этапе битвы, Куанье пишет, что тот «желал смерти». К тому же, по мнению капитана, стремился и сам император, самолично пожелавший участвовать в атаке. По словам Куанье, этому решительно воспротивились генералы, окружавшие его. «Что вы делаете? – вскричали они. – Разве им не хватит того, что они одержали победу?» Его (Наполеона) желание состояло в том, чтобы его убили, но сановники, находившиеся подле него, не горели

желанием принести такую жертву. «Однако, должен сказать, что все мы, – пишет Куанье, – сгрудились вокруг него и заставили удалиться» [4, р. 265].

Почти то же самое повторилось уже во время бегства остатков разгромленной французской армии в Шарлеруа. Куанье пишет, что в этом месте император «устроил продолжительное совещание со своими генералами; некоторые (из них) хотели, чтобы он остался с армией, другие желали, чтобы он без промедления отправился в Париж. Но он возразил: «Как вы можете советовать мне это? Мое место – здесь». После того как он отдал приказы и составил бюллетень для Парижа, прибыл офицер, сообщивший о приближении колонны войск. Император отправил узнать, кто прибыл. Это была Старая гвардия, возвращавшаяся с поля боя в полном порядке. Когда император услышал эту новость, он вновь вознамерился остаться здесь и не отправляться в Париж; но вынужден был сделать это по настоянию большинства его генералов. Отступление же самой разбитой французской армии, вероятно, точнее всего передает выражение Куанье, когда он пишет об «охваченной паникой толпе». Своеобразной кульминации паника достигла тогда, когда остатки Великой армии добрались до Жемаппа. «Люди всех подразделений из разных корпусов, – вспоминал мемуарист, – дрались за то, чтобы пробиться через улицы маленького городка, без всякого командования, перепуганные, преследуемые прусской кавалерией, чье победное ура постоянно доносилось к ним с тыла» [4, р. 264].

Кроме пространного описания военных кампаний Наполеона с точки зрения рядового участника, мемуары капитана Куанье сообщают много интересного и о других сторонах армейской службы во времена Первой Империи. В них автор, в частности, приводит немало примеров мужества, которое было своеобразной «визитной карточкой» прославленных воинов Великой армии. Вместе с тем он не умалчивает и о фактах откровенной трусости, малодушия, которые тоже имели место и свидетелем которых он был. Так, во время итальянской кампании 1800 г. он стал очевидцем «отважного поступка одного маленького солдата из легкой пехоты. Оставшись в поле один-одинешенек... он открыл огонь по приближавшейся колонне войск противника и крикнул: “Вперед!”». Его отвага, пишет Куанье, привела к тому, что дивизия развернулась и бросилась в атаку на противника.

Генерал, восхищенный поступком отважного пехотинца, решил наградить храбреца и послал за ним своего адъютанта. Разыскав пехотинца на передовой, адъютант сказал ему, что его желает видеть генерал. Солдат отказался явиться к генералу: «Я не сделал ничего плохого». Адъютант успокоил его, сообщив, что генерал намеревается наградить его. «Ах! Ну тогда другое дело. Я иду с вами». Представ перед генералом, он был торжественно принят всеми офицерами и его имя занесли в список на награждение почетным ружьем [4, р. 86]. А вот совсем другой случай, относящийся к битве при Асперне (21–22 мая 1809 г.), где тесно переплелись малодушие и отвага. После того как маршал Ланн был смертельно ранен, его «корпус подал сигнал к отступлению; часть корпуса, охваченная страхом, бросилась назад, свалившись прямо на нас и загородив обстрел. Поскольку у нас оставалась только одна шеренга, – продолжает мемуарист, – наши гренадеры схватили их за шиворот, оттолкнув за наш строй, говоря: «Теперь вам нечего бояться!» [4, р. 170].

Поскольку войны, в которых участвовал Куанье, справедливо называются Наполеоновскими, в его воспоминаниях личности Наполеона, с которым он не раз находился рядом, выполняя его поручения, уделено немало места. Куанье именует Наполеона «нашим любимым императором» [4, р. 140]. Казалось бы, этого достаточно, чтобы понять те чувства обожания и преданности, которые состарившиеся в битвах «ворчуны» испытывали по отношению к «Маленькому капралу». Явно восхищаясь Наполеоном, Куанье в то же время подчас рассказывает такие истории, которые явно не вписываются в каноны классической Наполеонианы. В этом смысле поистине удивительна история боя с австрийцами 24-й полубригады 13 июня 1800 г. (в самый канун битвы при Маренго). Полубригада выдвинулась далеко вперед, вступила в бой с неприятелем и, понеся тяжелые потери, построилась в каре, чтобы отразить атаки врага. «Бонапарт, – пишет Куанье, – бросил ее в этой ужасной ситуации. Говорили, что он хотел, чтобы она была полностью истреблена. Причина крылась в следующем. Во время битвы при Монтебелло эта полубригада, получив приказ генерала Ланна выдвинуться вперед, открыла огонь по своим офицерам. Солдаты пощадили лишь одного лейтенанта. Я не знаю, какова была причина этой ужасной мести. Будучи извещенным об этом происшествии, Консул скрыл

свое негодование. Он не мог выказать его, находясь лицом к лицу с неприятелем. Выживший лейтенант... был произведен в капитаны; штаб был немедленно реформирован. Но, несмотря ни на что, было ясно, что Бонапарт ничего не забыл. Около 5 или 6 часов вечера нас отправили на выручку 24-й. Когда мы подошли, солдаты и офицеры обрушились на нас с оскорблениями, заявив, что мы намеренно обрекли их на гибель. Они были почти полностью разгромлены». Куанье полагал, что 24-я полубригада потеряла половину своих людей, но это не помешало ей на следующий день сражаться еще лучше [4, р. 74].

В своих мемуарах Куанье не раз упоминает о том, как ему доводилось находиться практически в двух шагах от Наполеона. Так, например, вспоминая о подготовке войск к десанту в Англию, мемуарист признается, что он отказался учиться плаванию, так как «слишком боялся воды». С этим оказался связан следующий эпизод. В пересказе Куанье он выглядит так: Наполеон прибыл в Нейи, чтобы удостовериться в том, насколько хорошо солдаты освоили плавание. Случайно заметив стоявшего неподалеку Куанье, император приказал ему подойти. Между Наполеоном и Куанье состоялся примечательный диалог: «Вы можете плавать? – спросил император бравого солдата. – Нет, сир. – Почему нет? – Я не боюсь огня, но боюсь воды. – Ох! Вы не боитесь огня. Очень хорошо, – сказал он (Наполеон) г-ну Белькуру, – освобождаю его от плавания» [4, р. 155]. В другой раз, во время смотра войск в Париже, император приказал Куанье, тогда уже сержанту гвардии, повторять за ним команды. «После смотра, – пишет Куанье, – мои офицеры поздравили меня, похвалив меня за мой зычный голос. Благодарю вас, ответил я, но тот, кто находится рядом с государем, мало что способен ощущать; я слышал его (Наполеона) голос, но не смел взглянуть на него... я видел только его лошадь» [4, р. 191]. В 1813 г., накануне атаки баварцев при Ганау, кирасирами и конными гренадерами императорской гвардии, Куанье подъехал к императору. «Не позволит ли Ваше Величество мне следовать за конными гренадерами?» – спросил Куанье. «Ступай, – ответил он (Наполеон), – там будет одним хорошим солдатом больше». «Как горд я был! Я никогда ни о чем не просил его прежде. Я слишком сильно боялся его» [4, р. 243]. Подлинным апофеозом Наполеона выглядит запечатленная в мемуарах Куанье сцена

приветствия императора войсками в ночь перед битвой при Аустерлице. «В тот вечер император вышел из своей палатки, сел на лошадь и со своим эскортом направился к аванпостам, – вспоминал мемуарист. – Стустились сумерки и конные гренадеры держали в руках четыре зажженных факела. Это явилось сигналом к прекрасному зрелищу; вся гвардия принесла охапки сена со своих бивуаков и зажгла их. Держа пучки соломы в обеих руках люди зажгли их один за другим и заорали во все горло: “Да здравствует император!”, швыряя их в воздух. Все армейские корпуса подхватили это, и я уверен, что было зажжено до 100 тысяч огней. Русские со своих высот... могли видеть семь армейских корпусов и семь линий из огня перед собой» [4, р. 120].

Кроме отмеченных выше сюжетов (о подготовке армии к войне в мирное время, о кампаниях и битвах Наполеона, о самом императоре), мемуары Куанье содержат интересную информацию о первом награждении отличившихся воинов Великой армии Орденом Почетного Легиона (в 1802 г.), о встрече императоров Франции и России в Тильзите (в 1807 г.), о торжествах в Париже по случаю свадьбы Наполеона с его второй женой Марией-Луизой (в 1810 г.), о рождении сына Наполеона – Римского Короля (в 1811 г.) и др.

Любопытно и то, каким образом мемуарист характеризует итальянцев, русских, испанцев, поляков и пруссаков. Об этом тоже немало сказано на страницах его воспоминаний.

Жанр мемуаров, как правило, не предполагает каких-то больших, «глобальных» обобщений. Нет их и у Куанье. Однако, несмотря на это, при внимательном прочтении становится ясно, например, каковы были главные причины краха и гибели Великой армии. К их числу, безусловно, относится ставший особенно заметным в 1812 г. «интернациональный» характер Великой армии. Так, описывая поход Наполеона на Москву, Куанье пишет о том, что целый отряд войск (состоявший из испанцев) дезертировал из армейских рядов в полном составе. Другая, очевидно, не менее важная причина – это разедавшее Великую армию мародерство. Наиболее яркий пример тому запечатленный мемуаристом эпизод отступления Великой армии в конце 1812 г. Он настолько в этом смысле показателен, что есть смысл привести его целиком. Измотанные долгими маршами, голодные, замерзающие солдаты Великой армии, покинув Виль-

но, разграбили обоз с армейской казной. «Несчастные завладели ею и разломали боченки, – пишет Куанье. – Три четверти из них очутились рядом с награбленным. Их ноша была столь неподъемна, что они попадали под ее тяжестью» [4, р. 225]. И, наконец, еще одной причиной, приведшей Великую армию к поражению, была все более и более нараставшая с годами усталость от войн ее командного состава, которая стала особенно заметной во время войны в Европе, после разгрома Наполеона в России. Прикомандированный к штабу армии офицером, отвечавшим за транспорты, и в этом качестве участвовавший в кампаниях 1813–1814 гг., Куанье стал свидетелем «отваги наших юных конскриптов» в битвах при Люцене (2 мая 1813 г.) и Бауцене (20–21 мая 1813 г.) и «памятной победы» под Дрезденом (27 августа 1813 г.) [4, р. 237]. В связи с последней битвой, Куанье упоминает один, в высшей степени интересный эпизод. Хотя битва и была, по его словам, «памятной», «но нашим генералам этого было достаточно». «Я находился при штабе и слышал много чего во время разговоров. Они (штабные офицеры. – А.Е.) проклинали императора: “Он... всех нас угробит”. Я был ошарашен. Я сказал себе: “Нам конец”. На следующий день я отважился сказать своему генералу: “Полагаю, что наше место уже больше не здесь (не в Германии. – А.Е.); нам следует отступать за Рейн форсированными маршами”. “Я согласен с вами, – ответил генерал, – но император упрям, никто не может заставить его прислушаться к голосу разума”» [4, р. 237].

Бесспорно то, что, сформировав Великую армию, «Наполеон создал величайшую боевую мощь, изумляющую военных историков... Но не менее бесспорно и то, что, в отличие от патриотизма волонтеров Революционной армии образца 1793–1794 гг., к 1799 г. французскими солдатами уже двигали честь мундира и корыстолюбие... армия заразилась новыми настроениями. Солдатам внушали теперь, что для них главное – не народ, а воинское братство, их место – с такими же как они, в своем полку и со своими генералами» [5, с. 91]. Именуя солдат Наполеона «типичными представителями французского народа», современный английский исследователь Джон Элтинг вместе с тем справедливо отмечает, что у них (в отличие от солдат революционных армий) были «иные нужды и иные пороки, они презирали гражданских и испытывали потребность находиться в

постоянном возбуждении и беспрестанной деятельности» [6, р. 589].

Одним из ярчайших представителей этой удивительной породы людей и был капитан Жан-Рок Куанье – ветеран Великой армии, чьи воспоминания являются интереснейшим и ценнейшим источником по Наполеоновской эпохе. Бесхитростные, написанные без каких-либо претензий на литературность, мемуары Куанье давно и прочно вошли в золотой фонд военной мемуаристики. Они позволяют представить «наполеоновские грозы» во всем их многообразии, неоднозначности и суровом величии.

Литература

1. Bell D.A. The first total war. Napoleons Europe and Birth of Modern Warfare. L., 2010.
2. Альбер А. Манускрипт карабинеров : в 2 т. / пер. И. Кудряшов. М. : Книга, 2011. Т. 1. 104 с.
3. Dictionnaire Napoleon. Sous la direction de Jean Tulard. T. 1. Paris, 1999.

4. Coignet J-R. Soldier of the Empire. The notebooks of capitan Coignet. Barnsley, 2012.

5. Исдейл Ч.Дж. Наполеоновские войны / пер. с англ. Д.Я. Мовшович. Ростов н/Д. : Феникс, 1997. 544 с.

6. Elting J.R. Swords around a Throne. Napoleons Grand Armee. L., 1997.

References

1. Bell D.A. The first total war. Napoleons Europe and Birth of Modern Warfare. London, 2010.
2. Al'ber A. Manuscript karabinerov [Carabinieri Manuscript]. In 2 vol. Tr. by I. Kudryashov. Moscow: Kniga, 2011, vol. 1, 104 p.
3. Dictionnaire Napoleon. Sous la direction de Jean Tulard. Paris, 1999, vol. 1.
4. Coignet J-R. Soldier of the Empire. The notebooks of capitan Coignet. Barnsley, 2012.
5. Isdeil Ch.Dzh. Napoleonovskie voyny [Napoleonic Wars]. Tr. from Engl. D.Ya. Movshovich. Rostov-on-Don: Feniks, 1997, 544 p.
6. Elting J.R. Swords around a Throne. Napoleons Grand Armee. London, 1997.

**ВОЕННО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО СОЗДАНИЮ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ КРАСНОЙ АРМИИ
В АВТОНОМИЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КАК ИНСТИТУТА
ЭТНОПОЛИТИКИ 1920-х ГОДОВ**

© 2019 г. Д.С. Кокорхоева ^а

^а Ингушский государственный университет, Магас, Россия

**MILITARY ORGANIZATIONAL ACTIVITY OF THE SOVIET STATE
ON CREATION OF NATIONAL UNITS OF THE RED ARMY
IN THE AUTONOMOUS REGIONS OF THE NORTH CAUCASUS
AS THE INSTITUTE OF ETHNOPOLITICS IN 1920s**

D.S. Kokorkhoeva ^а

^а Ingush State University, Magas, Russia

Кокорхоева Дугурхан Султангиреевна –
кандидат исторических наук, профессор,
кафедра истории,
Ингушский государственный университет,
пр. И.Б. Зязикова, 7, г. Магас, РИ, 386001, Россия.
E-mail: dugurhan@mail.ru

Dugurhan S. Kokorkhoeva -
Candidate of History, Professor,
Department of History,
Ingush State University,
I.B. Zyazikova Ave, 7, Magas, RI, 386001, Russia.
E-mail: dugurhan@mail.ru

Рассматривается процесс создания национальных формирований Красной Армии в автономиях Северного Кавказа (1925–1929 гг.). Применены системный, структурно-функциональный, сравнительный методы. Источниковая основа статьи включает в себя неизученные документы Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), Революционного военного совета и Политического управления Северо-Кавказского военного округа, областных исполкомов Советов. Определены основные аспекты создания национальных формирований: организация военно-мобилизационного учёта и допризывной подготовки, проведение мобилизации, воспитательная и идеологическая работа, обучение командного состава. Раскрыты особенности пятилетнего плана развертывания национальных частей в СКВО. Выявлены разногласия в краевом политическом руководстве по вопросам сроков и форм военной реформы. Впервые освещены итоги инспектирования состояния Национальной кавалерийской школы северокавказских народностей и национальных эскадронов в автономиях. Установлены затруднения создания национальных формирований, вызванные языковым и религиозным барьерами, низкой грамотностью призывников, межэтническими и клановыми отношениями. Сделан вывод о том, что смысл и приоритеты функционирования национальных частей РККА на Северном Кавказе значительно изменились вследствие свертывания нэпа, перехода к коллективизации и централизации власти. Из средства распространения мировой революции в странах Востока национальные части РККА превратились в институт повышения лояльности народов Северного Кавказа. Национальные части Красной Армии не достигли высокой политической и организационной эффективности, что вызвало их роспуск в 1938 г.

Ключевые слова: национальные формирования, Красная Армия, автономии, Северный Кавказ, институт, этнополитика, 1920-е гг.

The process of creating national formations of the Red Army in the autonomies of the North Caucasus (1925-1929) is considered. Systemic, structural-functional, comparative methods are applied. The source of the article includes unexplored documents of the National Commission of the North Caucasian Regional Committee of the CPSU(b), The Revolutionary Military Council and the Political Administration of the North Caucasian Military District, and the regional executive committees of the Soviets. The main aspects of the creation of national formations are determined: organization of military mobilization accounting and pre-conscription training, mobilization, educational and ideological work, training of command staff. The features of the five-year plan for the deployment of national units in the North Caucasus Military District are revealed. Disagreements were revealed in the regional political leadership on the timing and forms of military reform. For the first time, the results of the inspection of the state of the National Cavalry School of North Caucasian nationalities and national squadrons in autonomies are highlighted. The difficulties of creating national formations

caused by linguistic and religious barriers, low literacy of conscripts, inter-ethnic and clan relations have been identified. It is concluded that the meaning and priorities of the functioning of the national parts of the Red Army in the North Caucasus have changed significantly due to the curtailment of NEP, the transition to collectivization and the centralization of power. From the means of spreading the world revolution in the countries of the East, the national parts of the Red Army became an institution for increasing the loyalty of the peoples of the North Caucasus. The national units of the Red Army did not achieve high political and organizational effectiveness, which caused their dissolution in 1938.

Keywords: *national units, Red Army, autonomies, North Caucasus, institute, ethnopoltics, 1920s.*

Тема создания национальных формирований Красной Армии в автономиях Северного Кавказа важна для осмысления мотивов и приоритетов советской этнополитики 1920-х гг. Данная проблематика остаётся малоизученной вопреки тому, что её анализ позволяет по-новому осветить курс «коренизации» этнополитики и территориальную модель комплектования РККА, степень лояльности населения в отношении советской власти. Учёт этнокультурных факторов в комплектовании Вооружённых Сил злободневен и для современности.

Уровень разработанности научной темы в историографии нельзя признать достаточным. Историки советского периода идеализировали опыт национальных формирований РККА, будучи скованы идеологическими рамками. Основное внимание они уделяли участию национальных формирований в Великой Отечественной войне [1]. Отсутствовали до 2000-х гг. работы, выполненные на материалах Северного Кавказа. Ведущим современным исследователем взаимоотношений народов Кавказа и Красной Армии (1918–1945 гг.) является автор монографии [2] и ряда статей [3, 4] А.Ю. Безугольный. Также отметим монографию В.Е. Иванова [5], статью В.В. Градосельского [6], диссертацию Р.Н. Эль-Беайни [7]. Тема бегло затронута в монографии Ю.Ю. Карпова о национальной политике на Северном Кавказе 1920–1930-х гг. [8, с. 225–229]. В них проанализированы ранее недоступные источники. Но и в этих работах основное внимание уделено общим закономерностям комплектования и функционирования национальных формирований РККА, союзному законодательству, а не реализации военной реформы в автономиях Северного Кавказа.

Цель нашей работы – выяснить особенности создания и функционирования национальных формирований РККА на Северном Кавказе в контексте направленности партийно-государственной этнополитики (1925–1929 гг.). Цель предполагает раскрытие таких аспектов темы, как организация военно-мобилизационного учёта и допризывной подготовки, проведение мобилизации, воспита-

тельная и идеологическая работа, обучение командного состава.

Кратко поясним, что применительно к 1925–1929 гг. под автономиями Северного Кавказа понимаются: Дагестанская АССР, а также автономные области в составе Северо-Кавказского края: Чеченская, Ингушская, Северо-Осетинская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Адыгее-Черкесская. Они имели сходные экономические и социокультурные условия для формирования национальных частей РККА.

Теоретическая основа работы востребовала применить системный, структурно-функциональный, сравнительный (кросс-территориальный) методы исторического исследования. Использованы также подходы социальной истории для анализа повседневных условий призыва в ряды Красной Армии, образа жизни красноармейцев и командного состава. Данная совокупность научных подходов даёт возможность переосмыслить формирование национальных частей РККА на Северном Кавказе в качестве целостной и взаимообусловленной совокупности мероприятий; выяснить механизм принятия решений о реализации военной реформы в условиях автономий.

Источниковая основа статьи включает в себя документы Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), Революционного военного совета и Политического управления Северо-Кавказского военного округа, ряда областных исполкомов Советов (Дагестанского, Кабардино-Балкарского) автономий. В особенности важны резолюция Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о состоянии национальных частей от 24.02.1926 г. и подготовительные аналитические материалы к ней [9; 10], постановление данного партийного органа о распространении обязательной военной службы на народы Северного Кавказа от 10.01.1927 г. [11], пятилетний план работ Северо-Кавказского военного округа по проведению учёта и обязательной военной службы в 1925–1929 гг. [12], донесения Политического управления СКВО члену Реввоенсовета СКВО, секретарю крайкома РКП(б) А.И. Микояну о социальном составе набора добровольцев [13] и со-

стоянии комсомольской организации в кавалерийском национальном полку [14]. Данные источники впервые вводятся в научный оборот.

Предпосылки создания национальных формирований РККА на Северном Кавказе были неблагоприятными. В дореволюционный период народы региона, как правило, не призывались на регулярную военную службу, уплачивая взамен специальный налог. Добровольцы служили в вооруженных силах империи на иррегулярных началах, только в кавалерии, считая службу в пехоте или обозе оскорбительной. В период Гражданской войны и её рецидивов – повстанческих выступлений (1918–1924 гг.) на Северном Кавказе возникали «партизанские» формирования, периодически вливавшиеся в ряды регулярной Красной Армии, но недостаточно лояльные политически, подверженные дезертирству. Их приходилось перебрасывать в отдаленные от Кавказа регионы, чтобы избежать беспорядков. Тем не менее осенью – зимой 1920 г. массовые мятежи под исламскими лозунгами развернулись в Дагестане, Чечне и Карачае. Шейх Али Митаев в Чечне имел боеспособные отряды своих последователей-мюридов, которые превосходили численностью красноармейцев. В итоге национальные части РККА, сформированные из народов Северного Кавказа, были распущены весной 1921 г. в рамках массовой демобилизации.

Непрекращающиеся межэтнические и клановые конфликты из-за земли, захватов скота и заложников, политическое повстанчество (мятеж во главе с Н. Гоцинским в Дагестане был подавлен только в 1925 г. при войсковой операции по разоружению автономий) диктовали сохранение местных отрядов самообороны, организованных по кланово-родственному принципу. Регулярные же части РККА на Северном Кавказе состояли в основном из призывников-славян, как и партийные, и комсомольские ячейки, члены которых имели право ношения оружия [15].

Народы Северного Кавказа не имели традиций несения регулярной военной службы на общегосударственных основаниях. Дело осложнялось также низкой грамотностью горцев, особенно – на русском языке. Согласно докладной записке «Советское строительство в нацобластях» (февраль 1927 г.), грамотность составляла в Карачаево-Черкесии 18,3 % взрослых жителей, в Северной Осетии – 17, в Адыгее – 12, в Кабардино-Балкарии – 8,1, в Ингушетии – 3,5 и в

Чечне – 0,5 % [16]. Традиционное исламское образование на основе арабского языка помочь в военном строительстве не могло и отвергалось советскими органами как «реакционное». Во многих местностях (Дагестан, Чечня) молодые люди не имели фамилий, что вынудило военкоматы в 1926–1928 гг. проводить призыв со слов старейшин по жребии и определять возраст по внешнему облику [17].

Изложенные причины объясняют, почему центральная власть избегала до установления относительно прочного контроля над Северным Кавказом проводить призыв в Красную Армию среди горских народов (повторяя практику Российской империи). Как выяснил А.Ю. Безугольный, общероссийские нормативно-правовые акты 1920–1923 гг. допускали исключения из принципа всеобщей военной службы. В частности, ВЦИК РСФСР постановлением от 28.09.1922 г. на основании рекомендаций Наркомата по делам национальностей предоставил временную отсрочку «тем из населяющих РСФСР народностей, которые по своим культурным и бытовым особенностям ещё не могут... дать вполне годных воинов» [18; 3, с. 106]. Кроме того, разорённое Гражданской войной государство резко сократило в первой половине 1920-х гг. военные расходы, временно отказавшись от новых призывов в РККА.

Принципиально иной курс военной политики принимается XII съездом Российской коммунистической партии (большевиков) в апреле 1923 г. Делегаты съезда приняли резолюцию «По национальному вопросу», в которой потребовали провести «практические мероприятия по организации национальных войсковых частей, с соблюдением всех мер, необходимых для обеспечения полной обороноспособности республик» [19]. Этот курс был конкретизирован в итоге пленума Реввоенсовета СССР (ноябрь – декабрь 1924 г.), принявшего пятилетнюю программу военного национального строительства. В 1925 г. программа была одобрена III Всесоюзным съездом Советов. Предполагалось за октябрь 1925 – сентябрь 1929 гг. создать национальные военные формирования из числа призывников всех автономий и союзных республик СССР, доведя их общую численность до 51 434 чел., т. е. до 10 % штатной численности РККА. Наряду с созданием национальных военных частей планировалось «сконцентрировать» малочисленных военнотружеников той или иной народности в однородных по этносоставу взво-

дах, ротах, батальонах «обычных» частей. Создавались новые военные школы для ускоренной подготовки командного состава из числа «националов» [20, с. 306]. Юридическую силу реформа обрела со вступлением в силу закона СССР «Об обязательной военной службе» от 18.09.1925 г. Закон предусмотрел «особый порядок» прохождения рядом народов обязательной военной службы в виде допризывной подготовки и территориальных краткосрочных сборов по согласованию с ЦИК автономных республик [21].

Исследуем особенности военной реформы в Северо-Кавказском военном округе. «Ориентировочный план работ по проведению учёта и распространения закона об обязательной военной службе в национальных областях СКВО с 1.X.1925 по 1.X.1929 гг.», составленный Реввоенсоветом данного военного округа, предусматривал организацию территориальной кавалерийской дивизии из числа призывников горских народов (штатная численность 1889 чел.) [12]. К началу 1925 г. реально существовал только Дагестанский отдельный кавалерийский эскадрон. Первый призыв планировалось вести на добровольной основе, после тщательной разъяснительной пропаганды.

По итогам первого добровольного призыва осени 1925 г. Политическое управление СКВО 29.01.1926 г. направило донесение № 27 секретарю крайкома ВКП(б) А.И. Микояну. В нём призыв оценивался положительно: бедняки составили 71,7 % из 200 призывников. Грамотны на русском языке (очевидно, на бытовом уровне) 65,8 % призванных; на родных языках грамотно 42,6 %. Вместе с тем авторы донесения признавали крайнюю неравномерность партийного и комсомольского ядра призывников в различных автономиях. Так, в Кабардино-Балкарии большевики составляли 30 % добровольцев, в Ингушетии и Северной Осетии – по 11,7, в Дагестане и Адыгее – по 3 % (в Чечне коммунистов-призывников не было). Удельный вес комсомольцев колебался от 48 до 79,4 %. Младший командный состав был укомплектован представителями народов Северного Кавказа только на 50 %, что создавало языковой барьер [13].

Представляют значительный интерес «Предложения по докладу т. Володина в Нацкомиссию Крайкома ВКП(б) о состоянии Нацчастей СКВО», составленные до 23.02.1926 г. [10]. В.Г. Володин являлся также членом бюро край-

кома ВКП(б). Автор давал реалистичную оценку состояния национальных частей, упоминая не только сочувствие населения автономий и хорошее качество набора добровольцев, но и финансовые и организационные трудности: недостаточное обеспечение жильём, продовольствием; слабость учебных пунктов допризывной подготовки и местных военкоматов; отсутствие материального обеспечения семей призывников в территориальные части; нехватку строевых лошадей у призывников.

В.Г. Володин предлагал возложить финансирование части расходов по организации нацформирований и допризывной подготовке на бюджет края (ввиду дотационности автономий). Сформулированы предложения по усилению общего и политического воспитания призывников: ввести в штат частей переводчиков с русского языка на национальные; печатать уставы и иную военную литературу на горских языках; обеспечить регулярное информирование командного состава национальных частей о жизни в их автономиях путём личного посещения военных школ руководителями областей; расширить преподавание краеведения в Северо-Кавказской национальной военной школе и окружной военно-политической школе. Признавая острую нехватку грамотного комсостава, В.Г. Володин предлагал расширить набор «националов» в военные школы на добровольной основе, а их младший командный состав временно комплектовать лучшими «в строевом и политическом отношении» из числа русских и татар [10, л. 10]. Осенью 1926 г. планировалось впервые провести мобилизационный учёт призывников – «националов» в качестве подготовительной меры к введению всеобщей обязательной службы.

Предложения В.Г. Володина были поддержаны Национальной комиссией крайкома ВКП(б) во главе с А.И. Микояном. Комиссия 24.02.1926 г. приняла резолюцию, в которой возражала против планируемого Народным комиссариатом обороны СССР сокращения плана развёртывания национальных формирований на Северном Кавказе (комиссия отстаивала набор кавалерийской дивизии, а не полка) [9].

Представляют интерес «Тезисы к докладу о времени и порядке распространения закона об обязательной военной службе на горские народности», отредактированные В.Г. Володиным в сентябре 1926 г. [22]. В документе учтены итоги призывной кампании 1926 г., когда в РККА

по Северо-Кавказскому военному округу набрано 5367 представителей народов автономий (7,1% всех призывников СКВО) [2, с. 135]. Первый обязательный призыв запланирован на осень 1928 г. в количестве 77 тыс. горцев 1902–1908 гг. рождения. Лица «национального» командного, административного, медицинского и политического состава, служившего в РККА или вооружённых силах Российской империи и белых правительств (последние – после снятия с особого учёта) подлежали летом 1927 г. учёту и зачислению в запас командного состава [22, л. 51, 52]. Авторы тезисов планировали длительную агитационную кампанию, создание в автономиях на местном и областном уровнях военно-учётного аппарата. Предполагалось сначала создать национальные кавалерийские взводы, а осенью 1928 г. развернуть их в полки и к осени 1931 г. организовать национальную кавдивизию. Допуская комплектование целых подразделений РККА горцами, штаб СКВО предлагал также включение подразделений горцев в общевоинские части с преимущественно русским населением. Авторы тезисов подчёркивали, что «во избежание антагонизма между национальными областями» учёт и призыв военно-обязанных нужно провести одновременно, без ограничений для каких-либо народностей [22, л. 52, 53]. В агитационной брошюре СКВО отмечалось, что нельзя доверять воинскую службу торговцам, помещикам, кулакам, муллам, «порочным и преступным элементам – эксплуататорам» [23, с. 6]. Данные тезисы получили одобрение в записке и.о. командующего войсками СКВО и члена Реввоенсовета СКВО в Национальную комиссию при крайкоме ВКП(б) от 02.09.1927 г.

В то же время условия работы партийных, советских и военных органов власти в автономиях Северного Кавказа создавали сильные препятствия для выполнения замыслов. Так, руководители СКВО признавали, что возраст призывников приходилось определять по их внешнему виду или опросом, а в Дагестане жители не имеют фамилий и сотрудники аульных советов зачастую не знают русского языка. Это открывало широкие возможности для злоупотреблений и вынуждало органы власти полагаться прежде всего на областные, а не местные советы [22, л. 52; 24]. На заседании бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) 05.10.1926 г. возник острый спор о допустимости ношения оружия комсомольцами в автономиях. Коман-

дующий войсками округа И.П. Уборевич предлагал оставить им оружие, поскольку правоохранительные органы и советы еще очень слабы, а «самые неблагонадёжные элементы» – помещики, кулаки и мусульманское духовенство по-прежнему вооружены. Напротив, начальник Политуправления СКВО В.Г. Володин настаивал, что «мы можем иметь в лице комсомола хорошо вооружённую организацию, но мало политически устойчивую...» Таким образом, краевые инстанции сомневались в политической верности даже комсомольцев [25].

В условиях коллективизации и раскулачивания (1928 г.) отношение горцев к всеобщей воинской обязанности ухудшилось. Второй секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) В.И. Иванов в директивном письме обкомам и оргбюро ВКП(б) автономных областей 30.04.1928 г. признал: проведение закона об обязательной военной службе горцев проходит «местами весьма неудачно». В большинстве случаев партийные организации слабо руководят данной работой, нет агитации и разъяснительной работы с населением, нет отдельных собраний с бедняками, молодёжью и женщинами. Чаще всего закон о воинской службе лишь зачитывался председателями аульных советов на сходах жителей, не везде он был переведён на местные языки с русского. Хотя в Адыгее закон восприняли положительно, в других автономиях возникло серьёзное сопротивление. Пассивными его формами были искажение списков призывников (внесение в них только бедняков), предложения сходов заменить призыв денежным либо натуральным налогом, указание на отсутствие военной регулярной службы горцев при империи. В итоге значительная доля призывников имела неприемлемые, по оценке Реввоенсовета СКВО, моральные и правовые качества, а поэтому негативно влияла на весь состав национальных частей [8, с. 228–229]. В Чечне дело дошло до отказа нескольких аульных сходов Ножай-Юртовского округа провести призыв. Сходы избрали своих ходатаев для поездки в Москву с жалобой, толпа ворвалась в сельсоветы, уничтожила списки избирателей. Были избиты председатель Ножай-Юртовского местного совета и народный судья [26, л. 82–82 об, 85–85 об].

Северо-Кавказский крайком ВКП(б) поставил перед местными партийными, советскими и военными органами задачу послать в самые отстающие по выполнению призыва районы авторитетных работников, срочно выправить все

недочёты и организовать отпор кулакам и духовенству со стороны самой горской молодёжи и бедняков. В результате количественный план призыва 1928 г. был выполнен.

Но участвовавшие выступления жителей автономий против коллективизации, а также общий поворот национальной политики СССР к централизации власти сделали формирование национальных частей РККА малоактуальным. С 1932 г. призывники из автономий Северного Кавказа, как правило, стали направляться на службу в воинские части с преобладанием славянского контингента. От создания национальной кавалерийской дивизии горцев Северного Кавказа органы власти отказались. Ликвидирована в 1935 г. была и Северо-Кавказская кавалерийская школа горских национальностей, работавшая в Краснодаре. Полное же сворачивание сети национальных частей и соединений в регионе состоялось вследствие постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О национальных частях и формированиях РККА» от 07.03.1938 г. [27, с. 92–93].

Подведём итоги исследования. Создание национальных формирований РККА целесообразно изучать как одно из проявлений курса «коренизации» национальной политики, а также внедрения территориально-милиционной системы комплектования и подготовки Красной Армии. Центральная партийно-государственная власть и органы власти автономий Северного Кавказа имели политические расхождения в мотивах и приоритетах реформ. ЦК ВКП(б), Совнарком и ЦИК СССР были заинтересованы в первую очередь в повышении боеспособности и численности РККА. Для партийных и советских органов автономий было важно повысить степень своего влияния на население, и призыв горцев в Красную Армию воспринимался как жест политического доверия власти, признак повышения статуса автономий. В условиях продолжавшихся в 1920-х гг. антисоветских восстаний власть преследовала на Северном Кавказе прежде всего политические цели военной реформы.

Определены основные аспекты создания национальных формирований в СКВО: организация военно-мобилизационного учёта и допризывной подготовки, проведение мобилизации, воспитательная и идеологическая работа, обучение командного состава. Особенности пятилетнего плана развертывания национальных частей на Северном Кавказе состояли в слабости низового партийно-государственного и во-

енного аппаратов власти и острой нехватке национального командного состава, что требовало проводить реформу поэтапно и с одновременным сохранением территориальных частей РККА. Выявлены разногласия в политическом руководстве Северо-Кавказского края между краевым комитетом ВКП(б) и Реввоенсоветом СКВО по вопросам сроков и форм военной реформы. Инспектирование состояния Национальной кавалерийской школы северокавказских народностей и национальных эскадронов в автономиях (1925–1926 гг.) свидетельствует о слабой политической и военно-технической подготовке командного состава и курсантов. Установлены затруднения создания национальных формирований, вызванные языковым и религиозным барьерами, низкой грамотностью призывников, межэтническими и клановыми отношениями.

Смысл и приоритеты функционирования национальных частей РККА на Северном Кавказе значительно изменились вследствие свертывания нэпа, перехода к коллективизации и централизации власти. Из средства распространения мировой революции в странах Востока национальные части РККА превратились в институт повышения лояльности народов Северного Кавказа. Национальные части Красной Армии не достигли высокой политической и организационной эффективности, что вызвало их роспуск в 1938 г.

Литература

1. Маркарян В.М. Коммунистическая партия – организатор и руководитель национальных воинских формирований Красной Армии в период мирного социалистического строительства (1922–1938) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. 23 с.
2. Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918–1945 годы. М. : Вече, 2007. 512 с.
3. Безугольный А.Ю. Призывное законодательство и комплектование Рабоче-Крестьянской Красной Армии представителями нерусских национальностей в 1920-е гг. // Вестн. Калмыцкого ин-та гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 102–113.
4. Безугольный А.Ю. Проблема языковой адаптации военнослужащих РККА нерусских национальностей в межвоенный период (1920-е – 1941 гг.) // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. История России. 2017. Т. 16, № 3. С. 364–377.

5. Иванов В.Е. Национальные воинские части в СССР: опыт строительства и применения. Екатеринбург : Высшая школа МВД РФ, 1996. 135 с.
6. Градосельский В.В. Национальные воинские формирования в Красной Армии (1918–1938 гг.) // Военно-исторический журн. 2001. № 10. С. 2–6.
7. Эль-Бейни Р.Н. Деятельность государственных и военных органов СССР по созданию и развитию национальных воинских формирований (1923–1939 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 174 с.
8. Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2017. 399 с.
9. Резолюция Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о состоянии национальных частей СКВО от 24 февраля 1926 г. // Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 200. Л. 335.
10. Предложения по докладу т. Володина в Нацкомиссию Крайкома ВКП(б) о состоянии Нацчастей СКВО. До 23 февраля 1926 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 242. Л. 10–11.
11. Постановление Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) по вопросу «О распространении закона об обязательной военной службе на горские народы края» от 10 января 1927 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 440. Л. 11–13.
12. Ориентировочный план работ по проведению учёта и распространения закона об обязательной военной службе в национальных областях СКВО с 1.X.1925 по 1.X.1929 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 62–63об.
13. Политдонесение Политуправления СКВО № 27 «О формировании нацчастей» члену РВС СКВО А.И. Микояну от 29 января 1926 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 200. Л. 292–293.
14. Политдонесение Политуправления СКВО № 38 «Комсомол в нацкавполку» члену РВС СКВО А.И. Микояну от 10 июля 1926 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 200. Л. 373–375.
15. Письмо № 4/сс командующего войсками СКВО И.П. Уборевича секретарю крайкома и председателю Нацкомиссии крайкома ВКП(б) М.С. Чудову. 19 ноября 1926 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 64–65.
16. Советское строительство в нацобластях (докладная записка, февраль 1927 г.) // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 66.
17. Доклад РВС СКВО в Национальную комиссию при крайкоме ВКП(б) Северо-Кавказского края. 2 сентября 1927 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 60 об.
18. Декреты Советской власти. М. : Политиздат, 1976. Т. VIII. 444 с.
19. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. М. : Политиздат, 1984. Т. 3. 494 с.
20. Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. : в 2 кн. М.; СПб. : Летний сад, 2006. Кн. 1. 720 с.
21. Собрание законов и распоряжений правительства СССР (СЗ СССР). 1925. № 62. Ст. 483.
22. Тезисы к докладу о времени и порядке распространения закона об обязательной военной службе на горские народности. До 15 декабря 1926 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 49–55.
23. Почему горцы Северного Кавказа призываются в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Ростов н/Д. : Изд-во ПУ СКВО, 1927. 16 с.
24. Записка и.о. командующего войсками СКВО и члена Реввоенсовета СКВО в Национальную комиссию при крайкоме ВКП(б) от 2 сентября 1927 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 60 об–61.
25. Письмо ком. войск СКВО Уборевича № 4/сс секретарю крайкома и председателю Нацкомиссии Крайкома Чудову; письмо члена бюро крайкома Володина секретарю крайкома ВКП, председателю Нацкомиссии Крайкома Чудову // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 63–65.
26. Директива секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) В.И. Иванова обкомам и оргбюро ВКП национальных областей Северо-Кавказского края 30 апреля 1928 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 828. Л. 82–86.
27. Безугольный А.Ю. Реализация программы национального военного строительства в Дагестане и в горских областях Северного Кавказа в межвоенный период (1920–1930-е гг.) // Вестн. Дагестанского науч. центра. 2014. № 55. С. 88–94.

References

1. Markaryan V.M. *Kommunisticheskaya partiya – organizator i rukovoditel' natsional'nykh voinskikh formirovaniy Krasnoi Armii v period mirnogo sotsialisticheskogo stroitel'stva (1922–1938): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Communist Party is the Organizer and Leader of the National Military Units of the Red Army during the Period of Peaceful Socialist Construction (1922–1938)]. Moscow, 1975, 23 p.
2. Bezugol'nyi A.Yu. *Narody Kavkaza i Krasnaya Armiya. 1918–1945 gody* [The Peoples of the Caucasus and the Red Army. 1918–1945]. Moscow: Veche, 2007, 512 p.

3. Bezugol'nyi A.Yu. Prizyvnoe zakonodatel'stvo i komplektovanie Raboche-Krest'yanskoi Krasnoi Armii predstavitel'yami nerusskikh natsional'nostei v 1920-e gg. [The Draft Legislation and the Recruitment of the Workers 'and Peasants' Red Army with Representatives of non-Russian nationalities in the 1920s]. *Vestn. Kalmytskogo in-ta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2013, No. 3, pp. 102-113.

4. Bezugol'nyi A.Yu. Problema yazykovoi adaptatsii voennosluzhashchikh RKKA nerusskikh natsional'nostei v mezhoennyi period (1920-e – 1941 gg.) [The Problem of Language Adaptation of the Servicemen of the Red Army of non-Russian Nationalities in the Interwar Period (1920s-1941)]. *Vestn. Rossiiskogo un-ta druzhby narodov. Istoriya Rossii*. 2017, vol. 16, No. 3, pp. 364-377.

5. Ivanov V.E. *Natsional'nye voinskie chasti v SSSR: opyt stroitel'stva i primeneniya* [National Military Units in the USSR: Construction Experience and Applications]. Ekaterinburg: Vysshaya shkola MVD RF, 1996, 135 p.

6. Gradosel'skii V.V. *Natsional'nye voinskie formirovaniya v Krasnoi Armii (1918–1938 gg.)* [National Military Units in the Red Army (1918–1938)]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 2001, No. 10, pp. 2-6.

7. El'-Beini R.N. *Deyatel'nost' gosudarstvennykh i voennykh organov SSSR po sozdaniyu i razvitiyu natsional'nykh voinskikh formirovaniy (1923–1939 gg.) : dis. ... kand. ist. nauk* [The Activities of State and Military Bodies of the USSR in the Creation and Development of National Military Formations (1923-1939)]. Moscow, 2012, 174 p.

8. Karpov Yu.Yu. *Natsional'naya politika soetskogo gosudarstva na severokavkazskoi periferii v 20–30-e gg. XX v.: evolyutsiya problem i reshenii* [The National Policy of the Soviet State on the North Caucasus Periphery in the 20-30s of 20th Century: the Evolution of Problems and Solutions]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2017, 399 p.

9. [Resolution of the National Commission of the North Caucasus Regional Committee of the CPSU(b) on the State of the National Parts of the North Caucasian Military District of February 24, 1926]. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti (TsDNIRO)* [Documentation Center of the Latest History of the Rostov Region (DCLHRR)]. Fund 7. In. 1. File 200. L. 335.

10. [Proposals for the Report of Comrade Volodin to the National Commission of the Regional Committee of the CPSU(b) on the State of the National Units of the North Caucasian Military District. Until February 23, 1926]. *TsDNIRO* [DCLHRR]. Fund 7. In. 1. File 242. L. 10-11.

11. [Resolution of the National Commission of the North Caucasus Regional Committee of the CPSU(b) on

the Issue “On the Extension of the Law on Compulsory Military Service to the Mountain Peoples of the Region” Dated January 10, 1927]. *TsDNIRO* [DCLHRR]. Fund 7. In. 1. File 440. L. 11-13.

12. [The Approximate Plan of Work on the Registration and Dissemination of the Law on Compulsory Military Service in the National Regions of the North Caucasus Military District from 1.X.1925 to 1.X.1929]. *TsDNIRO* [DCLHRR]. Fund 7. In. 1. File 607. L. 62-63 ob.

13. [Political Report of the Political Administration of the North Caucasian Military District No. 27 “On the Formation of National Parts” to the Member of the Revolutionary Military Council of the North Caucasian Military District A.I. Mikoyan on January 29, 1926]. *TsDNIRO* [DCLHRR]. Fund 7. In. 1. File 200. L. 292-293.

14. [Political Report of the Political Administration of the SKVO No. 38 “Komsomol in the National Regiment” to the Member of the Revolutionary Military Council SKVO A.I. Mikoyan on July 10, 1926]. *TsDNIRO* [DCLHRR]. Fund 7. In. 1. File 200. L. 373-375.

15. [Letter No. 4/ss of the Commander of the Troops of the North Caucasian Military District I.P. Uborevich to the Secretary of the Regional Committee and the Chairman of the National Commission of the Regional Committee of the CPSU(b) M.S. Chudov. November 19, 1926]. *TsDNIRO* [DCLHRR]. Fund 7. In. 1. File 607. L. 64-65.

16. [Soviet Construction in the National Domains (Memorandum, February, 1927)]. *TsDNIRO* [DCLHRR]. Fund 7. In. 1. File 607. L. 66.

17. [Report of the North-Caucasian Military District to the National Commission at the Regional Committee of the CPSU(b) of the North Caucasus Region. September 2, 1927]. *TsDNIRO* [DCLHRR]]. Fund 7. In. 1. File 607. L. 60 ob.

18. *Dekrety Sovetskoi vlasti* [Decrees of Soviet Power]. Moscow: Politizdat, 1976, vol. VIII, 444 p.

19. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK* [CPSU in Resolutions and Decisions from Meetings, Conferences and Plenums of the Central Committee]. 9th ed., ad. Moscow: Politizdat, 1984, vol. 3, 494 p.

20. *Reforma v Krasnoi Armii. Dokumenty i materialy. 1923–1928 gg.* [Reform in the Red Army. Documents and Materials. 1923-1928]: in 2 books. Moscow; Saint Petersburg: Letnii sad, 2006, vol. 1, 720 p.

21. *Sobranie zakonov i rasporyazhenii pravitel'stva SSSR (SZ SSSR)* [Collection of Laws and Orders of the USSR Government (NW USSR)]. 1925, No. 62, art. 483.

22. [Abstracts to the Report on the Time and Procedure for the Extension of the Law on Compulsory Military Service to Mountain Peoples. By December 15, 1926]. *TsDNIRO* [DCLHRR]. Fund 7. In. 1. File 607. L. 49-55.

23. *Pochemu gortsy Severnogo Kavkaza prizyvayutsya v Raboche-Krest'yanskuyu Krasnuyu Armiyu* [Why the Mountaineers of the North Caucasus are recruited to the Workers 'and Peasants' Red Army]. Rostov-on-Don: Izd-vo PU SKVO, 1927, 16 p.

24. [Note of the Acting Commander of the North Caucasian Military District and a Member of the Revolutionary Military Council of the North Caucasian Military District to the National Commission of the Regional Committee of the All-Union Communist Party of the Soviet Union of September 2, 1927]. *TsDNIRO* [DCLHRR]. Fund 7. In. 1. File 607. L. 60 ob-61.

25. [Letter of the Com. the Troops of the North Caucasian Military District Uborevich No. 4/ss to the Secretary of the Regional Committee and the Chairman of the National Commission of the Regional Committee Chudov; Letter of the Member of the Bureau of the Regional Committee Volodin to the Secretary of the

Regional Committee of the CPSU, Chairman of the National Commission of the Regional Committee Chudov]. *TsDNIRO* [DCLHRR]. Fund 7. In. 1. File 607. L. 63-65.

26. [Directive of the Secretary of the North Caucasus Regional Committee of the CPSU(b) V.I. Ivanov to the Regional Committees and the Organizing Bureau of the All-Union Communist Party of the National Regions of the North Caucasus Territory on April 30, 1928]. *TsDNIRO* [DCLHRR]. Fund 7. In. 1. File. 828. L. 82-86.

27. Bezugol'nyi A.Yu. Realizatsiya programmy natsional'nogo voennogo stroitel'stva v Dagestane i v gorskikh oblastyakh Severnogo Kavkaza v mezhuvoennyy period (1920–1930-e gg.) [Implementation of the Program of National Military Construction in Dagestan and in the Mountain Regions of the North Caucasus in the Interwar Period (1920-1930s)]. *Vestn. Dagestanskogo nauch. tsentra*. 2014, No. 55, pp. 88-94.

Поступила в редакцию / Received

9 января 2019 г. / January 9, 2019

ИМПЕРАТОР КОММОД, ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА

© 2019 г. Н.С. Колоколова^а

^а Саратовский государственный университет, Саратов, Россия

EMPEROR COMMODUS, THE FALL OF THE ROMAN EMPIRE AND POPULAR CULTURE

N.S. Kolokolova^а

^а Saratov State University, Saratov, Russia

Колоколова Наталия Сергеевна –
аспирант, кафедра истории древнего мира,
Институт истории и международных отношений,
Саратовский государственный университет,
ул. Астраханская, 83, г. Саратов, 410012, Россия.
E-mail: 12.natalia@mail.ru

Nataliya S. Kolokolova -
Postgraduate, Department of Ancient World History,
Institute of History and International Relations,
Saratov State University,
Astrakhanskaya St., 83, Saratov, 410012, Russia.
E-mail: 12.natalia@mail.ru

Рассматривается проблема «падения Римской империи» – события, изменившего развитие всей европейской цивилизации. И сегодня нет единства в понимании этого процесса. Кроме того, существует множество трактовок данного исторического явления. В одной из них «точкой отсчета» падения Рима является время правления последних Антонинов: императоров Марка Аврелия и его сына Коммода, которого традиционно ставят в один ряд с Калигулой и Нероном. На формирование такого взгляда, помимо античной традиции, оказал влияние монументальный труд Э. Гиббона «История упадка и крушения Римской империи», типичное произведение просветительской литературы, где счастливое правление императора-философа Марка Аврелия противопоставлено правлению его распутного сына. Этот подход, делающий акцент на личность правителя, сохранял влияние до 60-х гг. XX в., когда началась серьёзная разработка концепции поздней античности и было показано, что эпоха последних Антонинов была временем не падения, а трансформации Римской империи. Однако, утратив своё значение в науке, концепция Гиббона обрела новую жизнь в массовой культуре («Падение Римской империи» (1964), «Гладиатор» (2000)). Эти фильмы знаменовали собой поворот к формированию положительного образа Римской империи, ранее трактовавшейся в кино как тоталитарное государство.

Ключевые слова: Римская империя, Антонины, Марк Аврелий, Коммод, Эдуард Гиббон, «Падение Римской империи», «Гладиатор».

The article deals with the problem of the “fall of the Roman Empire” - an event that changed the development of the entire European civilization. Until today, it is not precisely defined what exactly is meant by this, and at different times these words implied various historical phenomena. One of the “starting points” of the fall of Rome is the time of the last Antonins rule: the emperors Marcus Aurelius and his son Commodus, who are traditionally placed on a par with Caligula and Nero. The formation of such a view, in addition to the ancient tradition, was influenced by the monumental work of E. Gibbon “The History of the Decline and Fall of the Roman Empire”, a typical piece of educational literature, where the happy rule of the emperor-philosopher Mark Aurelius is opposed to the rule of his dissolute son. This approach, which focuses on the personality of the ruler, maintained its influence until the 1960s. The twentieth century, when the serious development of the concept of late antiquity began and it was shown that the epoch of the last Anthonines was a time not of a fall, but of a transformation of the Roman Empire. However, having lost its importance in science, the concept of Gibbon gained new life in popular culture (“The Fall of the Roman Empire” (1964), “Gladiator” (2000)). These films marked a turn towards the formation of a positive image of the Roman Empire, previously treated in the cinema as a totalitarian state.

Keywords: Roman Empire, Antonines, Marcus Aurelius, Commodus, Edward Gibbon, “The Fall of the Roman Empire”, “Gladiator”.

Падение Римской империи – событие без преувеличения эпохальное, изменившее развитие всей европейской цивилизации. Однако его

временные рамки точно не определены, поскольку сам феномен «падения» в определенной степени остается открытым и в разное время

связывался и продолжает связываться с различными процессами.

В отечественной историографии падение Римской империи отождествлялось прежде всего с падением рабовладельческого строя (или его трансформацией). Процесс, растянувшийся почти на три века (с III – V вв.), окончательно завершается в 476 г. н. э., если принимать эту традиционную, но условную дату [1]. В западной науке не существует столь единого мнения относительно хронологических рамок завершения истории античного мира. Так, к примеру, второе издание «Кембриджской древней истории» доходит до VII в., хотя в первом издании со времени правления императора Константина начиналась уже средневековая история. Одной из «точек отсчета» падения Рима становится и время правления последних Антонинов: императоров Марка Аврелия и его сына Коммода.

У Коммода вообще крайне дурная репутация среди исследователей. Его ставят в один ряд с Калигулой и Нероном, указывают на его многочисленные эксцентрические выходки и причуды, характерный для его правления фаворитизм [2, с. 124; 3, с. 604–605; 4, с. 330–333; 5, с. 454–455; 6, р. 380–381].

Несмотря на это в последнее время наметилась тенденция к его частичной реабилитации. В частности, исследователи указывают, что во внешней политике он продолжил линию своего отца, который, как показали конкретные исследования, вовсе не стремился к приобретению новых территорий и завершил миром войны на Дунае [7; 8, р. 86–87]. Это, несомненно, соответствовало интересам и чаяниям значительной части населения Империи, прежде всего простонародья, на которое ложились тяготы войны [9, р. 112]. Ряд историков отмечает, что Коммод довольно успешно справлялся со своими административными задачами [10, р. 67 +note 41]. Более того, его власть, в сущности, продолжала традиции раннего Принципата. Известная исследовательница истории Рима М. Бирд подчёркивает: «Тибериус в начале I в. без труда влез бы в шкуру Коммода в конце II в. <...> Они все предпочитали следовать процессу, установленному Августом: наращивать свою власть, выставлять напоказ свою щедрость к народу и демонстрировать военную мощь» [11, с. 504]. При этом исследовательница признаёт и определённую рубежность правления последнего Антонина: «Если император Тибериус мог бы вполне комфортно почувствовать себя в шкуре Коммо-

да, то через два десятка лет он бы уже просто не понял, что значит быть императором» [11, с. 645].

В чем же причина того, что репутация столь скверная? Основы её были заложены еще современниками императора – Кассием Дионом и Геродианом. Кассий Дион (164 – после 229 г.), являясь сенатором, сам был свидетелем шокирующего поведения императора (Cass. Dio. LXXIII.18.3-4; 21.2) и тех расправ, которые он чинил над виднейшими представителями римской элиты. Естественно, это наложило отпечаток на созданный им образ. Геродиан, младший современник Диона (175–250 г.), к сенатскому сословию отношения не имел, а потому у него образ получился не столь чёрным, хотя положительным его нельзя назвать ни в коей мере [12, р. 5]. Именно в сочинении Геродиана намечается противопоставление просвещённого государя Марка Аврелия и его беспутного сына. Марка Аврелия Геродиан характеризует исключительно как добродетельного человека (Herod. I.2.4.: «Единственный из государей, он укрепил философию, не словами, и не познанием учения, а серьёзным нравом и воздержанным образом жизни»), его же наследника – достаточно неоднозначно. Историк высоко оценивает внешние данные Коммода и некоторые его личные качества – например, мужество, но одновременно с этим он представляет его как человека, который был совершенно не создан для государственных дел (Herod. I.6.1; I.17.12).

Окончательно намеченное Геродианом противопоставление Марка Аврелия и Коммода как «хорошего» и «плохого» императоров было закреплено в их биографиях в сборнике *Scriptores Historiae Augustae*. Один из его авторов, Юлий Капитолин, в жизнеописании Марка Аврелия подчёркивает, что он «...в течение всей своей жизни предавался философским занятиям и праведностью своей жизни превзошел всех государей» (SHA. Marc Ant. Phil. 1.1). Император уважал сенат и мудро правил, заботясь о благополучии Рима. Историк пишет о Марке, как об удивительном человеке, который «...делал дурных людей хорошими, а хороших – превосходными, спокойно переносил даже насмешки некоторых» (Ibid. 12.1). Правил император «...окруженный всеобщей любовью, так что одни называли его братом, другие – отцом, третьи сыном, как кому позволял возраст, и все любили его...» (Ibid. 18.1).

Сугубо положительная оценка «императора-философа» ярко контрастирует с портретом

наследника Марка – его сына Коммода, которого автор считает скорее гладиатором, чем императором. По словам Капитолина, Марк сам опасался, что его «сын будет подобен Нерону, Калигуле и Домициану» (Ibid. 28.10). В Коммод, по мнению историка «...как в помойной яме, соединены всякая грязь и преступление» (Ibid. 19.6).

Отдельная биография Коммода написана другим автором, участвовавшим в составлении жизнеописаний Августов, – Элием Лампридием. По его словам, «с самого раннего детства Коммод отличался постыдным поведением, был бесчестен, жесток, развратен, и уста его были осквернены и обещены» (SHA. Comm. 1.7). Историк отмечает, что способностями будущий властитель Рима обладал лишь в областях неподобающими императору – в танце, пении, свисте, лепке и шутовстве. Внешность императора историк описывает следующим образом: «Коммод отличался хорошим телосложением. Выражение его лица было бессмысленное, какое обычно бывает у пьяниц, речь – бессвязная; волосы были всегда покрашены и сверкали золотыми блестками» (Ibid. 17.3). Став императором, Коммод разогнал окружение отца и предался пьянству, развлечениям, разврату, убивая мешавших и противящихся ему людей. Коммод в описании Лампридия, предстает совершенно распущенным, жестоким и, по сути, неадекватным человеком, который совершенно не имел положительных черт. Автор гиперболизировал пороки Коммода и создал облик сугубо порочного, жестокого развращенного тирана, вставшего в один ряд с Нероном и Калигулой.

Так, в противопоставлении друг другу, Марк Аврелий и Коммод вошли в европейскую культурную традицию, сначала, бегло, в «Размышлениях о причинах величия и падения римлян» Ш. Монтескье [13, с. 116], а затем – в монументальном труде Эдуарда Гиббона «История упадка и крушения Римской империи». Это сочинение – типичное произведение просветительской мысли, и в то же время – едва ли не единственное строго научное исследование, созданное в рамках европейского Просвещения. Для англоязычного мира с именем Гиббона прочно связан почетный титул «величайший из историков». Взгляды Гиббона на историю правления последних Антонинов во многом определялись общими установками, характерными для Просвещения, согласно которым прогресс и упадок являются двумя сторонами одной монеты [14, р. 83–84]. Согласно Э. Гиббону, период всемир-

ной истории от смерти Домициана до восшествия на престол Коммода, был временем, самым счастливым для всего человечества. Гиббон пишет «...при своем восшествии на престол этот счастливый юноша [Коммод] не видел вокруг себя ни соперников, которых нужно было бы устранить, ни врагов, которых нужно было бы побороть. На таком спокойном и высоком посту он натурально должен был предпочитать любовь человеческого рода его ненависти и добрую славу своих предшественников позорной участи Нерона и Домициана» [15, с. 20]. Однако Коммод оказался недостоин этой власти. При этом историк не упрощает картины, упадок связан не только с личностью императора, но и с множеством других факторов, о которых он подробно пишет. Но всё-таки именно личность Коммода знаменует начало упадка.

Концепция упадка, являющаяся, по своей сути, культурным мифом и имеющая глубокие корни в европейской культурной традиции [14, р. 10–11], надолго определила отношение к этой эпохе европейской образованной публики. В дальнейшем эти оценки были закреплены в трудах новых «властителей дум» – Э. Ренана в XIX в. и В. Дюранта в XX в. [16, с. 266–267; 17, с. 714]. Что характерно, если для Э. Гиббона смерть Марка Аврелия – это начало упадка, то для французского историка Э. Ренана – это уже конец античного мира, связанный с торжеством христианства. В любом случае, смерть Марка Аврелия завершала период римского «просвещённого абсолютизма», «с Коммода начиналась новая эпоха тирании и революций, военного деспотизма и военной анархии» [18, с. 466].

Эта концептуальная схема сохраняла значение до выхода в 1964 г. трёхтомной работы А.Х.М. Джонса «Поздняя Римская империя, 184–602 г.: социальный, экономический и административный обзор». Как писал Брайан Уорд-Перкинс, «до Джонса социальная и политическая история поздней Римской империи (а на самом деле и всё повествование о ней) были преимущественно апокалиптическими и почти всегда связаны с какой-либо Великой Теорией Упадка» [19, р. 193]. Таким образом, проблема падения империи была замещена проблемой её трансформации, причём распространение христианства как один из признаков конца античного мира утратило свою основополагающую роль. Из того кризиса, который охватил в III в. языческую Римскую империю вышла её наследница – христианская Римская империя.

Однако, по стечению обстоятельств, в том самом 1964 г., когда вопрос о «падении» империи был снят с повестки дня в науке, он обрёл новую жизнь в массовой культуре, в частности, в фильме Энтони Манна «Падение Римской империи». Падение Рима здесь впервые было показано вне связи с историей победы христианства. Сам Э. Манн писал: «Я не хотел создать другой “Quo vadis?”..., другого “Спартака” или вообще что-либо “другое”, потому что эти истории были историями Христа. Эти фильмы создают впечатление, что христианство было единственным предметом, центральным для Римской империи, но это был лишь маленький инцидент в величии Римской Империи» [20, р. 131]. «Падение империи – не событие, а процесс, растянувшийся на триста лет. Некоторые нации не просуществовали столько, сколько угасал Рим», – такими словами начинается киноповествование, подчеркивая значимость событий, изображенных в фильме.

Отойдя от главного «условия» отрицательно-го изображения римлян – их противостояния с христианством, Э. Манн получил возможность изобразить римлян в ином ключе. По словам М. Винклера, «Рим был развитой культурой, от которой происходит многое в более поздней Западной цивилизации, и чье политическое падение было серьезной задержкой в продвижении человечества к миру и стабильности. Манн и его сценаристы сразу же давали сигнал, что кое в чем их фильм отличен от стандартной кинематографической оценки Рима» [21, р. 152]. Э. Манн как бы напомнил зрителям, что у Рима кроме завоевательной политики, абсолютизации силы и развращенного общества, была еще и культура. Он пишет: «Все историки говорят о созидательности Рима. Это было одно из великих событий истории – Рим дал нам великое право, великое взаимопонимание...» [20, р. 131].

Итак, на первый план в фильме выходит не личная судьба героев, а судьба Римской империи. Фильм, в полном соответствии с трудом Э. Гиббона, построен на контрасте правления двух императоров и условно разделен на две части – время правления Марка Аврелия как счастливое для Рима и восшествие на престол Коммода, которое приводит к проблемам во внутренней и внешней политике.

В кинопроекции образа Марка Аврелия практически не находит отражения глубина его философских взглядов и идей. Лишь в несколь-

ких диалогах и сцене, где он обращается к самому себе, мы можем услышать суждения «философа на троне» о предназначении человека, жизни и смерти. В самом начале фильма Аврелий размышляет о неясности будущего – он говорит о своем детстве, в котором боялся, что проведет жизнь в темноте и день никогда не наступит; с годами его страх только усиливался, и сейчас ему хотелось бы верить, что солнце все же будет продолжать вставать. В этом монологе отчетливо выступает страх Аврелия за будущее Рима, он как бы предчувствует надвигающиеся перемены. Однако если исторически, несмотря на подобные опасения, Марк Аврелий назначает своим наследником Коммода, то в кинофильме он желает видеть императором полководца Ливия, который, по его мнению, больше подходит на роль императора, и лишь гибель от руки заговорщиков мешает ему сделать это.

Как и в историко-культурной традиции в фильме антиподом Марка является Коммод. Безнравственный, упрямый, жестокий – все его пороки и отрицательные качества достигают апогея, когда он становится императором. Получив власть, он коренным образом меняет политику Марка Аврелия, мечтающего о мире и едином Риме, заявляя: «Пусть провинции забудут о снисхождении моего отца!», – и приводя свои высказывания в действия. Создателями фильма в большей степени был сделан акцент на негативную сторону политической деятельности Коммода, а не на его развращенность и безнравственность, как это было в «Истории Августов». Рассматривая феномен падения Римской империи, Манн, вероятно, хотел подчеркнуть, что не только порочность императора, но и его неразумное управление империей повлияли на дальнейшую судьбу Рима.

Этот же исторический период, только в ином прочтении, берется за основу для фильма, вновь «открывшего» Рим для массового зрителя, уже на рубеже столетий, «Гладиатора» Ридли Скотта (2000). Если в «Падении Римской империи» мы наблюдаем противопоставление Марка Аврелия и Коммода, то в «Гладиаторе» скорее контрастируют полководец Максим, ставший гладиатором, и Коммод. Марку Аврелию уделяется гораздо меньше экранного времени, и его образ во многом связан с возможностью развития сюжетной линии – пожелав оставить трон Максиму, император тем самым лишил бы престола Коммода, который, стремясь не допустить этого, убивает собственного

отца и приказывает уничтожить Максима и его семью.

Максим в какой-то мере предстает в образе идеального римлянина, преданного своему государству и истинному императору – Марку Аврелию, он любит Рим и сражается за него, мечтая о его благополучии, для него, как и для Аврелия важны понятие чести, мужества, отваги, достоинства, от них он не отказывается, даже оказавшись на арене Колизея. Коммод, также как и ранее, предстает жестоким, порочным человеком, отрицательность его образа достигает апогея в той сцене, где он собственными руками убивает своего отца ради получения власти и испытывает порочное влечение к родной сестре. Таким образом, в фильме на первый план выходят не масштабный всемирно-исторический кризис, как это было в «Падении Римской империи», а общечеловеческие проблемы, показанные в контексте римского общества, типичное для творчества Ридли Скотта иносказательное столкновение надмирных сил Добра и Зла. Рим в целом уже не наделен такими отрицательными чертами, как это было ранее, а личные качества и поступки главного героя Максима не воспринимаются как девиантные, напротив, они в идеале должны быть присущи каждому римлянину. «Миф о добродетельной республике, подорванной коррупцией упадочнической империи, продолжает пронизывать образ Рима в массовой культуре, как это видно в фильме-блокбастере “Гладиатор”», – пишет М. Маламуд [22, р. 254]. Уже в фильме «Падение Римской империи» произошёл поворот к положительному восприятию римлян; спустя более чем 30 лет, используя ту же историческую основу, создатели «Гладиатора» вновь обращают внимание зрителя на положительные черты Рима. И подобное отображение связано, прежде всего, с тем, что Америка не просто видит себя в качестве «нового Рима», она всё больше ассоциируется с Римской империей. М. Маламуд приводит слова сценариста картины Дэвида Франзони, который открыто заявляет: «Этот фильм о нас. Он не просто о Риме, он об Америке» [22, р. 254]. Фильм Ридли Скотта использует образность взлета и падения Рима и переписывает римскую историю как способ комментария на историю США рубежа тысячелетий. Критик газеты «Нью-Йорк Таймс» Герберт Мушамп называет это «размышлениями над трудностями единственной оставшейся в мире сверхдержавы» [22, р. 253–254]. У Рима Ридли Скотта в конце II в. н.э., как

и у Америки в 2000 г., нет внешних врагов, которых осталось покорить. Как и в фильме Энтона Манна, враг является внутренним: Римская империя подавляет свою республиканскую сущность – так видит ситуацию М. Маламуд. Однако, в отличие от «падения Римской империи», «Гладиатор» предлагает возможность восстановления хорошего правительства. В фильме создается впечатление, что вмешательство одного человека может остановить весь процесс политического распада. Таким образом новая картина истории, которая предстаёт перед зрителем, как бы объединяет два представления о временах Марка Аврелия и Коммоды, старое и новое, Гиббона и Джонса. Подобно Гиббону подчёркивается та огромная роль, которую личность правителя играет в возникновении кризиса; но, в отличие от него и в переключке (скорее всего, неосознанной) с современными представлениями, кризис – это еще не падение, империя еще может возродиться на новых основах.

Литература

1. Кальдероне С. К истокам «конца» западной Римской империи // *Studia Historica*. М., 2017. Вып. XV. С. 205–228.
2. Грант М. Римские императоры. Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н.э. – 476 г. н. э. / пер. с англ. М. Гитт. М.: Терра, 1998. 400 с.
3. Ковалев С.И. История Рима / под ред. Э.Д. Фролова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 744 с.
4. Кравчук А. Галерея римских императоров. Принципат / пер. с польск. В.С. Селивановой. М.: Астрель; Екатеринбург: У-Фактория, 2010. 508 с.
5. Крист К. История времени римских императоров. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. Т. 1–2. 576 с.
6. Bengtson H. Grundriss der römischen Geschichte mit Quellenkunde. Republik und Kaiserzeit bis 284 v. Chr. München: Beck, 1982.
7. Alföldy G. Der Friedensschluss des Kaisers Commodus mit den Germanen // *Historia*. 1971. Bd. 20/1. S. 84–109.
8. Potter D. The Roman Empire at Bay AD 180–395. London; New York: Routledge, 2004.
9. Cavallini E. Was Commodus Really That Bad? // Winkler M. (ed.) *The Fall of the Roman Empire*. Oxford: Blackwell, 2009. P. 102–116.
10. Eckstein A.M. Commodus and the Limits of the Roman Empire // Winkler M. (ed.). *Gladiator: Film and History*. Oxford: Blackwell, 2004. P. 53–72.

11. Бирд М. SPQR: История древнего Рима : пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2017. 696 с.
12. Hekster O.J. Commodus. An Emperor at the Crossroads. Amsterdam: J.C. Gieben, 2002.
13. Монтеские Ш. Размышления о причинах величия и падения римлян // Избранные произведения. М., 1955. С. 47–156.
14. Theodore J. The Modern Cultural Myth of the Decline and Fall of the Roman Empire. London: Palgrave Macmillan, 2016.
15. Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи / пер. с англ; сост. Б.С. Попов, В.И. Уколова. М. : Прогресс-Культура, 1994. 526 с.
16. Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира. М. : Терра, 1991. 347 с.
17. Дюрант В. Цезарь и Христос. М. : КРОН-ПРЕСС, 1995. 736 с.
18. Гримм Э.Д. Исследования по истории развития римской императорской власти : в 2 т. СПб. : Тип. М. Стасюкевича, 1901. Т. 2. 466 с.
19. Ward-Perkins B. Jones and the Late Roman Economy // Gwynn D. (ed.). A.H.M Jones and the Later Roman Empire. Leiden; Boston: Brill, 2008. P. 193–212.
20. Mann A. Empire Demolition // Winkler M. (ed.). The Fall of the Roman Empire. Oxford: Blackwell, 2009. P. 130–135.
21. Winkler M. Edward Gibbon and The Fall of the Roman Empire // Winkler M. (ed.). The Fall of the Roman Empire. Oxford: Blackwell, 2009. P. 145–173.
22. Malamud M. Ancient Rome and modern America. Malden; Oxford: Blackwell, 2009.
6. Bengtson H. Grundriss der römischen Geschichte mit Quellenkunde. Republik und Kaiserzeit bis 284 v. Chr. München: Beck, 1982.
7. Alföldy G. Der Friedensschluss des Kaisers Commodus mit den Germanen. *Historia*. 1971, Bd. 20/1, S. 84-109.
8. Potter D. *The Roman Empire at Bay AD 180-395*. London; New York: Routledge, 2004.
9. Cavallini E. Was Commodus Really That Bad? Winkler M. (ed.). *The Fall of the Roman Empire*. Oxford: Blackwell, 2009, pp. 102-116.
10. Eckstein A.M. Commodus and the Limits of the Roman Empire. Winkler M. (ed.). *Gladiator: Film and History*. Oxford: Blackwell, 2004, pp. 53-72.
11. Bird M. SPQR: Istoriya drevnogo Rima [SPQR: History of Ancient Rome]. Tr. from Engl. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2017, 696 p.
12. Hekster O.J. *Commodus. An Emperor at the Crossroads*. Amsterdam: J.C. Gieben, 2002.
13. Montes'k'e Sh. [Reflections on the Reasons of the Greatness and the Fall of the Romans]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, 1955, pp. 47-156.
14. Theodore J. *The Modern Cultural Myth of the Decline and Fall of the Roman Empire*. London: Palgrave Macmillan, 2016.
15. Gibbon E. *Istoriya upadka i krusheniya Rimskoi imperii* [The History of the Decline and Collapse of the Roman Empire]. Tr. from Engl; col. B.S. Popov, V.I. Ukolova. Moscow: Progress-Kul'tura, 1994, 526 p.
16. Renan E. *Mark Avrelii i konets antichnogo mira* [Marcus Aurelius and the End of the Ancient World]. Moscow: Terra, 1991, 347 p.
17. Dyurant V. *Tsezar' i Khristos* [Caesar and Christ]. Moscow: KRON-PRESS, 1995, 736 p.
18. Grimm E.D. *Issledovaniya po istorii razvitiya rimskoi imperatorskoi vlasti* [Studies on the History of the Roman Imperial Power]. In 2 vol. Saint Petersburg: Tip. M. Stasyukevicha, 1901, vol. 2, 466 p.
19. Ward-Perkins B. Jones and the Late Roman Economy. Gwynn D. (ed.). *A.H.M Jones and the Later Roman Empire*. Leiden; Boston: Brill, 2008, pp. 193-212.
20. Mann A. Empire Demolition. Winkler M. (ed.). *The Fall of the Roman Empire*. Oxford: Blackwell, 2009, pp. 130-135.
21. Winkler M. Edward Gibbon and The Fall of the Roman Empire. Winkler M. (ed.). *The Fall of the Roman Empire*. Oxford: Blackwell, 2009, pp. 145-173.
22. Malamud M. *Ancient Rome and modern America*. Malden; Oxford: Blackwell, 2009.

References

1. Kal'derone S. K istokam «kontsa» zapadnoi Rimskoi imperii [To the Roots of the "End" of the Western Roman Empire]. *Studia Historica*. Moscow, 2017, Iss. XV, pp. 205-228.
2. Grant M. *Rimskie imperatory. Biograficheskiy spravochnik pravitelei Rimskoi imperii 31 g. do n.e. – 476 g. n. e.* [Roman Emperors. Biographical Guide of the Rulers of the Roman Empire 31 BC - 476 AD]. Tr. from Engl. M. Gitt. Moscow: Terra, 1998, 400 p.
3. Kovalev S.I. *Istoriya Rima* [History of Rome]. Ed. E.D. Frolov. Leningrad: Izd-vo LGU, 1986, 744 p.
4. Kravchuk A. *Galereya rimskikh imperatorov. Printsipat* [Gallery of Roman Emperors. Principle]. Tr. from Pol. V.S. Selivanova. Moscow: Astrel'; Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2010, 508 p.
5. Krist K. *Istoriya vremeni rimskikh imperatorov* [The history of the Roman Emperors' Time]. Rostov-on-Don: Feniks, 1997, vol. 1-2, 576 p.

17. Dyurant V. *Tsezar' i Khristos* [Caesar and Christ]. Moscow: KRON-PRESS, 1995, 736 p.
18. Grimm E.D. *Issledovaniya po istorii razvitiya rimskoi imperatorskoi vlasti* [Studies on the History of the Roman Imperial Power]. In 2 vol. Saint Petersburg: Tip. M. Stasyukevicha, 1901, vol. 2, 466 p.
19. Ward-Perkins B. Jones and the Late Roman Economy. Gwynn D. (ed.). *A.H.M Jones and the Later Roman Empire*. Leiden; Boston: Brill, 2008, pp. 193-212.
20. Mann A. Empire Demolition. Winkler M. (ed.). *The Fall of the Roman Empire*. Oxford: Blackwell, 2009, pp. 130-135.
21. Winkler M. Edward Gibbon and The Fall of the Roman Empire. Winkler M. (ed.). *The Fall of the Roman Empire*. Oxford: Blackwell, 2009, pp. 145-173.
22. Malamud M. *Ancient Rome and modern America*. Malden; Oxford: Blackwell, 2009.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ГЕРМАНИСТИКИ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

© 2019 г. Г.И. Кольга ^а

^а Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

FOUNDATION AND DEVELOPMENT OF GERMANIC SCIENTIFIC SCHOOL AT THE NORTH-CAUCASUS FEDERAL UNIVERSITY

G.I. Kolga ^а

^а North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Кольга Геннадий Иванович –
кандидат исторических наук, доцент, соискатель,
кафедра зарубежной истории,
Гуманитарный институт,
Северо-Кавказский федеральный университет,
ул. Пушкина, 1, г. Ставрополь, 355009, Россия.
E-mail: bone59@mail.ru

Gennady I. Kolga -
Candidate of History, Associate Professor, Competitor,
Department of Foreign History,
Humanitarian Institute,
North-Caucasus Federal University,
Pushkina St., 1, Stavropol, 355009, Russia.
E-mail: bone59@mail.ru

Рассматриваются вопросы становления и развития научной школы германистики в Северо-Кавказском федеральном университете. Выявлено, что работы ставропольских ученых, в основном, посвящены немецкой истории 20–60-х гг. XX в., когда в Германии происходили события, приведшие ко Второй мировой войне и последующему мировому геополитическому конфликту – «холодной войне». Раскрыты российские и зарубежные источники исследований, показана эволюция методологических основ. Выяснено, что проблематика исследований ставропольской школы германистики включает следующие темы: а) история нацизма, Второй мировой и Великой Отечественной войн, б) Битва за Кавказ и особенности оккупационной политики нацизма на Северном Кавказе, в) история послевоенной Германии.

Ключевые слова: нацистская Германия, НСДАП, вермахт, аграрная политика, социальное рыночное хозяйство, холокост, оккупация, социальная политика.

In this article the author considered the issues of foundation and development of Germanic scientific school at the North-Caucasus Federal University. Now it is clear that the works of Stavropol scientists are basically devoted to the history of Germany in the period from 20 to 60 years of the 20th century, when in Germany there were some events, which led to World War II and they were followed by the subsequent world geopolitical conflict - "cold war". Russian and foreign sources of research are disclosed and evolution of methodological foundation is shown. The issues of Stavropol scientific school include the following subject matters: a) the history of Nazism, the Second World War and the Great Patriotic War; b) Battle of the Caucasus and occupation policy in Northern Caucasus; c) the history of post-war Germany.

Keywords: Nazi Germany, NSDAP, Wehrmacht, agrarian policy, social-market economy, Holocaust, social policy.

После падения «железного занавеса», вызванного распадом СССР в 1991 г. и формированием современного Российского государства, в отечественной исторической науке наступила новая эпоха: были открыты многие засекреченные архивные документы, доступны ранее не издававшиеся в СССР зарубежная литература, мемуары, эпистолярное наследие и т.п. Стала развиваться современная методология истории, появились такие направления, как цивилизационный, междисциплинарный подходы, историческая антропология и др. Все это способство-

вало подъему в изучении отечественной и зарубежной истории и, в частности, развитию германистики [1–3].

Важную роль в изучении истории Германии в России играет Институт всеобщей истории Российской Академии наук (директор – д.и.н., профессор РАН М.А. Липкин, научный руководитель – академик РАН А.О. Чубарьян) и его структурные подразделения: Центр германских исторических исследований (руководитель – д.и.н. А.А. Синдеев), Центр по изучению войн и геополитики (руководитель – д.и.н. М.Ю. Мяг-

ков), Российская ассоциация историков-германистов и др. Так, Центр по изучению войн и геополитики за последние годы опубликовал ряд серьезных научных исследований, посвященных Второй мировой и Великой Отечественной войнам [4–7].

Германистика получила определенное развитие в ряде российских вузов: Брянском, Кемеровском, Кубанском, Ростовском, Тамбовском государственных университетах, Липецком государственном пединституте, и др.

Однако после ухода из жизни известных российских историков-германистов, таких как Я.С. Дабкин, А.С. Бланк, Ю.В. Галактионов, А.И. Борозняк и др., все меньше внимания стало уделяться изучению истории Германии. В настоящее время известны имена 70 российских ученых-германистов, из них только 15 активно занимаются научными исследованиями. На наш взгляд, в этом заключается определенный просчет, поскольку именно Германия в Европе является главным внешнеполитическим и экономическим партнером России, и эта тенденция, очевидно, сохранится в будущем. Выступая на одном из последних заседаний Российской ассоциации историков-германистов, академик РАН А.О. Чубарьян призвал активизировать деятельность Ассоциации в ближайшей перспективе, в частности усилить работу научных школ и направлений в университетах России по германской истории.

В связи с этим представляет интерес тема германских исследований на Северном Кавказе, в частности в Северо-Кавказском федеральном университете (СКФУ) г. Ставрополя (ранее – СГПИ, СГУ). В 1983 г. кафедру всеобщей истории СГПИ возглавил доктор исторических наук, проф. А.А. Аникеев. Он обладает глубокими знаниями по зарубежной истории, историографии и методологии истории. Научную деятельность профессора Аникеева характеризует междисциплинарный подход, всестороннее изучение источников, их тщательный анализ. Под его руководством подготовлено 36 кандидатских и 7 докторских диссертаций [8, с. 168].

Закончив аспирантуру Московского педагогического института под руководством акад. А.Л. Нарочницкого, он в 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Германский фашизм и крестьянство. 1933–1939 гг.» [9]. Источниками для анализа аграрной политики послужили, прежде всего, архивные документы Государственного архива РФ (ГАРФ) (ранее –

ЦГАОР СССР), а также документы из архивов Германии. В Центральном архиве ФРГ (ранее – ГДР) (г. Потсдам) использованы документы из фондов министерства сельского хозяйства, имперского продовольственного сословия и имперского управления статистики фашистской Германии. Ценные документы о системе военно-экономической мобилизации в сельском хозяйстве автору были предоставлены в Военном архиве Германии (г. Потсдам).

Диссертация А.А. Аникеева посвящена анализу социально-экономических и идейно-политических взаимоотношений германского фашизма и крестьянства. Дается историко-социологический анализ экономических и политических предпосылок распространения фашизма в деревне, вскрывается сущность аграрной политики нацистского правительства, характеризуется место крестьянства в политической системе Третьего рейха [10].

В 1981 г. А.А. Аникеев защитил докторскую диссертацию на тему «Аграрная политика германского фашизма и ее крах» [11]. В диссертации дан всесторонний анализ аграрно-экономической политики фашизма, ее основных направлений, особенностей нацистской системы военно-экономической мобилизации в сельском хозяйстве, условий аграрного производства и положения крестьянских масс в годы войны, а также аграрная политика гитлеровцев на оккупированных территориях.

В 1990 г. по теме диссертации вышла монография «Аграрная политика нацистской Германии в годы Второй мировой войны» [12]. Используя таблицы из немецких архивов, автор проводит тщательный анализ системы конфискации продовольствия и сельскохозяйственного сырья на оккупированных территориях.

В рецензии доктора наук М.Е. Ерина на книгу отмечается: «...достоинством работы А.А. Аникеева является подробный анализ состояния крестьянских хозяйств и процессов милитаризации аграрных отношений. ... Историк обстоятельно исследует состояние аграрно-сырьевого снабжения фашистского рейха в годы войны; определяет соотношение производства и потребления продуктов питания, подсчитывает продовольственный баланс...» [13, с. 213–215].

Во время командировок в Восточную Германию для работы в архивах проф. Аникеев ознакомился с основными этапами развития исторической науки в ГДР, организационными центрами (академическими институтами и вузов-

скими секциями по истории), системой государственных архивов и библиотек, деятельностью «Национального общества историков», исторической периодикой, а также вопросами методологии, тематики и методики исследований. Результатом стала монография «Историография Восточной Германии: подъем и кризис», главный вывод которой гласит: «Ученые ГДР осветили многие страницы германской истории и немецкого рабочего движения, добились определенных успехов в изучении экономической и аграрной истории, общепризнанными являются результаты историков в освещении буржуазных революций, истории стран Азии, Африки и Латинской Америки, а также в развитии теории и организации научных исследований» [14, с. 202]. В то же время автор подчеркивает, что, продекларировав широкое духовное наследие, ученые ГДР не смогли мобилизовать мечты лучших сынов немецкого народа для строительства нового общества. Историография развивалась односторонне и догматически.

Будучи заведующим кафедрой, проф. А.А. Аникеев стал основателем ставропольской школы германистики. При этом тема истории нацизма, Второй мировой и Великой Отечественной войн оставалась главной в его научной работе.

В 1999 г. аспирант Г.И. Кольга под научным руководством А.А. Аникеева подготовил и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Роль НСДАП в формировании политической системы Третьего рейха» [15], которая стала первой в отечественной историографии работой, посвященной анализу деятельности нацистской партии накануне и в период прихода Гитлера к власти и начала формирования нацистской диктатуры в Германии в 30-е гг. XX в.

Автор использовал междисциплинарный подход, проанализировал многочисленные архивные документы о нацистской партии, хранящиеся в ГАРФ (впервые полностью введена в научный оборот Программа нацистской партии «25 пунктов»), работы руководителей НСДАП, законодательные акты Третьего рейха, статистические материалы, мемуары.

В диссертации сформулированы выводы: «нацистская идеология заимствует одновременно миллениаристские и утопические идеи о счастливом завершении истории, которыми должны выступать “тысячелетний рейх” и этнически чистое арийское “народное сообщество”... Организационным фундаментом

НСДАП являлся принцип фюрерства». Причины успеха НСДАП в начале 30-х гг. объясняются социально-экономическим кризисом и тем, что нацистская партия играла интегративную роль в германском обществе. Среди методов НСДАП первостепенное значение имела психотехника, основанная на теориях психоанализа, психологии толпы, харизматического господства.

После 1933 г. НСДАП стала ядром политической системы Третьего рейха. Партия срасталась с государством, концентрируя в себе реальную власть в обществе, создавала «всенародную поддержку». Посредством системы околопартийных союзов НСДАП добилась значительной унификации всей общественной жизни. Постепенно складывалась тоталитарная диктатура в Германии, отличительной особенностью которой стала так называемая поликратия, поскольку реальная власть делилась между несколькими партийными бонзами, возглавляющими крупные партийно-государственные структуры.

Особенно актуально в наши дни звучит вывод автора о том, что «трагический опыт заката Веймарской республики и конституирование нацистского тоталитарного государства свидетельствует о том, что борьба с тоталитарными партиями должна вестись до захвата ими власти» [15, с. 235].

В 2000 г. в соавторстве А.А. Аникеев, Г.И. Кольга и Н.Е. Пуховская выпустили монографию «НСДАП: идеология, структура и функции» [16]. Монография расширила рамки диссертации Г.И. Кольги внесением в работу главы о культурной политике НСДАП в 30-е гг. XX в. в Германии. Авторы считают, что вся культурная политика нацистского режима была направлена на формирование нового архетипа арийца – «сверхчеловека». Этой цели служили все институты образования, воспитания, культуры и искусства [16, с. 214].

Продолжением данной темы стала новая монография авторов – «НСДАП в политической системе Третьего рейха», изданная в ФРГ в 2011 г. [17]. Данная работа дополнена главами – «НСДАП и вермахт», «Внешнеполитический курс НСДАП», «Роль НСДАП в годы Второй мировой войны».

В рецензии на книгу доктора наук С.В. Котова подчеркивается, что «монография раскрывает преступную роль НСДАП в подготовке и проведении Второй мировой войны», выявляются особенности нацистской пропаганды в годы

войны... Цифровой материал показывает результат “тотальной мобилизации”, которая предполагала дальнейшее укрепление позиций НСДАП с целью централизации власти,... психологическую обработку народа в духе расового превосходства» [18, с. 123–125].

Дальнейшее изучение Г.И. Кольгой нацистского периода немецкой истории связано с публикацией в 2013 г. монографии, посвященной формированию, структуре и организации вермахта в период подготовки и ведения Второй мировой войны [19]. Используя разнообразные документы российских архивов – ГАРФ, ЦАМО РФ (документы высших военных органов Красной Армии), РГВА (трофейный отдел), а также немецких архивов – Центрального государственного архива (г. Потсдам) и Центрального военного архива (г. Потсдам), в монографии автор впервые в отечественной историографии раскрывает историю создания и эволюцию вермахта в 1935–1945 гг., организацию высших органов военного руководства, структуру видов и родов войск вермахта, военную доктрину, стратегию и принципы оперативно-тактического управления войсками в годы Второй мировой войны, проблемы вооружения, причины краха военной машины нацизма.

В рецензии на книгу доктора наук А.В. Карташева отмечается новаторский характер ряда поставленных проблем: противоречия концепций тотальной и молниеносной войны в стратегических планах Гитлера; разинтегрированность системы высшего военного руководства вермахта; создание «инструмента» блицкрига – мобильных боевых групп (“Kampfgruppe”), с помощью которых вермахту удавалось организовывать оперативные прорывы; нацистская военная элита; повседневная жизнь и быт личного состава вермахта [20].

В 2017 г. вышеназванная монография, исправленная и дополненная, опубликована в ФРГ [21].

В 2006 г. ученик проф. А.А. Аникеева Е.А. Паламарчук защитил докторскую диссертацию на тему «Социальная политика Третьего рейха» [22]. Более развернутую трактовку темы Е.А. Паламарчук представил в монографии «Социальная политика Третьего рейха и ее правовая база» [23].

В диссертации и монографии впервые в отечественной исторической науке на основе широкого круга источников – архивных материалов, нормативных правовых актов, выступлений и публикаций нацистских лидеров, материалов,

опубликованных в национал-социалистической периодической печати, мемуарной литературы и др. осуществлено комплексное исследование социальной политики, проводившейся в Германии в 1933–1945 гг., и соответствующего законодательства Третьего рейха.

В заключении автор делает следующие выводы: социальная политика нацизма являлась важнейшим рычагом модернизации германского общества. Ее главной целью было создание «народного сообщества», «немецкого социализма», «государства благоденствия». Добиться достижения указанной цели, по мнению автора, нацистам в определенной степени удалось благодаря осуществлению комплекса мер: с одной стороны – путем решения проблемы безработицы, создания сети благотворительных организаций, осуществления жилищного строительства, рассчитанного на рабочие семьи, с другой – путем использования средств пропаганды и тотального террора [23, с. 578, 586, 587].

Вторым направлением исследований ставропольской школы германистики является история Битвы за Кавказ и оккупационная политика нацизма. Почти 25 лет на кафедре под руководством проф. А.А. Аникеева разрабатывалась эта тема. С.В. Януш в 2006 г. защитил докторскую диссертацию «Битва за Кавказ: проблемы войсковых операций (1942–1943 гг.)» [24]. В диссертации раскрываются малоизученные вопросы подготовки и проведения войсковых операций в ходе битвы за Кавказ в 1942–1943 гг.: нацистские планы по захвату Кавказа, выход немецко-фашистских войск к кавказским перевалам, наступательные операции советских войск, сражения за Новороссийск и Таманский полуостров.

Эти события описаны С.В. Янушем в монографии «Войсковые операции Советской Армии в Битве за Кавказ (1942–1943 гг.)» [25]. Несомненный интерес представляет трактовка автором стратегии боевых действий советских войск на территории региона в оборонительный период битвы за Кавказ (август – декабрь 1942 г.), которая отчасти может характеризоваться как *запланированный отход*, ибо в стратегическом плане ВГК процесс отступления на восток и юг был начат с главной целью – сохранить главные силы советских войск для противодействия врагу в районах Поволжья и Северного Кавказа.

Автор исследует малоизвестные страницы наиболее ожесточенных сражений, которые происходили осенью-зимой 1942–1943 гг. в

предгорьях Кавказа и на кавказских перевалах – Клухорском, Марухском и Санчарском.

Авторский анализ наступательных операций советских войск на юге страны показывает, что наряду с успехами по освобождению Северного Кавказа, имели место недооценка противника, потеря связи и управления, перебои в боевом, техническом и тыловом обеспечении. Это не позволило успешно провести операцию «Сталинград-2» с целью уничтожения немецких частей на южном участке советско-германского фронта [25, с. 520–524].

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) А.А. Аникеевым, С.И. Линцем и С.В. Янушем была издана книга «Битва за Кавказ в исследованиях, документах и фотоматериалах», которая включает 160 документов, 7 картосхем и 150 фотоматериалов. Документы привлечены из Центрального архива Министерства обороны РФ, Государственного архива РФ, Военного архива г. Потсдам (Германия) и местных архивных учреждений. Среди документов многие впервые вводятся в научный оборот, в частности: материалы из канцелярии Розенберга «О преобразовании Кавказа» от 27.07.1942 г., «Структура министерства по делам оккупированных восточных территорий фашистской Германии», «Доклад командующему войсками Закавказского фронта №587/оп начальнику Генерального штаба Красной Армии о мерах по усилению обороны Закавказья» от 04.08.1942 г., «Выписка из журнала боевых действий Северо-Кавказского фронта», позволившие уточнить концепцию Битвы за Кавказ [26].

Тему исследования немецкой оккупации Кавказа подняла З.В. Бочкарева, которая защитила кандидатскую диссертацию «Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе» [27]. На основе многочисленных документов из архивов северокавказских республик, Ставропольского, Краснодарского краев, Ростовской, Волгоградской областей в диссертации освещаются вопросы, связанные с политикой немецких оккупационных органов управления: массовые убийства мирных жителей, так называемые экономические «преобразования», разграбление культурных и исторических ценностей на территории Северного Кавказа.

По сведениям автора, немецкая оккупационная власть осуществлялась в трех основных формах: военной, гражданской и полицейской. Все они представляли собой неразрывные части оккупационного карательного аппарата. Так

называемые «преобразования» немецких оккупантов в промышленности и сельском хозяйстве Северного Кавказа основывались на системе «кнута и пряника» – поощрений и наказаний. Так, например, закон «О новом аграрном порядке» от 15.02.1942 г. отменял все законы и распоряжения советской власти, Примерный устав сельскохозяйственной артели. В немецком законе указывалось: «Все колхозы преобразуются в общинные хозяйства», совхозы объявлялись государственными имениями. Пропагандировались различные экономические стимулы, но в то же время, все более частыми становились штрафы, телесные наказания. Аналогичная ситуация складывалась и в промышленности [28].

Задержаться надолго на Северном Кавказе немецким захватчикам не удалось. Отступая, они уничтожали все, что имело стратегическое значение. Война привела к серьезным разрушениям и людским потерям на Северном Кавказе. Так, например, в Ставропольском крае к марту 1943 г. численность проживающих сократилась почти на 300 тыс. чел., ущерб народному хозяйству составил 14,6 млрд руб. (в ценах 1944 г.).

Тему геноцида на оккупированных Германией территориях Северного Кавказа осветила в своей работе Е.А. Войтенко, которая защитила кандидатскую диссертацию «Холокост на Юге России в период Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.)» [29]. В полном объеме и в наиболее изощренных формах политика холокоста стала осуществляться после 1941 г. на временно оккупированной территории Советского Союза. В наиболее концентрированном виде она нашла отражение в «Генеральном плане Ост».

В диссертации впервые проведен сравнительный анализ осуществления холокоста на Юге России и на ранее оккупированных территориях Центральной и Северо-Западной частях СССР, впервые выявлены специфика, формы и методы осуществления холокоста на оккупированной территории Юга России в различных частях региона, освещены малоизвестные события уничтожения жертв холокоста на оккупированных территориях Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской и Волгоградской областей, Калмыкии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии.

В заключении автор формулирует выводы, которые гласят, что с приходом нацистов на Юг России практически полностью были уничтожены жертвы холокоста: евреи, цыгане, душевноболь-

ные и инвалиды, что полностью отвечало идеологическим доктринам национал-социализма.

По подсчетам автора, всего на территории Ростовской области было уничтожено не менее 23 000, на территории Краснодарского края – около 20 500, на территории Ставропольского края – около 26 000, в Кабардино-Балкарии – почти 3 000, на территории Волгоградской (Сталинградской) области – около 400, в Калмыкии – около 1 500 жертв холокоста.

Всего же на территории Юга России с 1941 по 1943 г. погибло не менее 67 500 евреев, цыган, инвалидов. Подавляющее большинство жертв холокоста (91,2%) было уничтожено на территории Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев.

Третьим направлением исследований ставропольской школы германистики стали проблемы истории послевоенной Германии. Теме возрождения Германии после поражения во Второй мировой войне, становлению нового федеративного государства на демократических началах посвятил кандидатскую диссертацию С.О. Звонок «Становление социального рыночного хозяйства ФРГ. 1945–1958 гг.» [30], защищенную в 1997 г. Автор подчеркивает, что в основу программы выхода из кризиса в послевоенной Германии были положены разработки ученых Фрейбургской экономической школы – теория социального рыночного хозяйства.

Выяснено, что главными *экономическими принципами* «немецкого чуда» стали принципы достижения экономического равновесия механизма цен полной конкуренции, стабильной денежной системы, свободы ценообразования, открытости рынков, частной собственности, свободы предпринимательства, регуливающей роли государства в финансовой сфере, денежно-кредитной политики, свободы выбора потребителя.

Социальные принципы социального рыночного хозяйства – принципы солидарности, субсидиарности, справедливости, выработанные христианством в католическом учении и закреплённые комитетами ХДС/ХСС.

Правовые принципы были закреплены в ФРГ Основным Законом 1949 г., выступают катализатором реализации идей Фрейбургской школы и фиксируют положения доктрины неолиберализма в немецком обществе.

Автор анализирует важнейшие реформы в ФРГ 1947–1958 гг.: валютную, налоговую и реформу ценообразования. На их основе была

сформирована рыночная инфраструктура, кредитный рынок и новая банковская система. После того как немецкая валюта стала конвертируемой, стало осуществляться широкое государственное регулирование внешнеэкономической деятельности.

Диссертация С.О. Звонока являлась весьма актуальной в 90-е гг., так как демонстрировала хороший пример экономических преобразований в поверженной Германии, и в этом заслуга автора и его научного руководителя.

В 2011 г. аспирантка Е.А. Артюхова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Развитие системы образования в Восточной и Западной Германии в конце 40-х – начале 60-х гг. XX века» [31]. В работе впервые предпринят комплексный анализ политики оккупационных властей и правительств в Восточной и Западной Германии в области образования в послевоенный период как часть процесса антифашистских преобразований.

Главной целью системы образования в ГДР и ФРГ провозглашалось вооружение учащихся и студентов глубокими системными знаниями. Это и позволило обеим Германиям в послевоенный период стать локомотивом технологического и экономического прогресса и европейского процветания.

На кафедре новой и новейшей истории СГУ были подготовлены также крупные работы по истории других зарубежных стран: Италии, Франции, США, Великобритании, Австро-Венгрии. В частности, И.В. Крючков в 1997 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Австрийская экономическая школа и ее влияние в России в конце XIX – начале XX века», а в 2003 г. – докторскую диссертацию «Славянский фактор в развитии Венгрии в последней трети XIX – начала XX в.: этнополитические, социальные и внешнеполитические аспекты» [32, 33].

В монографии по докторской диссертации автор приходит к выводу, что «развитие Венгрии, как и всего Карпато-Дунайского региона, отличалось большим своеобразием, что делает ее историю уникальным явлением не только в европейской, но и в мировой цивилизации, т.к. история этой страны представляет как положительный, так и отрицательный опыт в решении национального вопроса» [34, с. 277].

Влияние германистики ощущается в целом и в рамках научно-педагогической школы по всеобщей истории СКФУ. К 30-летию школы ка-

федрой был выпущен сборник материалов «Научно-педагогическая школа по всеобщей истории Ставропольского госуниверситета» [35]. В вводной статье проф. А.А. Аникеев раскрывает условия, в которых зародилась школа, ее основные этапы и особенности. По мнению автора статьи, особенности школы проявились в творчестве ученых, которые заложили основы изучения зарубежной истории в регионе, разработали учебные курсы по всеобщей истории, определили основные формы и методы деятельности научного сообщества. Профессор И.А. Краснова, доцент Е.П. Тельменко исследовали проблемы духовной культуры позднего средневековья и преподавания; проф. И.В. Крючков – индустриализацию дуалистической Венгрии; доцент И.А. Коробкина – проблемы изучения международных отношений в XX столетии при подготовке бакалавров и магистров истории; доцент Е.С. Рязанцева – театр как одну из форм досуга населения Германии в последней трети XIX – начале XX в.; Е.А. Панарина – влияние Первой мировой войны на общественно-политические движения Европы (особенно Германии); профессор С.В. Януш, А.О. Холявченков – создание и боевые действия группы армий «Дон»; С.В. Пинягин – развитие исторической информатики в странах СНГ в оценке отечественных и зарубежных авторов [35, с. 5–197].

Как видим, аспиранты, докторанты и преподаватели научно-педагогической школы разрабатывали важнейшие вопросы европейской истории, методологию и методику подготовки специалистов, и применение новых информационных технологий. Сборник содержит также справочный материал о главных публикациях, кандидатских и докторских диссертациях, подготовленных в рамках научно-педагогической школы.

В последние годы ученые исследуют итоги и уроки Великой Отечественной войны. А.А. Аникеев размышляет над проблемами войны и мира, З.В. Бочкарева изучает оккупационную политику на Северном Кавказе [36, с. 5–10, 41–48]; А.В. Найденов рассказывает о Великой Отечественной войне по письмам своего отца [37, с. 42–61]; А.Н. Тальцев, К.А. Ушмаева анализируют повседневную жизнь ставропольцев во время войны, Г.И. Кольга – геополитические итоги Второй мировой войны [38, с. 6–25].

Данные публикации раскрывают тему патриотизма как источника нашей Победы в годы Ве-

ликой Отечественной войны и как национальную идею в настоящее время.

Таким образом, для исследователей-германистов СКФУ характерны всестороннее изучение и тщательный анализ источников, современная методология истории, исследование наиболее острых проблем истории XX в. Ее участники подготовили и защитили десятки кандидатских и докторских диссертаций, впервые в отечественной историографии опубликовали ряд крупных работ по германской истории.

Литература

1. Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальная история и историографическая практика. М. : Круг, 2011. 560 с.
2. Чернобаев А.А. Историки России XX века : биобиблиографический словарь : в 2 т. Саратов, 2005.
3. Историки России. Кто есть кто в изучении зарубежной истории: биобиблиографический словарь. 2-е изд., испр., доп. / авт.-сост. А.А. Аникеев, М.С. Бобкова. Ставрополь : СГУ, 2009. 340 с.
4. Мировые войны XX века : в 4 кн. / кол. авт., рук. проекта О.А. Ржешевский. М. : Наука, 2001.
5. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : в 12 т. / отв. ред. А.О. Чубарьян, рук. авт. кол. М.Ю. Мягков. М. : Кучково поле, 2014.
6. 1941. Страна в огне : в 2 кн. / рук. проекта О.А. Ржешевский, отв. ред. М.Ю. Мягков. М. : Олма медиа групп, 2011.
7. Великая Отечественная война : энциклопедия / кол. авт., отв. ред. А.О. Чубарьян, рук. авт. кол. М.Ю. Мягков. М. : Олма медиа групп, 2010. 672 с.
8. Василенко В.В., Коробкина И.А. Алексей Алексеевич Аникеев – историк и просветитель // Европейские исследования в России. Томск : Ин-т Европы РАН, 2017. 464 с.
9. Аникеев А.А. Германский фашизм и крестьянство. 1933–1939 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1972.
10. Аникеев А.А. Германский фашизм и крестьянство. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1979. 224 с.
11. Аникеев А.А. Аграрная политика германского фашизма и ее крах : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1981.
12. Аникеев А.А. Аграрная политика нацистской Германии в годы Второй мировой войны. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1990. 208 с.
13. Ерин М.Е. Рец. на кн.: Аникеев А.А. Аграрная политика нацистской Германии в годы Второй мировой войны. – Ростов н/Д., 1990 // Новая и новейшая история. 1992. № 2.

14. Аникеев А.А. Историография Восточной Германии: подъем и кризис. Ставрополь : СГПУ, 1992. 236 с.

15. Кольга Г.И. Роль НСДАП в формировании политической системы Третьего рейха : дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1999.

16. Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. НСДАП: идеология, структура и функции. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2000. 323 с.

17. Кольга Г.И., Аникеев А.А., Пуховская Н.Е. НСДАП в политической системе Третьего рейха. Саарбрюккен : Lambert Academic Publishing, 2011. 544 с.

18. Котов С.В. Рец. на кн.: Кольга Г.И., Аникеев А.А., Пуховская Н.Е. НСДАП в политической системе Третьего рейха. Саарбрюккен, 2011 // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2013. № 2.

19. Кольга Г.И. Вермахт: проблемы формирования, организации и управления. Ставрополь : АГРУС, 2013. 612 с.

20. Карташев А.В. Рец. на кн.: Кольга Г.И. Вермахт: проблемы формирования, организации и управления. Ставрополь, 2013 // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2013. № 5.

21. Кольга Г.И. Вермахт. Военная машина Третьего рейха во Второй мировой войне: организация и управление. Саарбрюккен : Lambert Academic Publishing, 2017. 640 с.

22. Паламарчук Е.А. Социальная политика Третьего рейха : дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д., 2006.

23. Паламарчук Е.А. Социальная политика Третьего рейха и его правовая база. Ростов н/Д. : Ин-т управления, бизнеса и права, 2007. 654 с.

24. Януш С.В. Войсковые операции Советской Армии в Битве за Кавказ (1942–1943 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2006.

25. Януш С.В. Войсковые операции Советской Армии в Битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Ставрополь : Книжное изд-во, 2005. 576 с.

26. Аникеев А.А., Линец С.И., Януш С.В. Битва за Кавказ в исследованиях, документах и фотоматериалах. Пятигорск : ПГЛУ, 2015. 518 с.

27. Бочкарева З.В. Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе : дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1995.

28. Государственный архив Ставропольского края. Ф.Р. - 1392. Оп. 1. Д. 3. Л. 134; Пятигорское эхо. 1942. 20 сент.

29. Войтенко Е.А. Холокост на юге России в период Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.

30. Звонок С.О. Становление социального рыночного хозяйства ФРГ. 1945–1958 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1997.

31. Артюхова Е.А. Развитие системы образования в Восточной и Западной Германии в конце 40-х – начале 60-х гг. XX века : дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011.

32. Крючков И.В. Австрийская экономическая школа и ее влияние в России в конце XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1997.

33. Крючков И.В. Славянский фактор в развитии Венгрии в последней трети XIX – начала XX в.: этнополитические, социальные и внешнеполитические аспекты : дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д., 2003.

34. Крючков И.В. Венгрия и славянский мир в последней трети XIX – начале XX века. Ставрополь : СГУ, 2001. 340 с.

35. Научно-педагогическая школа по всеобщей истории Ставропольского госуниверситета. Ставрополь : РИО ИДНК, 2006. 226 с.

36. Великая Отечественная война в современной науке и памяти народа. Ставрополь : ИП Светличная С.П., 2015. 94 с.

37. Великая Отечественная война и современные геополитические проблемы : материалы конф. Ставрополь : ИП Светличная С.П., 2017. 172 с.

38. Великая Отечественная война и некоторые проблемы современности. Ставрополь : ИП Светличная С.П., 2018. 124 с.

References

1. Repina L.P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX – XXI vv.: Sotsial'naya istoriya i istoriograficheskaya praktika* [Historical Science at the Turn of the 20th - 21st Centuries: Social History and Historiographical Practice]. Moscow: Krug, 2011, 560 p.
2. Chernobaev A.A. *Istoriki Rossii XX veka* [The Historians of Russia of the 20th Century]. Biobibliographic Dictionary. In 2 vol. Saratov, 2005.
3. *Istoriki Rossii. Kto est' kto v izuchenii zarubezhnoi istorii* [Historians of Russia. Who is Who in the Study of Foreign History]. Biobibliographic Dictionary. 2nd ed., cor., ad. Aut.-col. A.A. Anikeev, M.S. Bobkova. Stavropol: SGU, 2009, 340 p.
4. *Mirovye voiny XX veka* [World Wars of 20th Century]. In 4 books. Gr. aut., ch. of project O.A. Rzheshvskii. Moscow: Nauka, 2001.
5. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 gg.* [Great Patriotic War of 1941–1945]. In 12 vol. Res. ed. A.O. Chubar'yan, ch. aut. col. M.Yu. Myagkov. Moscow: Kuchkovo pole, 2014.
6. *1941. Strana v ognе* [1941. Country in Fire]. In 2 vol. Ch. pr. O.A. Rzheshvskii, res. ed. M.Yu. Myagkov. Moscow: Olma media grupp, 2011.

7. *Velikaya Otechestvennaya voina* [Great Patriotic War]. Encyclopedia. Gr. aut., res. ed. A.O. Chubar'yan, ch. aut. col. M.Yu. Myagkov. Moscow: Olma media grupp, 2010. 672 p.
8. Vasilenko V.V., Korobkina I.A. [Alexey Alekseevich Anikeev - Historian and Enlightener]. *Evropeiskie issledovaniya v Rossii* [European Studies in Russia]. Tomsk: In-t Evropy RAN, 2017, 464 p.
9. Anikeev A.A. *Germanskii fashizm i krest'yanstvo. 1933–1939 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [German Fascism and Peasantry. 1933-1939]. Moscow, 1972.
10. Anikeev A.A. *Germanskii fashizm i krest'yanstvo* [German Fascism and Peasantry]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1979, 224 p.
11. Anikeev A.A. *Agrarnaya politika germanskogo fashizma i ee krakh: dis. ... d-ra ist. nauk* [Agrarian Policy of German Fascism and its Collapse]. Moscow, 1981.
12. Anikeev A.A. *Agrarnaya politika natsistskoi Germanii v gody Vtoroi mirovoi voyny* [Agrarian Policy of Nazi Germany during the Second World War]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1990, 208 p.
13. Erin M.E. Rets. na kn.: Anikeev A.A. *Agrarnaya politika natsistskoi Germanii v gody Vtoroi mirovoi voyny*. – Rostov n/D., 1990 [Ref. on book: Anikeev A.A. Agrarian policy of Nazi Germany during the Second World War. - Rostov-on-Don, 1990]. *Novaya i noveishaya istoriya*. 1992, No. 2.
14. Anikeev A.A. *Istoriografiya Vostochnoi Germanii: pod'em i krizis* [Historiography of East Germany: the Rise and Crisis]. Stavropol: SGPU, 1992, 236 p.
15. Kol'ga G.I. *Rol' NSDAP v formirovanii politicheskoi sistemy Tret'ego reikha: dis. ... kand. ist. nauk* [The Role of the NSDAP in the Formation of the Political System of the Third Reich]. Stavropol, 1999.
16. Anikeev A.A., Kol'ga G.I., Pukhovskaya N.E. *NSDAP: ideologiya, struktura i funktsii* [NSDAP: Ideology, Structure and Functions]. Stavropol: Izd-vo SGU, 2000, 323 p.
17. Kol'ga G.I., Anikeev A.A., Pukhovskaya N.E. *NSDAP v politicheskoi sisteme Tret'ego reikha* [NSDAP in the Political system of the Third Reich]. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011, 544 p.
18. Kotov S.V. Rets. na kn.: Kol'ga G.I., Anikeev A.A., Pukhovskaya N.E. *NSDAP v politicheskoi sisteme Tret'ego reikha*. Saarbrücken, 2011 [Ref. on book: Kol'ga G.I., Anikeev A.A., Pukhovskaya N.E. NSDAP in the Political System of the Third Reich. Saarbrücken, 2011]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*. 2013, No. 2.
19. Kol'ga G.I. *Vermakht: problemy formirovaniya, organizatsii i upravleniya* [Wehrmacht: Problems of Formation, Organization and Management]. Stavropol: AGRUS, 2013, 612 p.
20. Kartashev A.V. Rets. na kn.: Kol'ga G.I. *Vermakht: problemy formirovaniya, organizatsii i upravleniya*. Stavropol', 2013 [Ref. on book: Kol'ga G.I. Wehrmacht: Problems of Formation, Organization and Management. Stavropol, 2013]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*. 2013, No. 5.
21. Kol'ga G.I. *Vermakht. Voennaya mashina Tret'ego reikha vo Vtoroi mirovoi voine: organizatsiya i upravlenie* [Wehrmacht. The War Machine of the Third Reich in World War II: Organization and Management]. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2017, 640 p.
22. Palamarchuk E.A. *Sotsial'naya politika Tret'ego reikha: dis. ... d-ra ist. nauk* [Social Policy of the Third Reich]. Rostov-on-Don, 2006.
23. Palamarchuk E.A. *Sotsial'naya politika Tret'ego reikha i ego pravovaya baza* [Social Policy of the Third Reich and its Legal Framework]. Rostov-on-Don: In-t upravleniya, biznesa i prava, 2007, 654 p.
24. Yanush S.V. *Voiskovye operatsii Sovetskoi Armii v Bitve za Kavkaz (1942–1943 gg.): dis. ... d-ra ist. nauk* [Military Operations of the Soviet Army in the Battle of the Caucasus (1942-1943)]. Stavropol, 2006.
25. Yanush S.V. *Voiskovye operatsii Sovetskoi Armii v Bitve za Kavkaz (1942–1943 gg.)* [Military Operations of the Soviet Army in the Battle of the Caucasus (1942-1943)]. Stavropol: Knizhnoe izd-vo, 2005, 576 p.
26. Anikeev A.A., Linets S.I., Yanush S.V. *Bitva za Kavkaz v issledovaniyakh, dokumentakh i fotomaterialakh* [Battle for the Caucasus in Studies, Documents and Photographic Materials]. Pyatigorsk: PGLU, 2015, 518 p.
27. Bochkareva Z.V. *Okkupatsionnaya politika fashistskoi Germanii na Severnom Kavkaze: dis. ... kand. ist. nauk* [The Occupation Policy of Fascist Germany in the North Caucasus]. Stavropol, 1995.
28. *Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraia* [State Archives of Stavropol Region]. Fund R. - 1392. In. 1. File 3. L. 134; *Pyatigorskoe ekho*. 1942, Sept. 20.
29. Voitenko E.A. *Kholokost na yuge Rossii v period Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1943 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Holocaust in the South of Russia during the Great Patriotic War (1941-1943)]. Stavropol, 2005.
30. Zvonok S.O. *Stanovlenie sotsial'nogo rynochnogo khozyaistva FRG. 1945–1958 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [The Formation of a Social Market Economy of FRG. 1945-1958]. Stavropol, 1997.
31. Artyukhova E.A. *Razvitie sistemy obrazovaniya v Vostochnoi i Zapadnoi Germanii v kontse 40-kh – nachale 60-kh gg. XX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Development of the Education System in East and West Germany in the Late 40s - Early 60s of 20th Century]. Stavropol, 2011.
32. Kryuchkov I.V. *Avstriiskaya ekonomicheskaya shkola i ee vliyanie v Rossii v kontse XIX – nachale XX*

veka: dis. ... kand. ist. nauk [Austrian School of Economics and its Influence in Russia in the Late 19th - Early 20th Century]. Stavropol, 1997.

33. Kryuchkov I.V. *Slavyanskii faktor v razvitii Vengrii v poslednei treti XIX – nachala XX v.: etnopoliticheskie, sotsial'nye i vneshnepoliticheskie aspekty: dis. ... d-ra ist. nauk* [Slavic Factor in the Development of Hungary in the Last Third of the 19th - Early 20th Century: Ethnopolitical, Social and Foreign Policy Aspects]. Rostov-on-Don, 2003.

34. Kryuchkov I.V. *Vengriya i slavyanskii mir v poslednei treti XIX – nachale XX veka* [Hungary and the Slavic World in the Last Third of the 19th - Early 20th Century]. Stavropol: SGU, 2001, 340 p.

35. *Nauchno-pedagogicheskaya shkola po vseobshchei istorii Stavropol'skogo gosuniversiteta* [Scientific

and Pedagogical School on the Universal History of the Stavropol State University]. Stavropol: RIO IDNK, 2006, 226 p.

36. *Velikaya Otechestvennoi voina v sovremennoi nauke i pamyati naroda* [The Great Patriotic War in Modern Science and the Memory of the People]. Stavropol: IP Svetlichnaya S.P., 2015, 94 p.

37. *Velikaya Otechestvennaya voina i sovremennye geopoliticheskie problem* [Great Patriotic War and Modern Geopolitical Problems]. Materials of Conference. Stavropol: IP Svetlichnaya S.P., 2017, 172 p.

38. *Velikaya Otechestvennaya voina i nekotorye problemy sovremennosti* [Great Patriotic War and Some Problems of our Time]. Stavropol: IP Svetlichnaya S.P., 2018, 124 p.

Поступила в редакцию / Received

24 декабря 2018 г. / December 24, 2018

Н.И. ТУРГЕНЕВ О ПОЛЬСКОМ ВОПРОСЕ¹

© 2019 г. А.И. Нарезжный^{а, б}

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

^б Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

N.I. TURGENEV ON THE POLISH QUESTION

A.I. Narezhny^{а, б}

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,

^б Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

Нарезжный Анатолий Иванович –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра отечественной истории средних веков
и нового времени,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия;
ведущий научный сотрудник,
лаборатория истории и этнографии,
Южный научный центр Российской академии наук,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия
E-mail: ain@sfedu.ru

Anatoly I. Narezhny -
Doctor of History, Professor,
Department of Russian History
of the Middle Ages and Modern Times,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia;
Leading Researcher,
Laboratory of History and Ethnography,
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Chekhova St., 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: ain@sfedu.ru

Рассматриваются взгляды известного российского общественного деятеля Николая Ивановича Тургенева на положение Царства Польского в составе Российской империи. При анализе историографии отмечен значительный пробел в исследовании обозначенного вопроса, который может быть объяснен как общими тенденциями в развитии декабристovedения в отечественной исторической науке, так и степенью доступности источникового материала. Проанализированы взгляды Н.И. Тургенева на польский вопрос в динамике, они вписаны в общий контекст жизнедеятельности общественного деятеля. Отмечается отличие взглядов Н.И. Тургенева по данному вопросу от других участников декабристского движения. Показываются ход изменений взглядов мыслителя под влиянием польских восстаний и окончательное их оформление после 1864 г. Делается вывод о наличии трех этапов в процессе формирования и развития взглядов Н.И. Тургенева о путях разрешения польского вопроса в России.

Ключевые слова: польский вопрос, Н.И. Тургенев, Российская империя, национальные окраины, общественная мысль, декабристы, Царство Польское.

The article devoted to the analysis of viewpoints of the famous Russian public figure Nikolai Ivanovich Turgenev on the position of the Kingdom of Poland in the Russian Empire. The author notes that a significant gap in the study of this question. This gaps can be explained both by general tendencies in the development of Decembrist studies in Russian historical science, and by the degree of availability of source material. The article analyzes the views of N.I. Turgenev on the Polish issue in dynamics. The author inscribes these views in the general context of the life of a public figure. The author notes the difference in views of N.I. Turgenev on this issue from other participants of the Decembrist movement. The central plot of the article is connected with the changes in the viewpoints of the thinker under the influence of Polish uprisings and their final design after 1864. The author concludes that there are three stages in the process of forming and developing the viewpoints of N.I. Turgenev on ways to resolve the Polish issue in Russia. Viewpoints of N.I. Turgenev on the Polish question until 1864 were shared by many public figures. They understood that the most realistic ways were the proposals to "let go" Poland from the Russian Empire. After the year of 1864 the patriotic moods prevailed in Russian society. It provided support to the government in the Russification of the national outskirts of the empire.

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

Keywords: Polish question, N.I. Turgenev, Russian Empire, national outskirts, social thought, Decembrists, the Kingdom of Poland.

В теоретическом наследии декабристов польский вопрос долгое время не пользовался особым вниманием исследователей. В значительной степени это определялось как общей тенденцией в декабристоведении по отношению к национальному вопросу, так и тем обстоятельством, что, как позже писал А.Н. Пыпин, до волнений в Царстве Польском и последовавшего восстания 1863–1864 гг. польский вопрос «мало занимал общество», в том числе и потому, что «политические сюжеты были вообще недоступны» литературе и публицистике [1, с. 704, 718]. Последующие обращения к данной проблеме были в основном сосредоточены на ситуации в русско-польских отношениях и правительственной политике после 1864 г. Меньшее внимание уделялось периоду между восстаниями в XIX в. Основные подходы в русской общественной мысли того периода обозначены в работе Н.В. Пислегина [2].

В исследованиях, посвященных изучению общественно-политических взглядов декабристов, достаточно регулярно затрагивались вопросы о статусе национальных окраин, и в первую очередь Польши, что определялось как ее особым положением в империи, так и сложностью выработки позиции декабристов по данной проблеме. По справедливому замечанию В.С. Парсамова, Польша стала тем краеугольным камнем для декабристов, на котором столкнулись патриотизм, порожденный войной 1812 г., и либерализм, почерпнутый во Франции [3, с. 77]. В дореволюционной историографии польский вопрос рассматривался, в основном, как составная часть внешнеполитических взглядов декабристов. Этот подход был сформирован в фундаментальной работе В.И. Семевского, где рассмотрению положений «Русской правды» по национальному вопросу предшествует тезис о том, что «безопасность и спокойствие государства зависят от его хороших границ, определение которых затрудняется разноплеменностью населения России» [4, с. 511]. Здесь же приводятся многочисленные высказывания декабристов с оценками решений Венского конгресса о присоединении к России Царства Польского и даровании ему конституции Александром I [4, с. 263–264], которые объединяет замечание П. Пестеля о наличии «преимущества разных присоединенных областей (т.е. непредоставление России

политических прав, какие были даны Финляндии и Польше» [4, с. 502].

В работах советских историков эта традиция была продолжена, но польский вопрос затрагивался лишь в работах общего характера или исследованиях о внешнеполитических взглядах декабристов. Первая попытка специального изучения проблемы была предпринята в статье И.И. Беккера «Декабристы и польский вопрос», опубликованной в 1948 году [5]. В ней была предпринята попытка уйти от изложения вопроса лишь на основании программных документов движения и представить более широкий спектр мнений декабристов. Автор при этом отметил, что Н.И. Тургенев занимал особую позицию при оценке значения конституции для Польши, дарованной Александром I [5, с. 65–66].

В полной мере особый характер взглядов Н.И. Тургенева стал ясен после того, как уже в постсоветский период был опубликован полный текст его основной работы «Россия и русские» [6], а взгляды по польскому вопросу одного из идеологов движения декабристов получили освещение в ряде работ [3]. В то же время названная тема нуждается в дальнейшем изучении. Не завершена работа по исследованию факторов и причин развития и изменения взглядов Н.И. Тургенева по польскому вопросу. И если период до 50-х гг. XIX в. изучен достаточно подробно, то его взгляды и оценки после польского восстания 1863–1864 гг. – явно недостаточно. Нуждается в уточнении и вопрос относительно места концепции Н.И. Тургенева в системе координат освободительного движения России XIX в., поскольку в современной историографии утверждается представление о том, что «декабристы М.С. Лунин, Н.И. Тургенев, А.В. Поджио, И.И. Горбачевский, Д.И. Завалишин, а также А.И. Герцен, дальше развивший их взгляды, выражали солидарность с И. Лелевелем, высказывали мысли о связи освобождения Польши со свержением самодержавия» [2]. В настоящей статье предпринимается попытка предложить варианты ответов на некоторые из этих вопросов.

Во взглядах Н.И. Тургенева по отношению к Польше и полякам достаточно явственно прослеживается процесс выработки собственных представлений и оценок под влиянием различных факторов. Заметим, что его исходные оценки ситуации немногим отличались от настрое-

ний в различных кругах российского общества и в значительной степени определялись участием поляков в составе наполеоновской армии. К 1812 г. относится запись в дневнике Николая Тургенева о том, что «обольщенный пустыми надеждами, издревле безрассудный народ Польский соединился с Французским императором и за тщетное название Варшавского Герцогства жертвовал тысячами своих единокровных на поражение Гиспанцев, народа, который никогда не был и не мог ему быть опасным; и сие для того, чтобы умножить собою число несчастных народов подпавших под иго Наполеона» [7, с. 203].

Весьма критическое отношения к полякам прослеживается в это время и в оценке Н.И. Тургеневым действий России по отношению к Польше в сфере межгосударственных отношений. В 1817 г. он оставит в дневнике весьма категоричное суждение о том, что «уничтожение Польши составляет в истории возвышения и образования России das Gegenstück завоеванию Остзейских провинций. Польша в недавнем ее существовании была бы всегда стеною, отделяющею нас от Европы с сей стороны, и грязным источником, из которого бы текла в Россию безнравственность и подлость дворянства Польского и ненависть или презрение к конституционным государствам. Народ или публика судит по первым впечатлениям; первые же впечатления, поражающая обыкновенных людей при виде Польши, были бы конституция и беспорядки, своеволие и рабство. И так мир и слава праху Великой, изгладившей с лица земли государство, которое было бы вечною преполою славе, могуществу и просвещению России!» [8, с. 43–44]. Не выглядит однозначной позиция Тургенева и по отношению к известной речи Александра I в польском сейме. Фиксируя свои впечатления, он записывает 28 марта 1818: «одно печально: чистейшая вода, проходя чрез нечистые водопроводы, делается невкусной. Что если свобода придет в Россию через Польшу?» [8, с. 121].

Приведенные суждения Н.И. Тургенева несколько противоречат его самооценке, представленной позже в работе «Россия и русские». В частности, Н.И. Тургенев утверждает, что если М.Ф. Орлов «был удручен известием о восстановлении Польши», поскольку полагал, что «оное восстановление будет истинным несчастьем для России», то он сам упрекал его за это в «узком патриотизме, патриотизме раба» [6,

с. 50]. Особую позицию занимал Н.И. Тургенев и относительно дарования конституции Царству Польскому. По его версии, «я лично всегда поддерживал любые конституции и не видел в пожаловании конституции Польше унижения или обиды для рабовладельческой России. Я радовался, что на свете стало одной конституцией больше – если признать, что в Царстве Польском она действительно соблюдалась» [6, с. 51]. Некоторым подтверждением данных об отличиях взглядов Н.И. Тургенева по польскому вопросу могут также служить сведения в работе О.В. Орлик о том, что к 1816 г. он «одобрял идею независимой Польши с конституционно-монархическим политическим строем» [9, с. 28].

По нашему мнению, здесь следует учитывать, что сведения о расхождении взглядов Н.И. Тургенева с позицией других декабристов по польскому вопросу содержатся в работе «Россия и русские», изданной многие годы спустя описываемых событий. По этой причине, некоторые историки склонны полагать, что в тот период будущий идеолог декабристов мыслил несколько иначе. Нам также представляется, что, будучи политическим эмигрантом в Европе, Н.И. Тургенев приводит свои прежние взгляды в соответствие с новой позицией по национальному вопросу. Размышляя о будущем России, он заявляет теперь, что «национальная пестрота» в стране не может служить основанием политики поглощения со стороны «великой и сильной» русской нации.

В то же время, по его мнению, этот принцип не следует понимать безусловно. В частности, Н.И. Тургенев признает, что «когда различные народности окружены населением, превосходящим их не только по численности, но и по цивилизованности, ... тогда ассимиляция происходит можно сказать, сама собой, мало-помалу, плавно, и только в этом случае она хороша и основательна». И только в других случаях, когда речь идет о попытках ассимиляции народов, достигших «равной или более развитой цивилизации» дело, по его мнению, обстоит значительно труднее, поскольку «вовсе не способствует прочности государства, а только ослабляет его, разжигая недовольство и законную ненависть...» [6, с. 387]. И все-таки, делает вывод автор, реформы, предстоящие России, «не могут столкнуться о национальные различия. Нужно только чтобы законодатель не старался стереть эти различия, не пытался создать единую нацию на обломках разных народностей» [6, с. 388].

Любопытно, что эти заявления общего характера расходятся с оценками Н.И. Тургенева относительно Польши в той же работе. Прежде всего, меняется контекст рассмотрения польского вопроса. Автор обращается к его изложению в главе «Препятствия к распространению цивилизации в России», где называет «два основных препятствия, делающие прогресс практически невозможным и представляющие для политической и общественной жизни России постоянную и роковую угрозу». По его мнению, эти два препятствия есть «рабство и Польша» [6, с. 362]. Заметим, что уже сам факт уравнивания величайшего порока в жизни страны, каким Тургенев считал крепостное право, с ситуацией в Польше подчеркивает особенность позиции автора.

Справедливости ради признаем, что оценки Н.И. Тургенева в работе «Россия и русские» сформировались, во многом, под влиянием польского восстания 1830–1831 гг. Возможно поэтому, в отличие от декабристов, обуславливавших, в частности, возможность выхода Польши из состава империи необходимостью достижения союза с национальными революционными силами, Н.И. Тургенев приводит другие аргументы. Во-первых, он отмечает, что Польшу включили в состав России помимо ее воли и желаний, а объединение, считает он, может быть «прочным и надежным» лишь в том случае, когда оно является добровольным. Этого у населения Польши, «за исключением исконно русских губерний, возвращенных России во время первого раздела», он не видит. В результате стало возможным восстание 1830 г., после которого ситуация усугубилась и польские губернии «рассматриваются и охраняются как завоеванные территории», а на поляков правительство смотрит «как на врагов и обходится с ними соответственно» [6, с. 364].

Другим аргументом в пользу выхода Польши Н.И. Тургенев называет то обстоятельство, что самодержавная власть «уже не в состоянии удовлетворять всем требованиям современного положения России с ее многочисленным населением и огромной территорией». В этих условиях необходимость постоянно «обращать взоры на сию неоднородную окраину», порой даже в ущерб делам в России, усугубляет ситуацию. Более того, следствием сложившегося положения автор считает ужесточение правительственной политики, причем не только в Польше.

Еще один негативный фактор нахождения Польши в составе России Н.И. Тургенев усмат-

ривает во вредном воздействии «даже на нравственность русского народа», который, возможно, «станет утешать себя тем, что рядом с ним есть народ еще более жалкий» [6, с. 365]. Задастся он и вопросом о влиянии ситуации с Польшей на процесс преобразований в России, вопрошая, что если бы в стране попытались провести «серьезную, основательную реформу», то не оказалась бы она «парализована самим фактом существования народа, враждебного России и прикованного к ней вопреки его желанию?» [6, с. 367].

Не обходит Н.И. Тургенев своим вниманием и вопрос, занимавший еще П.И. Пестеля, о влиянии фактора самостоятельной Польши на безопасность России. Признавая его правоверность, он предлагает «обдумывать что хуже – независимая Польша или Польша в цепях». Ответ самого Н.И. Тургенева в определенной степени продолжает логику размышлений П.И. Пестеля, поскольку исходит из того, что Россия могла бы даже выиграть, заключив с независимой Польшей «тесный союз, диктуемый силой вещей и выгодами народов, особенно польского, слабейшего из двух». Основной выигрыш России автор усматривает в том, что она была бы «вознаграждена единодушной поддержкой цивилизованных народов и стран» [6, с. 366], в то время как покоренная Польша всегда «будет препятствием искреннему союзу России с государствами, где царит подлинная цивилизация...», а кроме того, замечает автор, нашей стране «следует опасаться отчуждения от славянских народов» [6, с. 367, 369].

Подводя итоги своим размышлениям, Н.И. Тургенев приходит к выводу, что «польское препятствие» для развития России «устранить весьма сложно». Привлекает внимание замечание автора, что оно падет лишь в результате «политических событий в Европе», а до тех пор «пребудет неизменным, какие бы перемены не произошли внутри империи» [6, с. 369]. Запомним это пророчество и обратимся к заключительному этапу формирования взглядов Н.И. Тургенева по польскому вопросу.

Новое осмысление Н.И. Тургеневым ситуации с Польшей происходит после восстания 1863–1864 гг., которое изменило отношение к Польше и полякам у многих россиян. В их числе оказался и Н.И. Тургенев. В 1868 г. он издает работу «Чего желать для России?», в которой значительно корректирует взгляды, представленные ранее в работе «Россия и русские» [10].

Осмысливая уроки последнего восстания, Н.И. Тургенев приходит к выводу, что истоки противостояния связаны с ошибочным решением Александра I дать Польше конституцию. По его мнению, непримиримое противоречие конституционного царства и самодержавной империи не могло не сказаться. Вызывает интерес и замечание Н.И. Тургенева о том, что пока самодержавная власть не взяла с 1848 г. курс на расширение полномочий местных органов в Польше, обстановка была спокойной, «даже во время Крымской войны». И только с расширением автономных прав и полномочий Царства, ситуация вышла из под контроля и восстание предотвратить не удалось [10, с. 130–132].

Объясняя изменение своей позиции, Н.И. Тургенев указывает, что этому способствовало требование поляков о восстановлении Польши в границах 1772 г. При такой постановке вопроса, замечает Н.И. Тургенев, к ней должны были отойти девять губерний с населением около девяти миллионов человек, из которых семь миллионов были русские, а численность поляков едва ли достигала и одного миллиона человек. Не ограничиваясь этим, Н.И. Тургенев утверждает теперь, что польский вопрос был правительством неправильно поставлен изначально. Оказывается, в Западном крае правительство видело провинции, возвращенные от Польши, но продолжало называть их польскими, а в результате, «русского народа, сей край населяющего, Россия почти не знала». Краем по-прежнему управляли польские помещики, которых правительство признавало и защищало их права «против бедного русского народа» [10, с. 162].

Любопытно, что несколько позже этот тезис повторит известный литературовед и историк А.Н. Пыпин, который в статье «Польский вопрос и литература» указывал, что после первого раздела Польши «правительство не имело мысли о том, что масса присоединенного населения – русская, на которой лежит тонкий слой польской. Только с последнего восстания, в 1860-х годах, этот факт был замечен и начались усиленные меры “обрусения”...» [1, с. 707].

Сам Н.И. Тургенев объясняет такое положение тем, что раньше как власть, так и ее оппоненты рассматривали Западный край своим «по праву завоевания». Отсюда следовали общепринятые в то время действия по сохранению особенностей и традиций подобных территорий, которые характерны были и для политики цар-

ского правительства в России, вплоть до намерений Александра I о возможном возвращении их Польше. Теперь же он утверждает, что притязания Польши на Западный край возбудили в русском обществе крайне негативное отношение в силу того, что эта территория относится к русским землям по праву национальности подавляющего большинства населения [10, с. 163].

В силу такого поворота Н.И. Тургенев считает необходимым и возможным рассматривать польский вопрос «только в отношении ее к России». «Россия признает эти губернии исконно русским краем и никогда и никому их не уступит». Поэтому в дальнейшем о царстве Польском он готов говорить, лишь имея в виду территории, определенные Венским конгрессом. Задавшись вопросом о том, какое, с русской точки зрения, должно быть устройство Царства, Н.И. Тургенев рассматривает различные варианты. Восстановление Конституции, дарованной Польше Александром I, он считает плохим вариантом. По его мнению, она обеспечивала лишь административную автономию царства, однако «в политическом отношении конституция действовала слабо, неправильно», что во многом объяснялось тем, что сама «задача правильного прочного существования конституционной Польши подле самодержавной России, не могла иметь практического разрешения». Н.И. Тургенев напоминает, что царя об этом в свое время предупреждал еще барон Штейн, предлагавший «ограничиться учреждением здорового муниципального управления, окружными и провинциальными избирательными советами» [10, с. 165].

Впрочем, замечает Н.И. Тургенев, и сами поляки не готовы защищать эту конституцию, а требуют восстановления Польши. В этих условиях, когда «ни конституция, ни автономия царства поляков никогда не удовлетворят», а для русского правительства такая автономия «несбыточна, невозможна», Н.И. Тургенев предлагает России искать другие пути к разрешению польского вопроса. В поисках ответа он обращается к общественному мнению и напоминает что «между так называемыми либеральными людьми» долгое время пользовалось поддержкой предложение «отказаться от царства польского» [10, с. 166–168]. Последнее восстание привело, однако, к тому, что эта позиция утратила поддержку из опасений, что западные губернии «сделались бы театром беспрестанных интриг и пропаганды в пользу польской нацио-

нальности и католичества». Таким образом, делает вывод Тургенев, «средство разрешения польского вопроса отделением царства от империи не приемлется теперь русским обществом». Другой возможный вариант – разделить Польшу по Висле между Россией и «вероятно, Пруссией» признается Тургеневым как нереалистичный и неприемлемый для поляков [10, с. 169–170].

Его собственное предложение, о котором он уже говорил, заключается в предложении выйти за рамки венских договоренностей и соединить Польшу с Россией «на тех основаниях, на коих Познань соединена с Пруссией, Галиция с Австрией, Ирландия с Англией, т.е. на основании общего представительства». И если раньше, по его мнению, об этом было говорить невозможно, но теперь, с ликвидацией рабства в России, в ожидании других преобразований, в частности созыва Земского собора, эта мысль для Н.И. Тургенева представляется вполне естественной. В этом случае, полагает он, Россия сможет «смело и вполне добросовестно приступить к соединению царства с империей на основании общих для обеих начал представительных, кои и для поляков будут благодетельны, по крайней мере, в их гражданском быту». Поляки будут иметь голос в общем представительстве, занимать руководящие посты в системе местного управления, сохраняют возможности для национального развития. Для России, считает Н.И. Тургенев, «не может быть лучшего исхода из этого, столь для нее тягостного, польского дела» [10, с. 171–173].

В дальнейшем эта позиция Н.И. Тургенева меняться не будет, и он постарается подобрать новые аргументы в ее пользу. В работе «О нравственном отношении России к Европе» он подтверждает, что «по введению представительного образа правления, подданные России польского происхождения будут, конечно, участвовать в представительстве наравне с русскими людьми», будут иметь все, «кроме независимости народной» [11, с. 40]. Его особенно привлекает мысль о том, что введение представительства и равных прав русским и полякам не только будет означать решение польского вопроса для России, но, надеется, что в Европе возрастет авторитет русского правительства и страны в целом [11, с. 44].

Таким образом, изучение взглядов Н.И. Тургенева о путях разрешения польского вопроса свидетельствует о необходимости выделять в процессе их формирования и развития

три этапа. Первый включает годы взросления Н.И. Тургенева, во время которых складываются его оценки основных событий, занимавших общественное мнение страны. Они вполне патриотичны, что объясняется участием поляков в составе армии Наполеона. Второй этап отмечен либеральными оценками и суждениями по поводу решений Венского конгресса и дарования Александром I конституции Царству Польскому, обоснованием необходимости предоставления Польше статуса самостоятельного государства, без каких-либо условий и обязательств. Третий этап включает взгляды Н.И. Тургенева после польского восстания 1863–1864 гг. Их основное отличие состоит в том, что теперь польский вопрос рассматривается Н.И. Тургеневым как вопрос исключительно для России, решение которого он считает возможным лишь в рамках общей политической реформы в стране и утверждения системы представительного правления, в рамках которой польскому населению будут предоставлены такие же права, что и русскому народу.

Дальнейшее развитие ситуации показывает, что наиболее реалистичными были предложения «отпустить» Польшу из состава Российской империи. Этой позиции придерживался не только Николай Тургенев, но и другие представители русской общественной мысли. К сожалению, они не смогли убедить в необходимости этого шага представителей российской верховной власти до восстания 1863–1864 гг., а после этого в общественном мнении возобладают патристические мотивы, обеспечившие поддержку правительственного курса по русификации национальных окраин Российской империи.

Литература

1. Пыпин А.Н. Польский вопрос в литературе // Вестник Европы. 1880. Т. 1, кн. 2. С. 703–735.
2. Пислегин Н.В. Польский вопрос в общественной мысли России 10–60-х гг. XIX в. URL: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2371> (дата обращения: 09.01.2019).
3. Парсамов В.С. Декабристы и французский либерализм / под ред. Н.А. Троицкого. М. : ПОЛИМЕД, 2001. 240 с.
4. Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб. : Тип. 1 СПб. труд. артели, 1909. 694 с.
5. Беккер И.И. Декабристы и польский вопрос // Вопросы истории. 1948. № 3. С. 65–74.

6. Тургенев Н.И. Россия и русские / пер. с фр. и вступ. ст. С.В. Житомирской; ком. А.Р. Курикина. М. : ОГИ, 2001. 743 с.

7. Архив братьев Тургеневых. Вып. 1 : Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811–1816 годы. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1913. Т. II. 501 с.

8. Архив братьев Тургеневых. Вып. 5 : Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1824 годы. Петроград : Академическая двенадцатая государственная типография, 1921. Т. III. 528 с.

9. Орлик О.В. Декабристы и внешняя политика России / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М. : Наука, 1984. 285 с.

10. Тургенев Н.И. Чего желать для России? Лейпциг : F.A. Brockhaus, 1868. 234 с.

11. Тургенев Н.И. О нравственном отношении России к Европе. Лейпциг : F.A. Brockhaus, 1869. 66 с.

References

1. Pypin A.N. Pol'skii vopros v literature [Polish Question in Literature]. *Vestnik Evropy*. 1880, vol. 1, book 2, pp. 703-735.

2. Pislegin N.V. *Pol'skii vopros v obshchestvennoi mysli Rossii 10–60-kh gg. XIX v.* [The Polish Question in the Social Thought of Russia in the 10-60s of the 19th Century]. Available at: [http:// www.rummuseum.ru/ portal/node/2371](http://www.rummuseum.ru/portal/node/2371) (accessed 09.01.2019).

3. Parsamov V.S. *Dekabristy i frantsuzskii liberalizm* [Decembrists and French Liberalism]. Ed. N.A. Troitskiy. Moscow: POLIMED, 2001, 240 p.

4. Semevskii V.I. *Politicheskie i obshchestvennye idei dekabristov* [Political and Social Ideas of the Decembrists]. Saint Petersburg: Tip. 1 SPb. trud. arteli, 1909, 694 p.

5. Bekker I.I. Dekabristy i pol'skii vopros [Decembrists and the Polish Question]. *Voprosy istorii*. 1948, No. 3, pp. 65-74.

6. Turgenev N.I. *Rossiya i russkie* [Russia and Russians]. Tr. from Fr. and intr. art. S.V. Zhitomirskaya; com. A.R. Kurikin. Moscow: OGI, 2001, 743 p.

7. *Arkhiv brat'ev Turgenevykh* [Archive of the Turgenev Brothers]. Issue 1: The Diaries of Nikolai Ivanovich Turgenev for 1811-1816. Saint Petersburg: Tip. Imperatorskoi akademii nauk, 1913, vol. II, 501 p.

8. *Arkhiv brat'ev Turgenevykh* [Archive of the Turgenev Brothers]. Issue 5: Diaries and Letters of Nikolai Ivanovich Turgenev for 1816-1824. Petrograd: Akademicheskaya dvenadsataya gosudarstvennaya tipografiya, 1921, vol. III, 528 p.

9. Orlik O.V. *Dekabristy i vneshnyaya politika Rossii* [Decembrists and Russian Foreign Policy]. Res. ed. A.L. Narochnitskii. Moscow: Nauka, 1984, 285 p.

10. Turgenev N.I. *Chego zhelat' dlya Rossii?* [What to Wish for Russia?]. Leiptsig: F.A. Brockhaus, 1868, 234 p.

11. Turgenev N.I. O нравственном отношении России к Европе [On the Moral Attitude of Russia to Europe]. Leiptsig: F.A. Brockhaus, 1869, 66 p.

Поступила в редакцию / Received

12 февраля 2019 г. / February 12, 2019

БОРЬБА ЭМИРА АС-СЕНУСИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ЛИВИИ И ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КОРОЛЕВСТВЕ ЛИВИЯ (1951–1969 гг.)

© 2019 г. О.Н. Попенков ^а

^а Военный университет Министерства обороны РФ, Москва, Россия

THE STRUGGLE OF EMIR OF LIBYA AL-SENUSSI FOR INDEPENDENCE AND FEATURES OF STATE-BUILDING IN THE KINGDOM OF LIBYA (1951-1969)

O.N. Popenkov ^а

^а Military University, Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russia

Попенков Олег Николаевич –
кандидат исторических наук, почётный академик
Европейской академии естественных наук,
преподаватель,
Военный университет
Министерства обороны РФ,
ул. Б. Садовая, 14, г. Москва, 123001, Россия.
E-mail: vu-nu@mil.ru

Oleg N. Popenkov -
Candidate of History, Honorary Academician,
European Academy of Natural Sciences,
Lecturer,
Military University, Ministry of Defence
of the Russian Federation,
B. Sadovaya St., 14, Moscow, 123001, Russia.
E-mail: vu-nu@mil.ru

Предлагается к рассмотрению политический портрет эмира ас-Сенуси – будущего монарха ливийского королевства, повествуется о его борьбе за независимость страны в исторической ретроспективе. Показано стремление стран Запада – Англии, Франции и Италии сохранить контроль над Ливией после Второй мировой войны. Анализируется государственное строительство в Королевстве Ливия после признания ООН независимости этого Северо-Африканского государства в 1951 г. и до свержения монархии в результате революции альянса аль-Фатех в 1969 г. и прихода к власти лидера офицеров-юнианистов Муаммара аль-Каддафи.

Ключевые слова: орден сенуситов, представители колониальной тройки Англия, Франция и Италия, колониальная война, независимость Ливии, Ливийское королевство.

The article gives a political portrait of Emir al-Senusi - the future monarch of the Libyan kingdom. The author considers his struggle for the independence of the country in a historical retrospect. It shows the desire of Western countries - Britain, France and Italy to maintain control over Libya after the Second World War. The author analyzes the nature of state building in the kingdom of Libya after the UN recognized the independence of this North African state in 1951, until the overthrow of the monarchy as a result of the al-Fateh revolution in 1969 and the coming to power of the leader of the Junianist officers Muammar al-Gaddafi.

Keywords: order of Senusi, representatives of three colonial England, France and Italy, colonial war, the independence of Libya, Libyan kingdom.

Король Ливии Идрис I (Мухаммед Идрис аль-Махди ас-Сенуси) правил страной в период с 1951 по 1969 г. Он являлся представителем племени Хараби, исторически проживавшим в Киренаике на востоке страны, и был внуком основателя суфийского Ордена сенуситов (фото).

По мнению отечественного исследователя Ливии Г.В. Мироновой, «...в истории Ливии XX в. можно назвать ряд выдающихся деятелей, внёсших весомый вклад в получение Ливией

независимости и становление государственно-сти. Среди этих фигур наиболее крупной является эмир Идрис ас-Сенуси, почти забытый исследователями второй половины XX века. С его именем связана ливийская история с 1918 по 1969 г.» [1, с. 20].

С этим утверждением можно было бы согласиться. Однако важным, на наш взгляд, для оценки политической фигуры будущего короля было бы оценить его деятельность в более ранний период. Вернёмся к 1915 г. В это время в

Ливии шла кровопролитная колониальная война, которую вели ливийские племена против итальянских колонизаторов. Но один из сенуситских лидеров, а именно Идрис, не принимал в ней действенного участия. Вместо этого он совершил хадж в Мекку, а затем посетил Египет, где выступил против сопротивления английским колонизаторам.

Неожиданное заявление вошло в диссонанс с политикой его двоюродного брата Ахмеда аш-Шерифа, который официально представлял внешнеполитический курс Ливии. Однако сказанные Идрисом слова были услышаны в Лондоне, как того и добивался будущий монарх.

«С этого времени, – полагает английский историк Эванс Причард, – англичане стали оказывать ему (Идрису ас-Сенуси) покровительство в притязании на лидерство в Киренаике» [2, с. 98].

В феврале 1915 г. на секретных переговорах представителей колониальной тройки: Англии, Франции и Италии заявлению Идриса была дана соответствующая оценка в виде официального соглашения трёх держав признать Идриса ас-Сенуси в качестве единственного руководителя сенуситов Ливии [2, с. 138]. А уже 20 октября 1920 г. при поддержке США и Англии Идрис становится эмиром всей Киренаики.

В период создания Триполитанской республики в 1919–1922 гг. ливийцы надеялись на то, что сенуситский лидер и эмир Киренаики Идрис немедленно окажет им помощь в продовольствии и оружии и объявит войну Италии [3, с. 82–83]. Однако, опасаясь за своё политическое будущее, в декабре 1922 г. Идрис ас-Сенуси объявил, что страдает сердечным заболеванием и вынужден уехать на лечение в Египет, оставив за себя бороться с итальянскими колонизаторами сенуситского шейха Омара Мухтара, будущего национального героя Ливии, пленённого и погибшего от рук итальянского палача ливийского народа маршала Грациани.

Лечение, между тем, окажется долгим. Эмир задержится в Каире на целых 20 лет и вернётся в страну лишь после изгнания из неё итало-немецких фашистов в феврале 1943 г. в ходе последних военных операций на территории Феззана во время Второй мировой войны. Тысячи ливийцев отдали свои жизни за освобождение страны, сражаясь в так называемых «ливийских национальных силах».

Все политические манёвры Идриса вполне можно было бы отнести на счёт прагматизма ли-

бо гибкости будущего монарха. Однако, с точки зрения националистически настроенных ливийцев, его поведение выглядело как «бегство и предательство национальных интересов», по словам ливийского историка Тагер аз-Зави [4, с. 73].

Вернувшись в Киренаику вслед за ушедшими фашистами, Идрис обратился к Западу с тем, чтобы его сразу же объявили эмиром этой части страны. Но получил вежливый отказ, недвусмысленно свидетельствовавший о том, что в страну пришли не освободители, но колонизаторы. Тогда осторожный Идрис, вновь не идя на открытую конфронтацию с Англией, на которую уже давно сделал главную ставку в своей политической карьере, принимает решение вернуться в Каир для работы с ливийской политической эмиграцией и для совместной выработки стратегии национального освобождения страны [4, с. 179–180].

Не стоит забывать, что племя будущего короля и сам Орден сенуситов внесли весомый вклад в исторической ретроспективе в дело освобождения Ливии от турецких, французских и, наконец, итальянских колонизаторов. Орден сенуситов традиционно исповедовал жёсткий ислам, представлявший собой компиляцию идей суфизма (аскеты и мистики) и ваххабизма – антизападного направления политического ислама, выступавшего против миссионерской деятельности западного христианства.

Однако, в силу обстоятельств, бывший духовный лидер сенуситов стал королём Ливии именно с помощью Запада. Он сотрудничал с англичанами, которые и привели его к короне, поставив изначально во главе правительства в одной из подконтрольных им провинций Ливии (Киренаике). В дальнейшем эта вынужденная «протекция» отрицательно сказалась на его политической карьере.

Итак, Ливия получила признание как единое независимое государство в 1951 г. Ливийский монарх заплатил за создание федеративного государства высокую цену: США получили авиационную базу в Триполи Уиллус Филдз (ныне Окба бен-Нафи'а); Великобритания – авиационную и морскую базы в Тобруке; Франция – стратегические пункты в Феззани; Италия – льготные условия торговли в Ливии.

Вместе с тем король Идрис добился того, что за аренду военных баз и объектов военной инфраструктуры западные страны платили. Так, до 1960 г. США выплатили Ливии за базу ВВС в пригороде Триполи около 7 млн дол., и в последующем выплачивали по 1 млн дол. США в год.

По англо-ливийскому договору «О дружбе и сотрудничестве», подписанному в 1953 г., Лондон должен был выплачивать по 10 млн ливийских фунтов ежегодно за содержание своих баз на территории Ливии. И, наконец, Франция обязалась заплатить ливийской короне 500 млн франков за использование нескольких аэродромов в Феззани.

Для абсолютно нищей страны это были громадные деньги.

Предпосылками для создания государственного образования послужили: объединение бедуинских племён Ливийской пустыни орденом сенуситов в XIX в.; образовательная система М. аль-Махди – сеть коранических школ в завиях – опорных пунктах сенуситов, которая стала своеобразной реакцией на рост миссионерских школ, создаваемых в Ливии европейцами; военное сопротивление итальянцам, организованное ливийским шейхом Омаром аль-Мухтаром в 20–30-е гг. XX в.; и, наконец, политическая гибкость самого эмира Идриса ас-Сенуси, предпочитавшего «политические компромиссы силовым решениям» [5].

Ливия лишь на первый взгляд представляла собой единое государство. Вот что писал о нём сам король Идрис в своём дневнике: «Древнее происхождение Ливии разделило её на три части, заселённые разным по своему составу насе-

лением: полуафриканской Триполитанией, полугреческой Киренаикой и берберским Феззаном. Земледельческая Киренаика, бедуинский кочевой Феззан и приморско-городская Триполитания “стремились к автономии по расовым и моральным причинам”» [5, с. 22].

Специфика исторического развития Ливии заключалась в абсолютном господстве племенных устоев [5, с. 22], и её объединение было возможно только как конфедерация племён. В далёкой истории страны обозначились противоречия между городами, находившимися на средиземноморском побережье с их оседлым населением и кочевым населением Ливии, проживавшим на обширной пустынной территории страны. Бедуины считали, что именно от городов исходит угроза вторжения в их закрытый мир.

По мнению известных отечественных исследователей Ливии А.З. Егорина и Г.В. Мирановой, без учёта этого фактора нельзя анализировать процессы в политической сфере Ливии [5, с. 23].

К середине XIX в. процесс передвижения племён Северной Африки, которых сегодня насчитывается около 140, был в основном завершён. За каждым племенем закреплялась определённая территория, однако неудовлетворённость результатами того разделения до сих пор служит причиной межплеменных столкновений. Суть столкновений – соперничество за использование более пригодных для хозяйства земель, водных и иных природных ресурсов и получение от них прибыли. Эти разногласия ещё более обострились после открытия нефтяных месторождений в стране [6, с. 40–41].

Сенуситы смогли обеспечить порядок в Ливии при полном отсутствии органов государственного управления. Они создали в ливийской пустыне некое подобие государственного объединения разрозненных племён и сплотили их в борьбе против колонизаторов, которая продолжалась вплоть до начала Второй мировой войны. Высокая способность сенуситов к адаптации, в сложных условиях ливийского социума, подтвердила, по мнению многих российских и зарубежных исследователей, историческую востребованность сенуситского движения.

Сенуситский Ислам сыграл связующую и мобилизующую роль в борьбе ливийцев против колониального вторжения, которое угрожало навязать местному населению чуждые ему иностранные образцы государственного управления и взаимоотношений внутри страны.

Главной заслугой реформаторской деятельности сенуситов стало собственно ливийское возрождение. Основание сенуситами начальных школ изучения Корана и первого в Ливии университета в оазисе Джагбуб стали важнейшими вехами на пути создания организованной системы образования в Ливии, которая просуществовала вплоть до наших дней (60–70-е гг. XX в.). Так считает английский исследователь Т. Бланс [7, с. 106].

Культурно-просветительская деятельность сенуситов затронула только образование и литературу, поскольку социальный и культурный прогресс мыслился ими в рамках традиционного странового мировоззрения и патриархального менталитета.

Во время своего правления король Мухаммед Идрис ас-Сенуси придерживался суфийской сути сенусизма, сохранял традиции бедуинов и права кланов. Оберегал свободу племён. При этом, имея прошлый опыт неудавшихся экспериментов по созданию ливийской государственности, он не стремился активно развивать институты государственной власти в стране. Политические партии были запрещены, а те из них, которые пытались создать англичане по западному образцу, долго не просуществовали, так как не имели социальной базы. Король имел право вето на решения двухпалатного парламента и бесконечно менял состав своего правительства, снижая тем самым градус напряжённости в ливийском социуме.

Живя аскетически, он не стремился к личному обогащению. Между тем, добиваясь социальной поддержки, монарх делегировал власть в стране представителям могущественных семей, выходцам из среды племенной знати, которые и составляли его двор: министры, советники, представители администрации. Их отношения закреплялись смешанными браками. Именно лояльность монарху, а не квалификация того или иного чиновника, лежала в основе получения им важной должности в правительстве.

В борьбе за национальную независимость в XX в., король, первым в истории Ливии, предложил проект государственности и национальной стратегии, основанной на сенуситском Исламе. Это позволило сплотить кланово-племенную страну. Но Ливии не хватало международного признания. А оно могло состояться лишь в случае легитимизации Ливии международным сообществом, т.е. ООН, в качестве независимого государства.

Годы королевского правления отличались острой борьбой монархистов Ливии и бывших шейхов сенуситских завий, стремившихся восстановить свою роль в качестве религиозных вождей. Фактически послевоенное королевство представляло собой средневековое государство, основанное на родоплеменном устройстве.

На первом этапе своего правления монарх решительно выстраивал «вертикаль власти», преодолевая сопротивление внутренней триполитанской оппозиции и членов собственной семьи. Оппозиция была разгромлена к весне 1952 г. В октябре 1954 г. был казнён один из принцев королевской семьи, а 16 других (!) отправлены в ссылку в отдалённые районы страны. Затем был отправлен в отставку премьер-министр Махмуд Мухтасер – последний явный враг короля, и в Ливии была установлена авторитарная власть монарха.

На международном уровне Ливия испытывала постоянное вмешательство западных стран во внутренние дела страны. По-другому и не могло быть, так как ливийский трон был «организован» Западом.

В 1963 г. Ливия наконец приобрела характер унитарного государства: функции провинциальных правительств были переданы единому союзному правительству. В стране утвердилась конституционная монархия.

Королю Идрису пришлось пережить острую борьбу между приверженцами федеративного и унитарного государства в стране. После победы во Второй мировой войне над итало-германским фашизмом, Англия, Франция и США приложили максимум усилий для раздела Ливии, и в каждой из трёх исторических провинций страны ими была создана «оккупационная» администрация.

В стране, имевшей основой строя наследственную монархию, теперь выбиралось парламентское правительство. Все граждане становились равными перед законом, обладая равными правами и возможностями. Каждый гражданин Ливии мог получить бесплатное начальное образование, обязательное для обоих полов. Женщины Ливии получили право голоса на выборах, что было весьма прогрессивным шагом для арабского мира того времени [8].

Король придерживался конституционных принципов в том, что касалось невмешательства его правительства в дела частных лиц, частный бизнес и торговлю. И был более прогрессивным по сравнению со многими лидерами мусульман-

ских государств. В стране появилось школьное образование для девочек; высшее же образование можно было получить в университетах Триполи и Бенгази.

Как известно, одним из показателей популярности любой власти и благополучия в стране является демография: уровень рождаемости и смертности. Население Ливии быстро увеличивалось [9]. К 1968 г. оно выросло на четверть миллиона.

Король Идрис смог добиться независимости для разнорасовой, разноплеменной, разрозненной и абсолютно нищей страны и пользовался заслуженным авторитетом у своего народа. Однако жители трёх частей Ливии – Триполитании, Киренаики и Феззана – по-разному оценивали утвердившуюся в стране форму монархического правления. Вспомним, что монархия в Ливии была установлена как бы «по протекции» Запада, прежде всего Великобритании и Франции. Ливийцы же с большим недоверием относились к колониальным протекциям и бывшим колонизаторам вообще.

Вместе с тем все монархические режимы на Востоке всегда носили деспотический характер. И это обстоятельство не противоречило исламским представлениям об институте власти.

В 1955 г. король Идрис предпринял попытку преобразовать монархию в республику. Но получил решительный отказ в ООН, где «командные высоты» захватили западные державы, и монарх пришёл к выводу, что его трон сам по себе является гарантом независимости страны [1].

Однако независимость Ливии с первых дней её существования являлась формальной. В 1951 г. были заключены соглашения об обороне страны с Англией, США и Францией, дававшие право на военное присутствие контингентов этих государств на территории Ливии. Страна фактически вновь была захвачена колонизаторами, которые повели между собой экономическую войну за ресурсы Ливии. В этой борьбе США использовали свой возросший во Второй мировой войне экономический потенциал. А Великобритания умело применяла имевшийся у неё многолетний колониальный опыт, постоянно и гибко меняя тактику игры.

Но противники, они же союзники по западному альянсу, не стремились доводить ситуацию между собой до полной конфронтации. Прежде всего из-за подъёма национально-освободительного движения в Северной Африке и вообще на Ближнем Востоке.

Король Идрис выступал с патриотических позиций, пытаясь под давлением народа добиться вывода иностранных военных баз с территории Ливии. Однако очередная попытка решить проблему переговорами с Англией и США в 1967 г. провалилась. Окружение же короля и высшие чиновники королевства наживались на сотрудничестве с Западом и яростно сопротивлялись изменению существовавшего в стране положения.

Денежных средств в казне королевства для развития собственной национальной экономики явно не хватало. Немногочисленное население страны (около 4 млн) было занято кочевым скотоводством, торговлей и скудным земледелием в оазисах, которых было не слишком много.

Однако монарх пытался построить экономическую базу Ливии и для этого привлёк специалистов Всемирного банка развития, которыми был разработан проект перспективного развития страны на период 1963–1968 гг. XX в. В нём основное внимание было уделено развитию сельского хозяйства и образованию в стране [10].

Всё изменилось коренным образом с того момента, как в Ливии была найдена нефть. Ещё в период правления короля Идриса было открыто сразу 11 нефтяных месторождений в трёх её основных областях: 6 месторождений в Триполитании, 4 – в Киренаике и 1 – в Феззанае [9].

Неудивительно, что основными нефтедобывающими компаниями в 1969 г. стали компании США и Англии, контролировавшие экономику Ливии. Львиная доля от нефтяного дохода присваивалась именно этими двумя странами.

С открытием нефтяного бизнеса экономическое соперничество между США и Британией резко возросло. Вашингтон имел возможность предоставить Ливии значительно большую финансовую помощь, нежели Лондон, и поэтому позиции США в Ливии укреплялись день ото дня. Для обоснования этого утверждения достаточно привести следующие цифры. В течение 1958 г. Англия предоставила Ливии финансовую помощь в размере 3 млн фунтов стерлингов, в то время как США – 8,9 млн дол. за этот же период.

Отечественный исследователь Ливии Н.И. Прошин отмечает, что если «ливийская армия и полиция прежде обучались только англичанами, то со временем американцы всё более прибирали к рукам и эту область» [11].

Несмотря на несправедливые драконовские ограничения западных монополий, экономика

страны получала от нефти всё большую прибыль. Так, если в 1956 г. доходы от нефти составляли лишь 4,5 млн фунтов стерлингов, то в 1959 г. – 30 млн фунтов стерлингов. А в 1962–1963 гг. уже 226 млн фунтов пришли в казну Ливии. За шесть лет после открытия нефтяных месторождений в стране ВВП вырос на 58 % и в 1969 г. Ливия вышла на пятое место в мире по добыче нефти.

В рамках нового экономического плана короля главной программой была жилищная, в которой предполагалась замена хижин, где проживало 20 % населения страны, на современные дома со всеми удобствами. В соответствии с образовательной программой были построены начальные школы во всех городах и деревнях, два высших учебных заведения. Дополнительные ассигнования на сельское хозяйство от нефтяных доходов и открытие дополнительных источников пресной воды открыли новые перспективы его ведения [12].

В 1968 г. была создана первая ливийская национальная нефтяная компания, которая повела борьбу с Западом за углеводороды. Ливия стала первой арабской нефтедобывающей страной, которая взяла курс на борьбу с западными компаниями за контроль над своими нефтяными богатствами.

По мнению английского специалиста по Ливии Дж. Райта, вовсе не революционер Муаммар Каддафи, как полагают многие, был первым, кто начал борьбу против засилья западных компаний в нефтяной области, а именно король Идрис, за что и поплатился трон [13].

Согласимся с этим утверждением английского учёного, но всё же, по нашему мнению, не только это обстоятельство пошатнуло ливийский трон. Растущая национальная буржуазия, связанная с иностранным капиталом и верхушкой власти в стране, начинает тяготиться патриархально-клановыми ограничениями. Социальная база резко возросла, готовая к революционным преобразованиям. В стране шёл процесс формирования новых классов. На нефтепромыслах основную массу рабочих составляли пролетариизирующиеся крестьяне и рабочие. Кроме того, в стране появились и иностранные кадры рабочих и инженеров, что стало абсолютно новым явлением для Ливии. Значительно выросла компрадорская буржуазия. Всё более обогащалась близкая к трону знать и верхушка богословия.

Охвативший страну нефтяной бум ввёл Ливию в состояние абсолютно противоположное традиционному укладу её жизни. Предложенная королём ливийская модель экономического развития страны (без учёта нефтяного ресурса) явно отставала от тех возможностей, которые давала стране добыча нефти. В то время, когда национальных средств для освоения нефтяных месторождений не было, концессии были отданы иностранному капиталу. Затем, когда страна окрепла, необходимо было ограничить доходы иностранных владельцев от нефти, и таким образом вырастить свой ливийский капитал и свою национальную элиту [13, с. 138].

Процессы социального развития государства уже были запущены нефтяным бумом, и король не смог контролировать их.

Король стал мешать Западу, который поддерживал его до тех пор, пока он не начал борьбу за ливийскую нефть. Внутри же своей страны монархический режим ограничивал возможности зарождавшейся ливийской буржуазии. Трудно было удовлетворить все стороны сразу при осуществлении такого всеобъемлющего перераспределения. Эти причины и привели в конечном итоге к свержению короля и краху монархического режима в Ливии.

Монарх не справлялся с проблемами, вызванными неожиданно хлынувшим денежным потоком от добычи нефти. В других арабских странах члены королевских семей имели больше возможностей для обогащения, используя кроме нефти иные источники пополнения национальной казны. В Ливии же была только нефть. Ведя аскетический образ жизни, король не позволял своему окружению обогащаться, но это было выше его сил. Постепенно он потерял поддержку, как в своём ближайшем окружении, так и в кругу своей собственной немногочисленной семьи.

Кроме того, мощнейшим катализатором борьбы против «отсталых и предательских режимов» явились поражения арабов в войнах 1948 и 1967 гг. с Израилем; панарабистская позиция президента Египта Гамаль Абдель Насера, планировавшего перевороты в Ливане, Иордании, Ираке, соседнем с Ливией Тунисе.

Идрис I, монарх Ливии, всю свою жизнь посвятил осуществлению главной для себя задачи – возрождению страны и обретению ею независимости. Он сплотил социум и возглавил страну, создал государственную структуру управле-

ния, что стало само по себе великим подвигом и успехом в жизни одного человека.

Однако, несмотря на большой личный вклад в историческое развитие Ливии, король Идрис не справился с нефтяным бумом. Его корона не поддерживала идей арабского национализма и панарабизма, охватившего арабский мир, особенно после поражения арабских армий в шестидневной войне против Израиля летом 1967 г. И, наконец, требовались новые методы управления страной, а для этого нужен был человек нового поколения. Им стал патриотически настроенный ливиец, молодой офицер армии, представитель племени аль-Каддафа, Муаммар аль-Каддафи.

Литература

1. Миронова Г.В. Становление и развитие государственности в Ливии (1943–1969) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 161 с.
2. Егорин А.З., Медведко Л.И., Кукушкин В.Ю., Асадуллин Ф.А. История Ливии в новое и новейшее время. М. : Наука, 1992. 215 с.
3. Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. Триполи, 1972. 180 с.
4. Петров К.С., Луцкая Н.С., Гатауллин М.Ф. Новейшая история арабских стран (1917–1966) / Институт народов Азии АН СССР. М. : Наука, 1968. 658 с.
5. Егорин А.З., Миронова Г.В. Сенуситы в истории Ливии (1843–1969 гг.) М. : Институт востоковедения РАН, 2006. 432 с.
6. Аш-Шинити Махмуд. Кадыйя Либия (Проблема Ливии). Каир, 1951.
7. Blansam T. Libya: the Country and its People. L., 1968. 106 p.
8. The Middle East and North Africa. 1969–1970. L., 1969. 479 p.
9. De Condole E.A.V. The life and times of king Idris of Libya. Manchester, 1990. 138 p.
10. Прошин Н.И. История Ливии (конец XIX в. – 1969 г.). М. : Наука, 1975. 416 с.
11. Sunday Ghibli. Tripoli. 1959. 15.02.
12. Миронова Г.В. Формирование современных социально-политических моделей развития в странах Арабского Востока (на примере Ливии). М. : Ин-т востоковедения РАН, 2003. 84 с.

13. Write J. Libya: A Modern History. London; Canberra, 1981. 306 p.

14. Егорин А.З. История Ливии. XX век. М., 1999. 563 с.

References

1. Mironova G.V. *Stanovlenie i razvitie gosudarstvennosti v Livii (1943–1969): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Formation and Development of Statehood in Libya (1943–1969)]. Moscow, 1998, 161 p.
2. Egorin A.Z., Medvedko L.I., Kukushkin V.Yu., Asadullin F.A. *Istoriya Livii v novoe i noveishee vremya* [The History of Libya in the New and Modern Times]. Moscow: Nauka, 1992, 215 p.
3. *Taariikh Libiya munzu akdam al'-Asur*. Tripoli, 1972, 180 p.
4. Petrov K.S., Lutsкая N.S., Gataullin M.F. *Noveishaya istoriya arabskikh stran (1917–1966)* [Modern History of the Arab Countries (1917–1966)]. Institute of the peoples of Asia, USSR Academy of Sciences. Moscow: Nauka, 1968, 658 p.
5. Egorin A.Z., Mironova G.V. *Senusity v istorii Livii (1843–1969 gg.)* [Senusits in the History of Libya (1843–1969)]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2006, 432 p.
6. Ash-Shiniti Makhmud. *Kadyiya Libiya (Problema Livii)* [Problem of Libya]. Kair, 1951.
7. Blansam T. *Libya: the Country and its People*. London, 1968, 106 p.
8. *The Middle East and North Africa. 1969–1970*. London, 1969, 479 p.
9. De Condole E.A.V. *The life and times of king Idris of Libya*. Manchester, 1990, 138 p.
10. Proshin N.I. *Istoriya Livii (konets XIX v. – 1969 g.)* [History of Libya (the End of 19th Century - 1969)]. Moscow: Nauka, 1975, 416 p.
11. *Sunday Ghibli*. Tripoli. 1959, 15.02.
12. Mironova G.V. *Formirovanie sovremennykh sotsial'no-politicheskikh modelei razvitiya v stranakh Arabskogo Vostoka (na primere Livii)* [Formation of Modern Socio-political Models of Development in the Countries of the Arab East (on the Example of Libya)]. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN, 2003, 84 p.
13. Write J. *Libya: A Modern History*. London; Canberra, 1981, 306 p.
14. Egorin A.Z. *Istoriya Livii. XX vek* [History of Libya. 20th Century]. Moscow, 1999, 563 p.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCE

УДК 336.7

DOI 10.23683/0321-3056-2019-1-84-90

ФИНАНСОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ НА ОСНОВЕ ФАКТОРНОЙ МОДЕЛИ АНАЛИЗА ПРИБЫЛИ

© 2019 г. Д.А. Никитин ^а

^а Университет управления «ТИСБИ», Казань, Россия

FINANCIAL PLANNING BASED ON FACTOR ANALYSIS MODEL OF PROFIT

D.A. Nikitin ^а

^а University of Management “TISBI”, Kazan, Russia

Никитин Денис Андреевич –
аспирант,
Университет управления «ТИСБИ»,
ул. Муштары, 13, г. Казань, Республика Татарстан,
420012, Россия.
E-mail: nikden1993@mail.ru

Denis A. Nikitin –
Postgraduate,
University of Management “TISBI”,
Mushtari St., 13, Kazan, Tatarstan,
420012, Russia.
E-mail: nikden1993@mail.ru

Представлены особенности финансового планирования на основе факторной модели анализа прибыли. Обоснована необходимость применения факторного анализа в хозяйствующих субъектах, занятых в сфере сельского хозяйства, приводятся внешние и внутренние факторы, влияющие на деятельность сельскохозяйственных предприятий. Даются конкретные рекомендации по минимизации производственных затрат для увеличения прибыли. Для этого нужно постоянно проводить диагностику факторов, влияющих на величину затрат, и немедленно прекращать финансирование тех статей расходов, которые менеджмент считает недопустимыми.

Ключевые слова: финансовое планирование, прибыль, факторный анализ, резервы, выручка от продаж, себестоимость, объем продаж, уровень среднереализационных цен.

The features of financial planning based on the factor model of profit analysis are presented. The necessity of the use of factor analysis in economic entities engaged in agriculture is grounded, external and internal factors affecting the activities of agricultural enterprises are defined. Specific recommendations on minimizing production costs to increase profits are given. It is necessary to hold constant diagnose of the factors affecting the amount of expenses, and immediately stop financing those items of expenses that the management considers unacceptable.

Keywords: financial planning, profit, factor analysis, reserves, sales revenue, cost, sales, level of average sales prices.

Финансовое планирование представляет подсистему финансового механизма и важнейшую составную часть экономического и социального планирования. Спецификой финансового планирования является следующее: оно осуществляется в стоимостной форме, что обусловлено некоторой самостоятельностью движения финансов относительно материально-вещественных элементов производства, активным влиянием опо-

средованного деньгами распределения на общественное воспроизводство.

Значимость финансового планирования обусловлена тем, что бесперебойная работа хозяйствующего субъекта невозможна без наличия определенных объемов финансовых ресурсов, которые постоянно расходуются в процессе производственной деятельности на приобретение оборотных средств, оплату труда, страхо-

вых выплат и налогов, выполнение других финансовых обязательств перед поставщиками, заказчиками и на другие нужды [1].

В структуре социально-экономического прогнозирования финансовое планирование имеет большое значение. При формировании финансовых планов осуществляется проверка уровня напряженности производственных заданий, определяются возможности роста финансовых ресурсов за счет более полного использования производственных мощностей по производству продукции и улучшению ее свойств, сокращения затрат и снижения непроизводительных потерь. Наряду с этим изучаются направления сокращения потребности в финансах с учетом вовлечения в процесс производства имеющихся материальных ресурсов, ускорения оборачиваемости оборотных активов, сокращения сметной стоимости строительства, снижения затрат на содержание аппарата управления и пр. Таким образом, финансовое планирование, с одной стороны, является инструментом управления финансовыми ресурсами, с другой – активным фактором влияния на процесс общественного производства.

Непосредственный объект финансового планирования – образование и распределение доходов и накоплений, создание и применение централизованных и децентрализованных фондов финансов.

Цели финансового планирования заключаются в следующем:

1) определение источников формирования финансовых ресурсов и установление их общей величины;

2) установление оптимальной пропорции перераспределения средств между централизованными и децентрализованными фондами, сферами национального хозяйства и административно-территориальными подразделениями;

3) установление определенного направления применения ресурсов и формирования необходимых резервов [2].

Финансовое планирование деятельности хозяйствующего субъекта характеризуется притоком капитала (чистых активов), основным источником которого является прибыль от операционной деятельности.

На изменение размера прибыли влияют две группы факторов: внешние и внутренние. В частности, формирование прибыли сельскохозяйственного предприятия неразрывно связано с многочисленными внешними факторами, среди которых основными являются:

– природно-климатические условия, что придает сельскому хозяйству неустойчивость;

– сезонный характер хозяйственной деятельности, что обуславливает колебания:

а) в уровне занятости (на предприятии наблюдается сокращение численности работников);

б) в производстве и предложении продукции сельскохозяйственного происхождения (на предприятии с мая по сентябрь производство и реализация продукции идет по восходящей, затем объемы реализации замедляются; в декабре отмечается всплеск продаж сельхозпродукции, а затем вплоть до мая месяца резкое замедление объемов реализации).

Неблагоприятные природно-климатические условия отражаются на увеличении темпов роста себестоимости и прочих расходов. Нами в качестве примера взято ООО «Сельский дворик», в котором наблюдается опережение темпов роста себестоимости над темпами роста выручки.

К внутренним факторам относят факторы первого уровня соподчиненности: объем реализации, его структура, себестоимость продукции и уровень «среднереализационных» цен [3]. Для наглядного представления влияния внутренних факторов необходимо осуществить факторный анализ прибыли от продажи продукции.

Расчет влияния этих факторов на сумму прибыли можно определить способом цепной подстановки (табл. 1).

Факторный анализ прибыли от продажи продукции показал, что от продукции растениеводства и продукции животноводства предприятие получило прибыль. Рассмотрим более подробно, какие факторы оказали положительное влияние на прибыль от продажи продукции, а какие отрицательное.

Прибыль от продажи мяса КРС на предприятии сократилась на 2129,8 тыс. руб., это явилось следствием сокращения объема продаж на 22 т (на 308,8 тыс. руб.) и за счет увеличения себестоимости единицы продукции на 21233,1 руб./т (на 3163,8 тыс. руб.), при этом увеличение цен на 9011,62 руб./т увеличило прибыль на 1342,7 тыс. руб. По молоку наблюдается аналогичная ситуация. Прибыль от продажи пшеницы сократилась на 4282,9 тыс. руб., что явилось следствием сокращения объема продаж на 556,2 т (на 767,5 тыс. руб.), увеличения себестоимости единицы продукции на 171,02 руб./т. (на 495,7 тыс. руб.), уменьшения цен на 1041,86 руб./т (на 3019,7 тыс. руб.).

Таблица 1

Факторный анализ прибыли от продажи отдельных видов продукции / Factor analysis of profits from the sale of certain types of products

Вид продукции	Объем проданной продукции, т		Средняя цена продаж, руб./т		Себестоимость единицы продукции, руб./т	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Мясо КРС	171,0	149,0	95243,57	104255,19	81207,90	102441,00
Молоко	505,5	337,0	23042,55	28226,26	19458,00	27741,10
Пшеница	3454,6	2898,4	8179,52	7137,66	6799,62	6970,64
Подсолнечник	1382,3	1346,7	22666,56	19043,41	18831,40	18634,00
Соя	810,9	840,2	23285,2	21101,29	19454,60	20710,90
Ячмень	1608,5	1760,0	8303,28	7215,43	6951,52	7090,60
Прочая продукция	710,3	1285,3	10139,53	13582,51	8524,44	13462,80
Вид продукции	Сумма прибыли от продажи продукции, тыс. руб.		Изменение прибыли, тыс. руб.			
			Общая сумма	В том числе за счет		
	2017	2018		объема продаж	цены	себестоимости
Мясо КРС	2400,1	270,3	-2129,8	-308,8	1342,7	-3163,8
Молоко	1812,0	163,5	-1648,5	-604,0	1746,9	-2791,4
Пшеница	4767,0	484,1	-4282,9	-767,5	-3019,7	-495,7
Подсолнечник	5301,3	551,4	-4749,9	-136,5	-4879,3	265,9
Соя	3106,2	328,0	-2778,2	112,2	-1834,9	-1055,6
Ячмень	2174,3	219,7	-1954,6	204,8	-1914,6	-244,8
Прочая продукция	1147,2	153,9	-993,3	928,7	4425,3	-6347,2

Прибыль от продажи подсолнечника сократилась на 4749,9 тыс. руб., что явилось следствием сокращения объема продаж на 35,6 т (на 136,5 тыс. руб.) и за счет сокращения цен на 3623,15 руб./т (на 4879,3 тыс. руб.), а сокращение себестоимости единицы продукции на 197,4 руб./т увеличило прибыль на 265,9 тыс. руб. Прибыль от продажи сои и ячменя сократилась, соответственно, на 2778,2 и 1954,6 тыс. руб., что явилось следствием сокращения цен и увеличения себестоимости единицы продукции. Во многом сокращение прибыли объясняется сокращением реализации продукции сельского хозяйства (мясо КРС, молоко, пшеница). Также большое значение имеет рост себестоимости единицы продукции (мясо КРС, молоко, пшеница, соя, ячмень, прочая продукция), что тоже привело к сокращению прибыли. Снижение цен на пшеницу, подсолнечник, сою, ячмень повлияло на снижение прибыли по данным видам продукции. Это свидетельствует о том, что необходимо повышать урожайность и рассматривать вопрос о некотором увеличении цены на сельскохозяйственную продукцию.

Помимо отмеченных ранее факторов, прибыль от продажи продукции формируется под воздействием двух основных факторов – выручки и себестоимости, это обусловило необходимость их детального рассмотрения. Для выявления

причин увеличения выручки на предприятии осуществлен ее факторный анализ от продажи продукции (табл. 2). По итогам факторного анализа выручки можно сделать следующий вывод: выручка от продажи продукции в 2018 г. по сравнению с 2017 г. сократилась на 7692 тыс. руб. На это повлияли сокращение цен на продукцию и сокращение объема продаж по некоторым видам продукции.

В частности, выручка от продажи мяса КРС сократилась на 753 тыс. руб. На это сокращение отрицательное влияние оказал только один фактор – сокращение объема продаж на 22 ц, что привело к сокращению выручки на 2095 тыс. руб. Аналогичная ситуация наблюдается по молоку. Здесь отрицательное влияние на сокращение выручки оказал также фактор снижения объема продаж.

Выручка от продажи пшеницы сократилась на 7569 тыс. руб. На это сокращение отрицательное влияние оказали два фактора – сокращение объема продаж на 556,2 ц, что привело к сокращению выручки на 4549 тыс. руб., а также сокращение цены на 1041,86 руб./ц, что привело к сокращению выручки на 3020 тыс. руб. Аналогичная ситуация наблюдается по подсолнечнику. Здесь отрицательное влияние на сокращение выручки оказали также снижение объема продаж и снижение цены.

**Факторный анализ выручки от продажи основных видов продукции
/ Factor analysis of revenue from the sale of basic products**

Вид продукции	Цена, руб.		Объем продаж, ц		Выручка за 2018 г., руб.	Условная выручка, руб.	Выручка за 2017 г., руб.	Изменения, руб.		
	2017 г.	2018 г.	2017 г.	2018 г.				всего	цены	объема продаж
Мясо КРС	95243,57	104255,19	171,0	149,0	15534023,31	14191291,93	16286650,00	-752627,20	1342731,38	-2095358,54
Молоко	23042,55	28226,26	505,5	337,0	9512249,62	7765339,35	11648009,00	-2135759,00	1746910,27	-3882669,68
Пшеница	8179,52	7137,66	3454,6	2898,4	20687793,74	23707520,77	28256970,00	-7569176,00	-3019727,02	-4549449,02
Подсолнечник	22666,56	19043,41	1382,3	1346,7	25645760,25	30525056,35	31331986,00	-5686226,00	-879296,11	-806929,54
Соя	23285,2	21101,29	810,9	840,2	17729303,86	19564225,04	18881969,00	-1152665,00	-1834921,18	682256,36
Ячмень	8303,28	7215,43	1608,5	1760,0	12699156,80	14613772,80	13355826,00	-656669,10	-1914616,00	1257946,92
Прочая продукция	10139,53	13582,51	710,3	1285,3	17457600,10	13032337,91	7202108,00	10255492,00	4425262,19	5830229,75

Факторный анализ себестоимости продажи основных видов продукции / Factor analysis of the self-cost of main products sales

Вид продукции	Затраты на 1 ц продукции, руб.		Объем продаж, ц		Себестоимость за 2018 г., руб.	Условная себестоимость, руб.	Себестоимость за 2017 г., руб.	Изменения		
	2017 г.	2018 г.	2017 г.	2018 г.				всего	В т.ч. за счет	
									затраг на 1 ц	объема производства
Мясо КРС	81207,90	102441,00	171,0	149,0	15263709,00	12099977,10	13886551,00	1377158,00	3163731,90	-1786573,80
Молоко	19458,00	27741,10	505,5	337,0	9348750,70	6557346,00	9836019,00	-487268,30	2791404,70	-3278673,00
Пшеница	6799,62	6970,64	3454,6	2898,4	20203702,98	19708018,61	23489967,00	-3286264,00	495684,37	-3781948,64
Подсолнечник	18831,40	18634,00	1382,3	1346,7	25094407,80	25360246,38	26030644,00	-96236,40	-265838,58	-670397,84
Соя	19454,60	20710,90	810,9	840,2	17401298,18	16345754,92	15775735,00	1625563,00	1055543,26	570019,78
Ячмень	6951,52	7090,60	1608,5	1760,0	12479456,00	12234675,20	11181520,00	1297936,00	244780,80	1053155,28
Прочая продукция	8524,44	13462,80	710,3	1285,3	17303736,84	10956462,73	6054909,70	11248827,00	6347274,11	4901553,00

Выручка от продажи сои сократилась на 657 тыс. руб. На это сокращение отрицательное влияние оказал только один фактор – сокращение цены на 2183,91 руб./ц, что привело к сокращению выручки на 1835 тыс. руб. Аналогичная ситуация наблюдается по ячменю. Здесь отрицательное влияние на сокращение выручки оказал также фактор снижения цены.

Проведенный факторный анализ подтверждает, что на уровень выручки от продажи продукции влияют цены и объем продаж.

Вторым важным фактором, влияющим на прибыль предприятия, является себестоимость продукции [4]. За анализируемый период затраты в абсолютном выражении выросли. Причины увеличения затрат можно увидеть на основе факторного анализа себестоимости продукции предприятия (табл. 3).

По результатам факторного анализа можно заметить, что за анализируемый период затраты

в абсолютном выражении выросли. Данные факторного анализа свидетельствуют о том, что на предприятии произошло увеличение себестоимости продажи мяса КРС, сои и ячменя. На это в большей степени повлиял рост затрат на реализацию продукции. Все это указывает на необходимость разрабатывать мероприятия по минимизации производственных затрат, что приведет к увеличению прибыли.

Полагаем целесообразным в ООО «Сельский дворик» постоянно проводить диагностику факторов, влияющих на величину затрат и принимать решение о немедленном прекращении финансирования тех статей расходов, которые менеджмент считает недопустимыми.

Возможна следующая последовательность действий:

1) Проведение максимально детальной инвентаризации расходов предприятия (табл. 4).

Таблица 4

Структура расходов ООО «Сельский дворик» за 2016–2018 гг.
/ Structure of expenses of “Selskiy dvorik” for 2016-2018

Расходы	Сумма, тыс. руб.			Динамика	2018 г. к 2016 г.
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	абс. откл.	%
Материальные расходы, тыс. руб.:	58916	66911	74420	15504	126,3
– сырье и материалы	45212,2	50034,3	54239,5	9027,3	120,0
– электроэнергия	13703,8	16876,7	20180,5	6476,7	147,3
Расходы на оплату труда, тыс. руб.	34204	37801	40896	6692	119,6
Амортизация, тыс. руб.	1166	1540	1781	615	152,7
Проценты к уплате, тыс. руб.	2442	2368	931	-1511	38,1
Прочие расходы, тыс. руб., в т. ч.:	1374	14462	5175	3801	376,6
– аренда, тыс. руб.	456,2	9611,8	2480,8	2024,6	543,8
– расходы на содержание служебного транспорта, тыс. руб.	709,7	1928,5	986,6	276,9	139,0
– расходы на рекламу, тыс. руб.	47,2	137,9	78,1	30,9	165,5
– расходы на канцтовары, тыс. руб.	7,9	25,1	14,4	6,5	182,3
– расходы на оплату услуг связи, тыс. руб.	27,1	80,3	43,3	16,2	159,8
– услуги сторонних органов, тыс. руб., в т. ч.:	-	2287,2	1336,3	241,2	122,0
– затраты на информационные технологии	125,9	391,2	235,5	109,6	187,1
Итого расходов	98102	123082	123203	25101	125,6

Детальная инвентаризация расходов показывает, что предприятием в 2018 г. было заплачено: 14,4 тыс. руб. за канцелярские товары; 986,6 тыс. руб. на содержание служебного транспорта; 43,3 тыс. руб. за услуги связи; 78,1 тыс. руб. за рекламу – это очень большие суммы.

2) Определение категории каждой статьи расходов и анализ последствий отказа от неоправданных трат. Разрабатывать и принимать управленческие решения рекомендуется на заседании коллектива.

Следует проводить детальный контроль за накладными расходами. В число накладных расходов большинства предприятий входят затраты на телекоммуникации (связь), электроэнергию, транспорт. Ниже рассмотрим ряд возможных мер по «быстрому» сокращению этих категорий расходов, основанных на опыте аналогичных предприятий:

- транспорт: ограничить число служебных машин [5];
- телекоммуникации (связь): сократить список сотрудников, которым оплачивается мо-

бильная связь, установить для каждого лимит по расходам;

– затраты на информационные технологии: принять решение о стандартизации компьютер-

ного оборудования и программного обеспечения в компании [6].

Определим величину возможного сокращения накладных расходов в табл. 5.

Таблица 5

Определение величины экономии накладных расходов по ООО «Сельский дворик» на 2019 г. / Determination of saving overhead expenses for “Selskiy dvorik” for 2019

Статьи затрат	2018 г.	2019 г.	Отклонение, тыс. руб.	Темп снижения, %	Процент снижения, %
Транспортные расходы, тыс. руб.	986,6	863,3	-123,3	87,50	12,50
Электроэнергия, тыс. руб.	20180,5	18667,0	-1513,5	92,50	7,50
Связь, тыс. руб.	43,3	39,0	-4,3	90,00	10,00
Затраты на информационные технологии, тыс. руб.	235,5	223,7	-11,8	95,00	5,00
Итого	21445,9	19793,0	-1652,9	92,37	7,63

Анализируя данные табл. 5, можно отметить, что за счет предлагаемых мероприятий: транспортные расходы сократятся на 12,5 %, или на 123,3 тыс. руб.; расходы на электроэнергию уменьшатся на 7,5 %, или на 1513,5 тыс. руб.; расходы на связь станут меньше на 10 %, или на 4,3 тыс. руб.; расходы на информационные технологии – на 5 %, или на 11,8 тыс. руб.

Наибольшее сокращение будет по электроэнергии – 1513,5 тыс. руб. Общая сумма эконо-

мии накладных расходов составит 1652,9 тыс. руб. Предприятию было рекомендовано проводить контроль за расходами, а именно было принято решение о частичном прекращении финансирования таких расходов (сокращение на 10 %), как затраты на канцелярию и на рекламу.

Бюджет расходов на 2019 г. с учетом внедрения системы контроля за расходами представлен в табл. 6.

Таблица 6

Бюджет расходов на 2019 г. в ООО «Сельский дворик» с учетом внедрения системы контроля за расходами / The budget of expenses for 2019 in the “Selskiy dvorik” taking into account the implementation of the cost control system

Показатели	2018 г.	2019 г.	Отклонение, млн руб.	Темп роста, %
Материальные расходы, тыс. руб., в т. ч.:	74420	72906,5	-1513,5	98,0
– сырье и материалы	54239,5	54239,5	0	100,0
– электроэнергия	20180,5	18667,0	-1513,5	92,5
Расходы на оплату труда, тыс. руб.	40896	40896	0	100,0
Амортизация, тыс. руб.	1781	1781	0	100,0
Проценты к уплате, тыс. руб.	931	931	0	100,0
Прочие расходы, тыс. руб., в т. ч.:	5175	5026,4	-148,6	97,1
– аренда, тыс. руб.	2480,8	2480,8	0	100,0
– расходы на содержание служебного транспорта, тыс. руб.	986,6	863,3	-123,3	87,5
– расходы на рекламу реализуемой продукции, тыс. руб.	78,1	70,3	-7,8	90,0
– расходы на канцелярские товары, тыс. руб.	14,4	13,0	-1,4	90,0
– расходы на оплату услуг связи, тыс. руб.	43,3	39,0	-4,3	90,0
– услуги сторонних органов, тыс. руб.:	1336,3	1336,3	-	100,0
– затраты на информационные технологии	235,5	223,7	-11,8	95,0
Итого расходов	123203	121540,9	-1662,1	98,7

Как отмечено ранее, в сумму накладных расходов большинства предприятий входят затраты на телекоммуникации, электроэнергию, транспорт [7]. На предприятии было решено сократить данные расходы. Например,

ввести программы экономии электроэнергии; ограничить освещение помещения и территории в темное время суток; ограничить число служебных машин; сократить список сотрудников, которым оплачивается мобильная связь,

установить для каждого лимит по расходам; принять решение о стандартизации компьютерного оборудования и программного обеспечения; желательно заключить соглашение с

крупным поставщиком на пакетное обслуживание.

Определим экономический эффект на 2019 г. (табл. 7).

Таблица 7

Обоснование предложений по повышению прибыли предприятия ООО «Сельский дворик» на 2019 г. / Justification of proposals to increase the profit of the company “Selskiy dvorik” for 2019

Показатель	2018 г.	Прирост	2019 г.
Выручка от продаж, тыс. руб.	119268	–	119268,0
Себестоимость продаж, тыс. руб.	117097	-1513,5	115583,5
Валовая прибыль, тыс. руб.	2171	1513,5	3684,5
Прибыль от продаж, тыс. руб.	2171	1513,5	3684,5
Рентабельность продаж, %	1,82	–	3,09
Проценты к уплате, тыс. руб.	931	–	931
Прочие доходы, тыс. руб.	4409	–	4409
Прочие расходы, тыс. руб.	5175	-148,6	5026,4
Прибыль до налогообложения, тыс. руб.	474	1662,1	2136,1
Чистая прибыль, тыс. руб.	474	1662,1	2136,1

Таким образом, на 2019 г. будет получена планируемая прибыль в сумме 1662,1 тыс. руб. и чистая прибыль составит 2136,1 тыс. руб.

Литература

1. Салихов Б.В. Экономическая теория : учебник. М. : Дашков и К, 2016. С. 556.
2. Абдукаримов И.Т., Беспалов М.В. Анализ финансового состояния и финансовых результатов предпринимательских структур : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2011. С. 139–155.
3. Сироткин В. Б., Трофимова Н. Н. Организация, планирование и управление фирмой : учеб. пособие. СПб. : СПбГУАП, 2014. С. 155.
4. Гудкова Т.В., Заздравных А.В., Улупова В.Л. Современная фирма: поведение, стратегии и культура : учеб. пособие. М. : Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018. С. 63.
5. Литвин М.И. Прогнозирование прибыли на основе факторной модели // Финансовый менеджмент. 2012. № 6.
6. Океанова З. К. Экономическая теория: учебник. М. : Дашков и К, 2015. С. 423.
7. Вершигора Е.Е. Менеджмент. М. : ИНФРА-М, 2017. С. 156.

References

1. Salikhov B.V. *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic Theory]. Textbook. Moscow: Dashkov i K, 2016, p. 556.
2. Abdukarimov I.T. Bepalov M.V. *Analiz finansovogo sostoyaniya i finansovykh rezul'tatov predprinimatel'skikh struktur* [Analysis of the Financial Condition and Financial Results of Business Structures]. Student's Book. Moscow: INFRA-M, 2011, pp. 139-155.
3. Sirotkin V.B., Trofimova N.N. *Organizatsiya, planirovanie i upravlenie firmoi* [Organization, Planning and Management of the Company]. Student's Book. Saint Petersburg: SPBGUAP, 2014, p. 155.
4. Gudkova T.V., Zazdravnykh A.V., Ulupova V.L. *Sovremennaya firma: povedenie, strategii i kul'tura* [Modern Company: Behavior, Strategy and Culture]. Student's Book. Moscow: Ekonomicheskii fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 2018, p. 63.
5. Litvin M.I. *Prognozirovanie pribyli na osnove faktornoi modeli* [Profit Forecasting Based on a Factor Model]. *Finansovyi menedzhment*. 2012, No. 6.
6. Okeanova Z.K. *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic Theory]. Textbook. Moscow: Dashkov and K, 2015, p. 423.
7. Vershigora E.E. *Menedzhment* [Management]. Moscow: INFRA-M, 2017, p. 156.

УДК 338.45

DOI 10.23683/0321-3056-2019-1-91-98

АНАЛИЗ И ОЦЕНИВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ РОССИИ

© 2019 г. И.А. Полякова^а, Ю.И. Иващенко^а, Н.В. Толстик^а

^а Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

ANALYSIS AND ASSESSMENT OF INTERRELATIONS IN THE ENTREPRENEURSHIP ENVIRONMENT OF RUSSIA

I.A. Polyakova^а, Yu.I. Ivashchenko^а, N.V. Tolstik^а

^а Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Полякова Ирина Абрамовна –
доктор экономических наук, профессор, кафедра
статистики, эконометрики и оценки рисков,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
ул. Б. Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия.
E-mail: uef2@rsue.ru

Irina A. Polyakova -
Doctor of Economics, Professor,
Department of Statistics, Econometrics
and Risk Assessment,
Rostov State University of Economics,
B. Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: uef2@rsue.ru

Иващенко Юлия Ивановна –
кандидат экономических наук,
старший преподаватель, кафедра статистики,
эконометрики и оценки рисков,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
ул. Б. Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия.
E-mail: uef2@rsue.ru

Yulia I. Ivashchenko -
Candidate of Economics, Senior Lecturer,
Department of Statistics, Econometrics
and Risk Assessment,
Rostov State University
of Economics,
B. Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: uef2@rsue.ru

Толстик Надежда Владимировна –
доктор экономических наук, профессор, кафедра
статистики, эконометрики и оценки рисков,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
ул. Б. Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия.
E-mail: uef2@rsue.ru

Nadezhda V. Tolstik -
Doctor of Economics, Professor,
Department of Statistics, Econometrics
and Risk Assessment,
Rostov State University of Economics,
B. Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: uef2@rsue.ru

Приводится аналитический обзор эволюции применения композитных индексов в странах Европейского сообщества и в России. Последние отражают лишь субъективное восприятие происходящих изменений участниками экономических процессов, что представляется весьма значимым, как в плане сопоставления с объективными оценками, так и в плане отражения деловой активности в экономике, так и в отслеживании динамики делового цикла. Осуществлен расчет композитных индексов, что позволило получить субъективную оценку их тесной взаимосвязи и восприятия менеджментом России состояния предпринимательской среды по ряду сфер экономической деятельности с учетом специфики их развития.

Ключевые слова: индекс, деловая активность, хозяйствующий субъект, предпринимательство, метод, эффективность, анализ.

The article provides an analytical review of the evolution of composite indices in the European community and in Russia. The latter reflect only a subjective perception of the changes by the participants of economic processes, which is very important, both in terms of comparison with objective assessments, and in terms of reflection of business activity in the economy, and in tracking the dynamics of the business cycle. The authors calculated composite

indices, which allowed to obtain a subjective assessment of their close relationship and the perception of the Russian management of the state of the business environment in a number of areas of economic activity, taking into account the specifics of their development.

Keywords: *index, business activity, economic entity, entrepreneurship, method, efficiency, analysis.*

Деятельность хозяйствующих субъектов по выпуску и реализации продукции, главным образом, определяется соотношением спроса и предложения, складывающемся на рынке. Наряду с этим, выпуск продукции, обладающей высоким уровнем конкурентоспособности, является приоритетной задачей, как в производственной деятельности каждого отдельного субъекта хозяйственной деятельности, так и экономики в целом. Исходя из отмеченного, состояние и динамика показателей, характеризующих деловую активность хозяйственной среды выступает в качестве одного из важнейших факторов, определяющего финансово-экономическую стабильность рынка.

В экономической литературе имеют место различные подходы к сущности категории «деловая активность». Известный российский специалист в области финансового анализа В.В. Ковалев определяет дефиницию «деловая активность» в широком смысле слова, как спектр усилий, направленных на продвижение фирмы на рынках продукции, труда, капитала [1]. В контексте осуществления анализа финансово-хозяйственной деятельности, термин «деловая активность» понимается и в более узком смысле – как текущая производственная и коммерческая деятельность компании [2]. При этом деловая активность коммерческой организации проявляется в динамичности и стабильности ее развития, достижении поставленных целей, эффективном использовании человеческого и социально-экономического потенциала, расширении рынков сбыта продукции (услуг).

Среди факторов, оказывающих влияние на категорию «деловая активность» субъектов хозяйственной деятельности, представляется целесообразным выделить следующие: устойчивость экономического развития; соблюдение заданных темпов развития; степень выполнения бизнес-плана; наличие определенного уровня эффективности использования наличных ресурсов; широта охвата рынков сбыта собственной продукцией, включая наличие поставок продукции на экспорт; наличие обоснованных и взвешенных перспектив развития.

Деловая активность имеет тесную взаимосвязь с другими важнейшими характеристиками

хозяйствующего субъекта. Подчеркнем, что данная категория оказывает влияние на ряд приоритетных направлений экономической деятельности: инвестиционную привлекательность, финансовую устойчивость, кредитоспособность и другие составляющие деятельности хозяйствующего субъекта. Высокий уровень деловой активности субъекта хозяйствования мотивирует потенциальных инвесторов к осуществлению операций с активами данной компании.

Уровень деловой активности, в качестве характеристики процесса эффективности функционирования коммерческой структуры, оценивается на основе ряда статистических показателей. Информационной базой для анализа деловой активности традиционно является бухгалтерская отчетность субъекта хозяйствования и данные специально организованных статистических наблюдений. К числу последних относятся обследования делового климата для выявления наличия бизнес-тенденций, осуществляемые органами Федеральной службы государственной статистики с целью оперативного получения информации о состоянии и динамике опережающих индикаторов в различных секторах экономики с целью учета изменения конъюнктуры и делового климата.

В Европе обследования бизнес-тенденций впервые были проведены в Германии ИФО-Институтом (1949 г.) и через год еще в двух странах: NSEE во Франции и ISCO в Италии. В настоящее время обследования состояния бизнеса и потребителей проводятся более чем в 50 странах мира. Быстрое распространение технологий изучения мнений экономических агентов в 50-е гг. прошлого века привело к тому, что в 1961 г. Генеральный Директорат по экономическим и финансовым делам Комиссии Европейского Сообщества (Directorate General for Economic and Financial Affairs – DG ECFIN) на основе консультаций с национальными экспертами разработал Единую Европейскую Гармонизированную Программу проведения бизнес- и потребительских обследований [2]. Ее разработка была продиктована необходимостью выработки общего европейского взгляда на исследуемую проблему. Первым гармонизированным обследованием стало бизнес-обследование про-

мышленности, проведенное в 1962 г. С тех пор масштаб и число секторов, охваченных обследованиями, значительно увеличилось, и в настоящее время их общее число превышает 300 ед., которые проводятся в 55 странах мира [3, 4].

Обследования делового климата представляют метод сбора информации от определенного числа единиц – субъектов хозяйствования, составляющих выборку, цель которого – получение аналитических выводов о тенденциях, складывающихся в генеральной совокупности.

В процессе обследований осуществляется анкетный опрос, как правило, высшего менеджмента хозяйствующих субъектов, попавших в выборку, которых должны оценить и предсказать тенденции развития, непосредственно связанные с их конкретным видом деятельности, или выразить свое мнение относительно динамики экономических показателей.

Система показателей конъюнктурных обследований деловой активности в рамках проведения обследований делового климата в отдельных секторах экономики включает ряд укрупненных блоков:

- постоянные вопросы для каждого обследования, в том числе Гармонизированные показатели, рекомендованные ОЭСР и ЕК;

- специальные вопросы, систематически повторяющиеся в течение ряда обследований, и относящиеся к изучению устойчивых специфических тенденций в отдельных отраслях экономики России;

- специальные вопросы, относительно процессов и явлений, либо только зарождающихся, либо инерционных в своем развитии.

Информационной базой формирования аналитических выводов о тенденциях делового климата в отдельных сферах экономики являются значения удельных весов оценок, данных респондентами относительно уровня или динамики показателей предпринимательской деятельности.

В качестве индикаторов используются оценки значений показателей, которые определяются в виде разности долей респондентов, отметивших «увеличение» и «снижение» значения показателя относительно предыдущего периода, или в виде разности долей респондентов, отметивших уровень показателя «выше» или «ниже» уровня, сложившегося в обследуемом периоде.

На основе балансов оценок значений показателей рассчитываются агрегатные индексы. Наиболее распространенными в международной

практике являются следующие: индекс предпринимательской уверенности, индекс экономического настроения, индекс делового климата, характеризующие обобщенное состояние предпринимательского поведения в отдельных секторах экономики. Данные индексы входят в систему обязательных гармонизированных европейских композитных индикаторов.

В отдельных видах деятельности расчет индекса предпринимательской уверенности имеет свои особенности, что отражено ниже.

В секторе добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производствах, обеспечении электрической энергией, газом и паром; кондиционировании воздуха индекс предпринимательской уверенности рассчитывается в виде среднего арифметического значения балансов оценок фактически сложившихся уровней спроса, запасов готовой продукции и ожидаемого выпуска продукции.

В строительстве индекс предпринимательской уверенности определяется как среднее арифметическое значение балансов оценок уровня формирования портфеля заказов и ожидаемого изменения численности занятых, ибо число последних определяется объемами заказов.

В розничной торговле индекс предпринимательской уверенности рассчитывается в виде среднего арифметического значения балансов оценок фактического экономического положения субъекта хозяйствования, уровня складских запасов и ожидаемого экономического состояния.

В потребительском секторе индекс потребительской уверенности рассчитывается как среднее арифметическое значение балансов оценок благоприятности условий для покупок и сложившихся и ожидаемых изменений в экономике страны и личного материального положения.

В сфере услуг индекс предпринимательской уверенности определяется как среднее арифметическое значение балансов оценок изменения в экономике и ожидаемого изменения спроса на услуги.

В настоящее время в Российской Федерации проводятся следующие конъюнктурные обследования: ежемесячный мониторинг деловой активности свыше 3 тыс. крупных и средних предприятий по ряду видов деятельности; в строительстве ежеквартально обследуется около 7 тыс. организаций, различных форм собственности и числа занятых; в торговле ежеквартально обследуется свыше 4 тыс. организаций розничной торговли, различных по среднему одно-

дневному товарообороту и числа занятых; в сфере услуг ежеквартально обследуются свыше 5,6 тыс. организаций различных видов деятельности; потребительские ожидания населения обследуются ежеквартально – 5,0 тыс. чел. в возрасте 16 лет и старше, проживающих в частных домохозяйствах во всех субъектах страны [5, 6].

Данные конъюнктурные обследования являются репрезентативными, представлены по территориальному признаку, охватывают все группы субъектов хозяйствования в разрезе их размера и формы собственности.

Следует отметить, что для проведения конъюнктурных обследований применяются композитные индексы, отражающие субъективное восприятие предпринимателями складывающихся изменений. Несмотря на такого рода субъективность, данный вид индексов обладает достаточно сильными свойствами предсказания развития ситуации. Практика подтверждает, что максимальные и минимальные значения этого вида индексов предшествуют спаду или подъему в экономическом цикле.

Наряду с этим перечисленные выше индексы имеют ярко выраженные сезонные колебания, поэтому для их агрегирования и проведения дальнейшего анализа необходимо исключить фактор сезонности, что осуществлено на основе применения ППП STATISTICA 10.0 с использованием аддитивной модели. Это позволило перейти к стационарным временным рядам на уровне значимости $p < 0,01$, а также получить прогнозные значения рассматриваемых показателей на 2018 г. (рис. 1).

Отметим, что в целом за рассматриваемый период значение индекса инновационной активности хозяйствующих субъектов снизилось на 8,5 %. Тенденция к снижению значения рассматриваемого показателя наблюдалась, начиная с 2014 г., после его незначительного увеличения в 2011–2013 гг. Значения индексов предпринимательской уверенности в добывающих отраслях, обрабатывающих производствах, торговле и сфере услуг имели сходные тренды с значениями индекса потребительской уверенности, а именно: после роста уровня предпринимательской уверенности в 2010–2012 гг., отмечался резкий спад его значения в 2013–2015 гг. и далее вновь наблюдалась тенденция роста рассматриваемых показателей в 2016–2017 гг. Наряду с этим значение индекса деловой

активности оставалось без существенных изменений на протяжении всего рассматриваемого периода.

Таким образом, на основе исследования динамики значений индексов предпринимательской и потребительской уверенности, и индексов инновационной и деловой активности хозяйствующих субъектов, авторами выдвинута гипотеза о наличии ряда существенных стохастически детерминированных взаимосвязей между ними, рассматриваемыми показателями.

Поскольку рассматриваемые индексы представляют собой экспертные оценки, то для оценки наличия связи между ними был выбран метод расчета коэффициентов ранговой корреляции Спирмена [7].

Динамика рассматриваемых показателей с исключением фактора сезонности представлена на рис. 2.

Учитывая, что расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена относится к методам непараметрического анализа, проверки на нормальность распределения не требуется и сопоставляемые показатели могут быть измерены как в непрерывной, так и в порядковой шкале.

$$\rho_{xy} = 1 - \frac{6 \sum_1^n d^2}{n(n^2 - 1)},$$

где x и y – ряды сопоставляемых признаков; d – разность рангов между y и x ; n – число признаков.

Оценка достоверности коэффициента корреляции, на основе метода ранговой корреляции осуществлена с помощью t -критерия Стьюдента.

Расчет и оценка значимости ранговых коэффициентов корреляции Спирмена на уровне значимости $\alpha = 0,05$ произведены на основе ППП STATISTICA 10.0 (таблица).

Таким образом, расчет ранговых коэффициентов корреляции Спирмена показал наличие статистически значимой линейной, весьма тесной взаимосвязи между значениями индекса деловой активности и индекса потребительской уверенности, а также прямой тесной взаимосвязи между значениями индекса деловой активности и индекса предпринимательской уверенности в добывающих отраслях, обрабатывающих производствах, строительстве и сфере услуг.

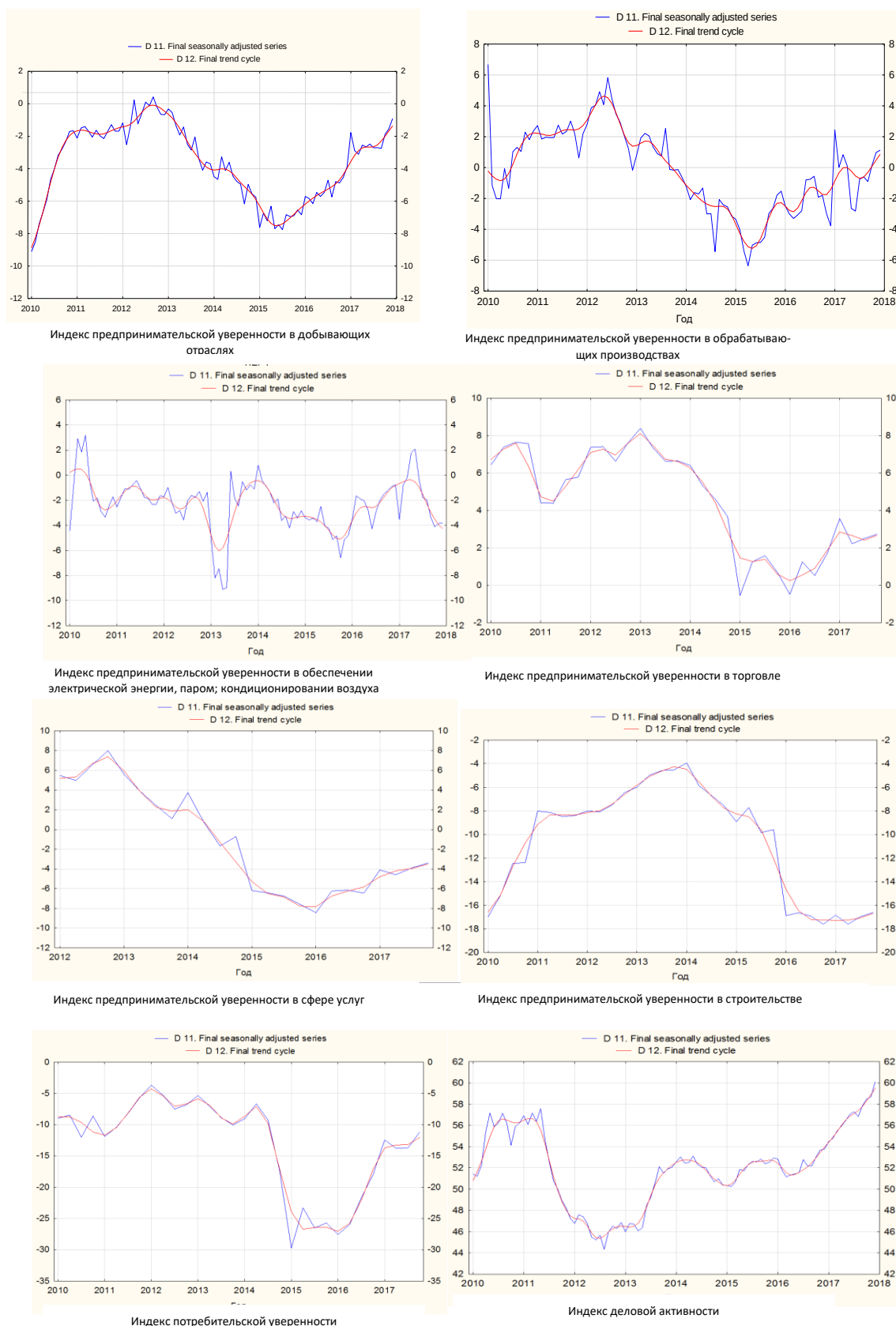

Рис. 1. Временные ряды и тренды наблюдений с устранением сезонной компоненты
/ Fig. 1. Time series and trends of observations with the elimination of the seasonal component

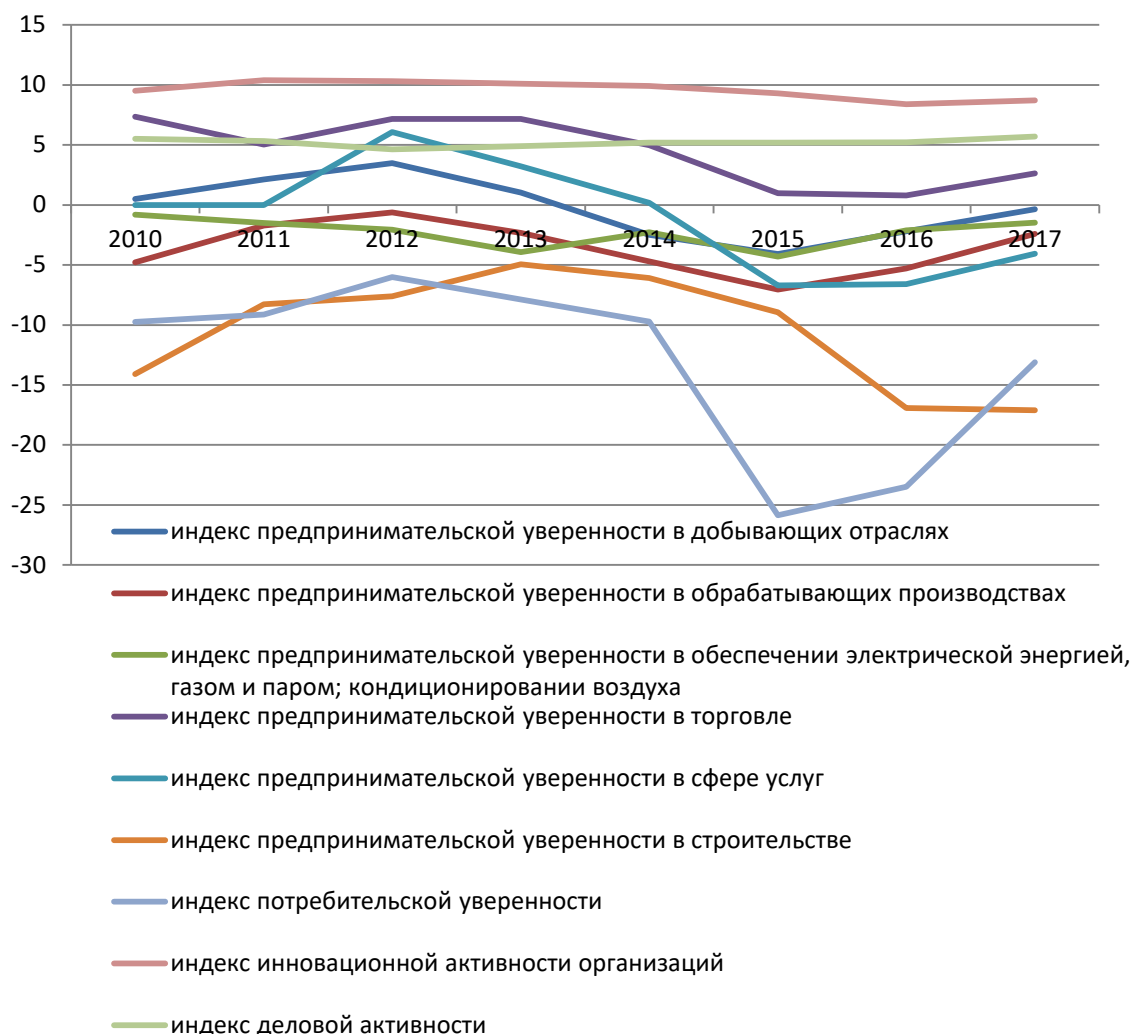

Рис. 2. Динамика индексов предпринимательской и потребительской уверенности, инновационной и деловой активности организаций в основных секторах экономики России с исключением сезонной компоненты / Fig. 2. Dynamics of indices of entrepreneurial and consumer confidence, innovation and business activity of organizations in the main sectors of the Russian economy with the exception of the seasonal component

В свою очередь, следует отметить наличие положительной, весьма тесной корреляционной связи между значением индекса потребительской уверенности и всеми рассматриваемыми показателями, кроме индекса предпринимательской уверенности в сферах: обеспечение электрической энергией, газом, паром; кондиционировании воздуха и значением индекса инновационной активности.

Наряду с этим отметим наличие статистически значимой тесной обратной связи между значениями индекса инновационной активности и

индекса предпринимательской уверенности в строительстве, прямой тесной связи между значением индекса инновационной активности и индекса предпринимательской уверенности в сферах: обеспечение электрической энергией, газом, паром; кондиционировании воздуха.

Значение индекса предпринимательской уверенности в строительстве тесно коррелирует со значением индекса предпринимательской уверенности в сфере услуг и значениями индексов деловой активности и потребительской уверенности.

Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена (значимые выделены, $\alpha=0,05$)
/ Spearman's rank correlation coefficients (significant are highlighted, $\alpha = 0.05$)

	Индекс предпринимательской уверенности в добывающих отраслях	Индекс предпринимательской уверенности в обрабатывающих производствах	Индекс предпринимательской уверенности в обеспечении электрической энергией, газом, паром; кондиционировании воздуха	Индекс предпринимательской уверенности в торговле	Индекс предпринимательской уверенности в сфере услуг	Индекс предпринимательской уверенности в строительстве	Индекс потребительской уверенности	Индекс деловой активности	Индекс инновационной активности
Индекс предпринимательской уверенности в добывающих отраслях	1,00	0,88	0,45	0,71	0,69	0,29	0,83	0,71	-0,17
Индекс предпринимательской уверенности в обрабатывающих производствах	0,88	1,00	0,29	0,57	0,79	0,45	0,90	0,79	-0,24
Индекс предпринимательской уверенности в обеспечении электрической энергией, газом, паром; кондиционировании воздуха	0,45	0,29	1,00	0,43	0,07	-0,52	0,12	0,02	0,71
Индекс предпринимательской уверенности в торговле	0,71	0,57	0,43	1,00	0,75	0,43	0,74	0,67	-0,14
Индекс предпринимательской уверенности в сфере услуг	0,69	0,79	0,07	0,75	1,00	0,74	0,96	0,74	-0,49
Индекс предпринимательской уверенности в строительстве	0,29	0,45	-0,52	0,43	0,74	1,00	0,71	0,74	-0,74
Индекс потребительской уверенности	0,83	0,90	0,12	0,74	0,96	0,71	1,00	0,86	-0,45
Индекс деловой активности	0,71	0,79	0,02	0,67	0,74	0,74	0,86	1,00	-0,40
Индекс инновационной активности	-0,17	-0,24	0,71	-0,14	-0,49	-0,74	-0,45	-0,40	1,00

Полученное значение индекса предпринимательской уверенности в сфере услуг отражает прямую корреляционную взаимосвязь со значением индекса предпринимательской уверенности в обрабатывающих производствах, торговле и строительстве, а также значениями индексов потребительской уверенности и деловой активности.

Полученное значение индекса предпринимательской уверенности в торговле имеет статистически значимую прямую тесную взаимосвязь со значениями индекса предпринимательской уверенности в добывающих производствах, сфере услуг и индекса потребительской уверенности.

Значение индекса предпринимательской уверенности в добывающих производствах, в свою очередь, имеет весьма тесную прямую корреляционную связь со значением индекса предпринимательской уверенности в обрабатывающих производствах.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о наличии тесной взаимосвязи и взаимообусловленности анализируемых «субъективных» индексов, что характеризует и наличие тесной взаимосвязи между рассматриваемыми видами экономической деятельности.

Литература

1. Ковалев В.В. Актуальные вопросы и современный опыт анализа финансового состояния организаций. Ч. 7. М. : Форум, 2014. 432 с.
2. The Joint Harmonised EU Programme of Business and Consumer Surveys // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/db_indicators/surveys/documents/userguide_en.pdf (дата обращения: 15.01.2019).
3. Ниворожкина Л.И. Отклик российских домохозяйств на макроэкономические шоки: анализ механизмов адаптации // Учет и статистика. 2017. № 1 (45).
4. Полякова И.А., Полякова Е.М., Бондаренко Г.А., Иващенко Ю.И. Структурные различия и

рейтинговая оценка важнейших сфер региона: современные методы статистического исследования. Ростов н/Д. : РГЭУ (РИНХ), 2017.

5. Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. М.: Росстат, 2017. 990 с.

6. Ростовская область в цифрах 2017 : стат. сб. Ростов н/Д. : Ростовстат, 2017. 975 с.

7. Stewart T.A. Intellectual Capital. The New Wealth of Organizations. N.Y.; L. : Doubleday, 1997. 306 p.

References

1. Kovalev V.V. Aktual'nye voprosy i sovremennyi opyt analiza finansovogo sostoyaniya organizatsii [Current Issues and Modern Experience in Analyzing the Financial Condition of the Organization]. Ch. 7. Moscow: Forum, 2014, 432 p.
2. The Joint Harmonised EU Programme of Business and Consumer Surveys. European Commission. Available at: http://ec.europa.eu/economy_finance/db_indicators/surveys/documents/userguide_en.pdf (accessed 15.01.2019).
3. Nivorozhkina L.I. Otklik rossiiskikh domokhozyaistv na makroekonomicheskie shoki: analiz mekhanizmov adaptatsii [The Response of Russian Households to Macroeconomic Shocks: an Analysis of Adaptation Mechanisms]. Uchet i statistika. 2017, No. 1 (45).
4. Polyakova I.A., Polyakova E.M., Bondarenko G.A., Ivashchenko Yu.I. Strukturnye razlichiya i reitingovaya otsenka vazhneishikh sfer regiona: sovremennye metody statisticheskogo issledovaniya [Structural Differences and Rating Assessment of the Most Important Areas of the Region: Modern Methods of Statistical Research]. Rostov-on-Don: RGEU (RINKh), 2017.
5. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-economic Indicators]. Statistical Collection. Moscow: Rosstat, 2017, 990 p.
6. Rostovskaya oblast' v tsifrakh 2017 [Rostov Region in Numbers 2017]. Statistical Collection. Rostov-on-Don: Rostovstat, 2017, 975 p.
7. Stewart T.A. Intellectual Capital. The New Wealth of Organizations. N.Y.; L.: Doubleday, 1997, 306 p.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ TOUCHES TO THE PORTRAIT

DOI 10.23683/0321-3056-2019-1-99-105

Александр Павлович Пронштейн (1919–1998) (к 100-летию со дня рождения)

Советский и российский ученый, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент РАН Александр Павлович Пронштейн занимает видное место в ряду выдающихся историков XX в. Будущий ученый родился 21 января 1919 г. в Мелитополе, вскоре его семья переехала в Москву. Здесь он окончил школу и в 1937 г. поступил на исторический факультет Московского государственного университета.

Жизнь и деятельность А.П. Пронштейна активно изучалась последние 20 лет, – и сегодня она предмет научных конференций и многочисленных публикаций. В них исследуются различные аспекты многогранного творчества ученого, вклад в изучение российской истории и историографии, доноведения, кавказоведения, теорию и методологию исторического познания, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин [1–8]. Автор данной статьи считает, что необходимо также обратить внимание на «историю повседневности, штрихи к портрету», на то, что содержалось в будничной работе и общении с коллегами.

Научная биография А.П. Пронштейна складывалась в семинарах под руководством акад. Б.Д. Грекова, чл.-корр. АН СССР С.В. Бахрушина, под влиянием проф. Н.И. Веселовского, М.Н. Тихомирова, Б.А. Романова, С.Д. Сказкина и других выдающихся ученых университета. Они сформировали навыки научно-исследовательской работы и бережное отношение А.П. Пронштейна к источнику, которые он пронес через свою жизнь, передавал студентам исторического факультета Ростовского госуниверситета.

В ноябре 1941 г. А.П. Пронштейн был призван в ряды РККА, закончил ускоренные курсы Московского военно-инженерного училища, прошел путь от командира военно-инженерного взвода (лейтенанта) до зам. начальника штаба 41-го полка 52-й армии (капитана). Участвовал в боях на территории СССР, Румынии, Польши, Германии и Чехословакии. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», и др.

После окончания Великой Отечественной войны А.П. Пронштейну военное командование предлагало продолжить службу, но будущий ученый мечтал о научных исследованиях и открытиях. После демобилизации в конце 1945 г. А.П. Пронштейн поступил в аспирантуру к чл.-корр. АН СССР М.Н. Тихомирову (академик – с 23.10.1953), который предложил аспиранту несколько тем на выбор по истории средневековой Руси. А.П. Пронштейн выбрал историю Новгорода Великого в XVI в., тему сложную, интересную, спорную, политически острую в контексте дискуссий о роли выдающейся личности в укреплении российской (см. подтекст – советской) государственности.

В 1949 г. А.П. Пронштейн блестяще защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Великий Новгород в XVI веке. Очерк социально-экономической и политической истории русского народа». Результаты научных исследований молодого ученого имели огромное значение для понимания процессов становления и развития Русского централизованного государства, сословно-представительной и абсолютной монархии, формирования буржуазных отношений в стране. Его выводы о высоком уровне развития экономики Новгорода Великого накануне и после политического включения в состав Российского государства, складывании мелкотоварного производства, формировании торгово-ремесленных объединений по типу западноевропейских цехов указывали на общие тенденции развития России и Европы. Политическое присоединение Новгорода Великого превратило его в областной центр Российского государства. Эти и другие выводы, и наблюдения автор дополнил и развил в одноименной монографии, изданной в 1957 г. в Харькове. Они получили широкое признание научной общественности в СССР и за рубежом [9].

После защиты кандидатской диссертации молодой ученый приехал в г. Ростов-на-Дону, где возрождался Ростовский государственный университет после возвращения из эвакуации из г. Ош Киргизской ССР. А.П. Пронштейн приступил к работе на историко-филологическом факультете в должности доцента.

Переезд на Дон, в казачий край, оказал влияние на выбор научных приоритетов Александра Павловича. Он имел возможность продолжать изучение средневековой Руси, но выбрал сложнейшую в научном, а в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. и в политическом отношении тему – историю донского казачества. Ей ученый посвятил почти 50 лет, опубликовал 13 монографий и более 100 статей, в которых исследовал различные проблемы социально-экономического, административно-политического и военного развития Донского края, классовой борьбы казачества и крестьянства. К 70-летию со дня рождения вышел в свет библиографический указатель трудов А.П. Пронштейна [10], но, к сожалению, полная библиография научных исследований ученого до настоящего времени не издана.

В 1961 г. А.П. Пронштейн опубликовал монографию «Земля Донская в XVIII веке», которую вскоре защитил в качестве докторской диссертации. Через призму региональных проблем ученый решал крупные теоретические вопросы исторической науки – этногенез казачества, общее и особенное государственно-правовое устройство центра и окраин России, стадийность развития феодализма и капитализма, классовую борьбу казачества и крестьянства в эпоху позднего феодализма [11].

Имея хорошую источниковедческую подготовку, А.П. Пронштейн обратил внимание на огромное историческое наследие по истории Дона, сохранившееся в Государственном архиве Ростовской области, архивах и музеях Москвы и Ленинграда. По его инициативе и содействию в начале 50-х – начале 60-х гг. XX в. вышли в свет сборники документов об участии донских казаков в Отечественной войне 1812 г., развитии промышленности в XVIII – начале XX в. на Дону, социально-политической и военной жизни казачества, его участии в крестьянской войне под предводительством Е.И. Пугачева.

Следует сказать, А.П. Пронштейн считал, что ученый не должен замыкаться в рамках одной темы или направления исследования. Творческая лаборатория ученого обязана постоянно пополняться и развиваться за счет включения в научный оборот новых фактов, событий, всего, что представляет интерес для историка, а также освоения теоретического наследия и современных идей.

По мнению А.П. Пронштейна, ученый может одновременно работать над несколькими темами – двести-четыре, даже, пять!, не обязательно связанных в теоретическом и источниковом отношении. Это позволяет увидеть новизну и масштаб своей непосредственной проблемы, ее место среди других направлений науки, использовать понятийно-категориальный аппарат сопредельных областей знания. В то же время он предостерегал своих аспирантов и коллег от того, чтобы они не «свалились» в фактологию, с одной стороны, в верхоглядство и начетничество – с другой. Синтез теории и практики, подчеркивал ученый, решает крупные научные задачи.

Многие начинающие ученые в советскую эпоху и в настоящее время считают, что, защитив кандидатскую диссертацию, они стали большими учеными, отныне можно почивать на лаврах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук, неоднократно говорил А.П. Пронштейн (опираясь на суждение академика М.Н. Тихомирова), является показателем способности (неспособности) соискателя к научному творчеству, показывает его умение работать с историческими источниками и литературой, анализировать, обобщать и делать выводы. Собственно, об ученом можно говорить, когда будет опубликована первая монография, крупные проблемные историографические статьи, защищена докторская диссертация. Такое мнение поддерживал и другой ученик акад. М.Н. Тихомирова проф. С.О. Шмидт.

Защита кандидатской диссертации – это подготовка к более крупным, масштабным и глубоким исследованиям, теоретическим и методологическим проблемам науки в контексте конкретных тем. Данным принципам ученый следовал в течение всей своей жизни – история средневековой России (Новгород Великий в XVI веке), история донского казачества, источниковедение истории СССР и методика исторического исследования, история классовой борьбы в России в XVII – XVIII вв., вспомогательные исторические дисциплины, теория и методология исторического познания, историография источниковедения и российской истории. И вновь возвращение к проблемам истории России на новом теоретико-методологическом уровне – создание и участие в написании крупных обобщающих работ по истории Дона и Северного Кавказа, Степного Предкавказья и народов Кавказа.

Чтобы достигнуть высоких результатов в науке, подчеркивал А.П. Пронштейн, необходимо ежедневно творчески трудиться. «Если я написал одну страницу рукописного текста в день... – говорил ученый, – я счастлив!» Его статьи и монографии практически не требовали авторской и корректорской правки, тек-

сты всегда отличали строгая академичность, логичность, четкость изложения, прекрасный литературный русский язык. Александр Павлович старался не употреблять без необходимости иностранные слова, выражения и термины. О любителях наукообразности он говорил, цитируя А.С. Грибоедова: «Словечка в простоте не скажут все с ужимкой!». Ученый подчеркивал, «...богатство русского литературного языка позволяет решить и осветить любую научную задачу».

Александр Павлович Пронштейн бережно относился к слову, неоднократно повторял своим ученикам и коллегам – «важно не только что сказать, но и как сказать!». Это касалось как этики личных и профессиональных отношений, так и оценки научной и общественной деятельности коллег.

А.П. Пронштейн никогда не стеснялся своим научным авторитетом и положением творческую свободу учеников и коллег. Он был категорически против того, чтобы научные руководители «правили» (дописывали и редактировали) диссертации и статьи своих аспирантов и дипломников. Это, по его мнению, подавляло творчество учеников и являлось клонированием идей научного руководителя, ограничивало и даже задерживало созидательный рост будущих ученых. На полях рукописей диссертаций, монографий и статей он ставил краткие пометки: «стиль!», «ред.! – редактирование», «etc!» – и так далее», «повтор!», «см. выше!», «ор!?!», «орегат»? – обратить внимание!» и др. Ученый направлял (подправлял) движение мысли, оставляя автору выбор творческого пути и средств его реализации.

За годы обучения в аспирантуре очень часто ученики не успевают полностью раскрыть свой талант, почерпнуть для своего дальнейшего научного роста идеи и замыслы руководителя, его навыки и умения. Молодой автор диссертации или статьи, по мнению Александра Павловича, выбрав научную стезю, должен быть не только высоко образован профессионально, но и обладать глубокой общекультурной подготовкой, быть человеком творческим, много читающим, смелым в отстаивании своего мнения и идей.

«Ученый – это не человек, вышедший в поле собирать спелые колосья ржи или пшеницы, а труженик, стремящийся посадить новые зерна знания и надеяться на хороший урожай, который он может даже и не увидеть. К этому надо быть всегда готовым!», – наставлял своих учеников А.П. Пронштейн. Своим отношением к научной работе ученый показывал: «Делай как я! Следуй за мной!». Он приглашал молодых коллег, даже не имевших ученой степени, в крупные научные проекты «Дон и Степное Предкавказье в XVIII – первой половине XIX в.», «История Дона», «История народов Кавказа» и др., доверял будущим ученым, предоставлял им возможность раскрыть свои таланты.

Бережное отношение к идеям и результатам своих коллег являлось присущей чертой его характера. В научном плане он полагал, что не концепции должны подтверждаться (сопровождаться) подобранными по случаю источниками или документами, а исторический источник «ведет» ученого. Его содержание и анализ служат основой для выводов и теоретических построений. Это положение А.П. Пронштейн неоднократно подтверждал, участвуя во Всесоюзных дискуссиях «Переход от феодализма к капитализму в России», «О причинах, характере и движущих силах крестьянских войн в России в XVII – XVIII вв.», «О теории, методологии и методике исследований по истории КПСС», и др.

В 1965 г. историко-филологический факультет Ростовского государственного университета разделился на исторический и факультет филологии и журналистики, что позволило сконцентрировать больше внимания на подготовке профессиональных историков. А.П. Пронштейн поддерживал тесные связи с коллегами исторического факультета Московского государственного университета, Учебно-методическим объединением по историческим наукам Министерства образования СССР, способствовал включению в учебные планы подготовки историков источниковедения, историографии, вспомогательных исторических дисциплин.

Ученый считал, что университетское классическое историческое образование должно опираться на глубокое изучение источников, которое невозможно без знания вспомогательных исторических дисциплин и овладения методикой исторического исследования. По его инициативе на историческом факультете Ростовского государственного университета составной частью профессиональной подготовки историков стали хронология, метрология, палеография, архивоведение, археография, историческая география, историческое краеведение, музееведение (основы советского музееведения). Многие вспомогательные дисциплины читались преподавателями исторического факультета на геолого-географическом, филологическом и биолого-почвенном факультетах. Одновременно студенты-историки изучали современные иностранные, а также древние языки: латинский и древнерусский (обязательно), греческий (древнегреческий), старославянский (факультативно). Такая подготовка позволяла в дальнейшем аспирантам и ученым читать на языке оригиналов источники, изучать историю древней и средневековой России и Ев-

ропы. Результатами введения новых курсов и чтения лекций становились учебники, учебно-методические пособия и монографии [12–16], учебные и производственные практики в архивах и музеях страны.

Эти и другие дисциплины стали объектом и предметом деятельности созданной по инициативе ученого в 1972 г. кафедры источниковедения, историографии и вспомогательных исторических дисциплин. А.П. Пронштейн организационно закрепил огромное научное, учебно-методическое и образовательное пространство в подготовке специалистов историков. Созданная в РГУ кафедра А.П. Пронштейна являлась одной из первых в СССР кафедрой специального теоретико-методологического направления. Здесь стали работать опытные преподаватели – д-р ист. наук, проф. А.П. Пронштейн, канд. ист. наук, доц. А.Г. Задера, А.Г. Беспалова, Б.В. Чеботарев, Л.Т. Тоценко, В.Я. Кияшко, вскоре были зачислены в штат кафедры молодые ученые – А.В. Лубский и А.И. Агафонов, В.Ф. Патракова, И.Н. Данилевский, А.В. Кореневский. При кафедре сложилась археологическая лаборатория, которую долгие годы возглавляла Л.М. Казакова. Библиометрическое и техническое оснащение кафедры обеспечивала лаборант З.И. Гайдим.

В учебный процесс на факультете и деятельность кафедры А.П. Пронштейн вносил знания, обретенные в студенческие годы в МГУ и годы обучения в аспирантуре под руководством акад. М.Н. Тихомирова, а также щедро делился личным научным и педагогическим опытом. Являясь членом Ученого совета Ростовского областного музея краеведения, Государственного архива Ростовской области, А.П. Пронштейн поддерживал идеи преподавателей кафедры Б.В. Чеботарева, Л.Т. Тоценко, А.И. Агафопова проводить лекции в музее на основе постоянных и временных экспозиций, использования наглядно-предметных форм обучения.

Особо следует сказать о творческой атмосфере на кафедре. Являясь ее руководителем и неформальным лидером, А.П. Пронштейн ставил высокие научные задачи перед сотрудниками и собой, подтягивал к их решению своих коллег. Коллективные монографии, сборники документов, учебно-методические пособия, кафедральный теоретико-методологический семинар, обсуждение научных докладов, открытых лекций и семинаров, рукописей статей и монографий, результатов взаимных посещений занятий, диссертаций аспирантов и соискателей являлись хорошей школой как для опытных, так и для молодых преподавателей. Все мероприятия проходили в теплой и дружеской атмосфере, соблюдалась негласная субординация, уважительное отношение между коллегами, к их знаниям и опыту.

Александр Павлович инициировал в ректорате РГУ предложения доцента Лидии Тимофеевны Тоценко об организации и проведении музейно-экскурсионной практики студентов на базе лучших музеев страны. Музеи Золотого кольца (Владимира, Суздаля, Ярославля), а также Москвы, Тбилиси, Еревана, Казани и Ленинграда открыли свои двери студентам исторического факультета РГУ. В течение нескольких лет Государственный исторический музей СССР и его филиалы, крупнейшие церковно-храмовые комплексы Москвы и дворянские усадьбы Подмосковья являлись базой практики наших студентов. Здесь они знакомились с фондами, коллекциями и музейными экспозициями, организацией и методиками проведения экскурсий. Следует подчеркнуть, что благодаря музейно-экскурсионной практике многие студенты впервые посетили столицу СССР – Москву и столицы союзных республик нашей страны.

Большой вклад внес А.П. Пронштейн в обучение студентов архивному делу и методике исторического исследования. Ученый многие годы регулярно работал в Ростовском государственном (ГАРО) и центральных архивах страны, выявил огромный комплекс источников по темам своих исследований, разработал свою систему формирования личного архива, описания и кодификации документов, их хранения и использования в научной работе. Студенты, писавшие курсовые и дипломные работы, аспиранты с благодарностью вспоминали «маленькие хитрости» создания папок, подпапок, реестров и оглавлений, системы поиска, регистрации и использования документов. Александр Павлович часто вспоминал и говорил, что многое в методике научной работы он почерпнул у своего учителя акад. М.Н. Тихомирова. Этот бесценный опыт, переданный своим ученикам и коллегам, реализовывался ими на архивной практике студентов в ГАРО, в дальнейшей научной деятельности. Интерес к архивному делу, зародившийся в студенческие годы, определил судьбу многих сотрудников архивной службы Ростовской области. Они практически все выпускники исторического факультета РГУ.

Являясь учеником Александра Павловича, его коллегой, работавшим под руководством ученого 25 лет (а со студенческими годами – 30 лет), хочу отметить и его вклад в подготовку научно-педагогических кадров высшей квалификации – кандидатов и докторов наук. В отличие от многих со-

временных научных руководителей, у которых число кандидатов и докторов наук исчисляется несколькими десятками и даже сотнями, А.П. Пронштейн никогда не стремился к тому, чтобы увеличить число своих аспирантов и докторантов. Он считал, что эта работа кропотливая, скрупулезная, науко- и трудоемкая, требует индивидуального сотрудничества.

Многие аспиранты А.П. Пронштейна являлись студентами его семинаров, писали под его руководством курсовые и дипломные сочинения. При поступлении в аспирантуру темы их кандидатских диссертаций практически сформировались в предшествовавший период обучения в вузе. С другими аспирантами А.П. Пронштейн беседовал, выяснял научные интересы, и, если аспирант не предлагал своей темы, ученый рекомендовал несколько проблем на выбор. При этом говорил: «Подумайте, почтайте! Если что-то решите, напишите реферат, мы его обсудим!»

При дальнейшей работе над диссертацией А.П. Пронштейн старался не вмешиваться в творческий процесс соискателя. Он подправлял и наставлял авторов: «Вот, посмотрите на это направление! Обратите внимание на данный сюжет! Можно ли его развернуть и посмотреть на проблему под другим углом зрения?». Обсуждения выливались в длительные беседы, Александру Павловичу было все интересно. В такой форме наставничества, теперь, по прошествии многих лет, понимаешь, Учитель не только учил, но и сам учился.

Очень важной формой научного наставничества являлись совместные поездки в Кишинев, Москву, Сухуми, Уфу и Казань, Краснодар, Ростов-на-Дону на Всесоюзные конференции по аграрной истории России, источниковедению истории СССР, методике преподавания истории, истории народов Северного Кавказа. На конференциях встречались единомышленники (что не исключало различных точек зрения и дискуссий), поколение победителей – участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и труженики тыла, молодые ученые. Александр Павлович представлял и знакомил учеников со своими бывшими сокурсниками, коллегами и друзьями, вводил их в ближний круг. Это акад. И.Д. Ковальченко, Л.В. Миллов, И.И. Минц, М.В. Нечкина, В.Л. Янин, д-ра ист. наук, проф. М.Т. Белявский, П.А. Зайончковский, Е.И. Индова, В.А. Федоров, Е.В. Чистякова, В.Г. Ардзинба, З.В. Анчабадзе, Г.А. Дзидзария, С.О. Шмидт и многие другие.

Введение своих учеников в ближний круг – это включение их в новый, более высокий уровень научного общения, расширение кругозора, своего рода научные смотрины – показ подрастающего поколения, будущей смены. Есть кем гордиться Александру Павловичу! Вчерашние ученики – сегодня ведущие ученые Российской Федерации и известные политики – д-ра ист. наук, проф. А.И. Агафонов (ИИМО ЮФУ, Ростов-на-Дону), И.Н. Данилевский (НИУ ВШЭ, Москва), А.И. Карагодин (Запорожский национальный университет, Запорожье, Украина), С.И. Рябов (ВолГУ, Волгоград), канд. ист. наук, доц. – казачий генерал, бывший войсковой атаман Кубанского казачьего войска, В.П. Громов (КубГУ, Краснодар), зав. кафедрой Отечественной истории ИИМО ЮФУ А.В. Кореневский (ИИМО ЮФУ, Ростов н/Д.), и другие.

Глубокие знания и высокий научный авторитет притягивали к ученому людей творческих, неординарных, разных поколений и взглядов. Летом 1974 г. в хуторе Мелологовском Клетского района Волгоградской области выдающийся советский актер и режиссёр С.Ф. Бондарчук снимал фильм по роману М.А. Шолохова «Они сражались за Родину». В составе актерской группы находился писатель, сценарист и актер Василий Макарович Шукшин, который работал над романом о Степане Разине, мечтал снять фильм и поставить спектакль «Я пришел дать Вам волю!». В конце июня состоялась встреча А.П. Пронштейна и В.М. Шукшина в Ростове-на-Дону, на квартире ученого.

Следует сказать, что встреча была интересна обоим – представителю академической науки и творческого сообщества. В процессе долгой, теплой и содержательной беседы обсуждались жизнь С.Т. Разина на Дону, путешествие на богомолье в Соловецкий монастырь, персидский поход, крестьянское движение, которое возглавил донской казак, и его результаты. Собеседники согласились в главном, что канонический, мифологизированный в советской исторической науке образ Степана Разина далек от реально-го сильного, бесшабашного, отважного и удачливого атамана казачьей вольницы, в котором сочетались черты народного защитника и злого грабителя, широкая русская душа и казачий прагматизм.

В 60–70-е гг. XX в. источниковедение и методика исторического исследования утверждались в университетах страны, однако не хватало высоко профессиональных ученых, а также учебников и учебных пособий. Наряду с чтением данных курсов в РГУ, А.П. Пронштейн постоянно приглашал с лекциями в ведущие университеты и институты северокавказских республик и МГУ, одновременно ученый прини-

мал своих коллег из многих вузов СССР в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при РГУ, оказывал научную, учебно-методическую и библиографическую помощь.

Выдающийся ученый, гражданин и патриот, А.П. Пронштейн пользовался непререкаемым авторитетом и доверием среди своих коллег, студентов, современников, с которыми встречался и сотрудничал. Он долгие годы являлся Заместителем председателя Диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по историческим наукам при РГУ, Председателем Государственных экзаменационных комиссий на исторических факультетах Ростовского и Кабардино-Балкарского университетов, членом Совета и Президиума Северо-Кавказского научного центра высшей школы, других советов комиссий. А.П. Пронштейн был членом редколлегии журнала «Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки».

Научное наследие доктора исторических наук профессора А.П. Пронштейна безгранично, актуально и востребовано, оказывает огромное влияние на развитие отечественной исторической науки и классического исторического образования, формирование патриотизма как национальной идеи Российской Федерации. Но и не менее важно то, каким он человеком был – гражданин, патриот, коллега, человек, опередивший свое время, сохранявший и развивавший традиции российского гуманизма.

Литература

1. Агафонов А.И. Гражданин, патриот, ученый. К 85-летию со дня рождения А.П. Пронштейна // Донской временник. Год 2004. Ростов н/Д., 2003. С. 19–23.
2. Агафонов А.И. История Дона и Северного Кавказа в трудах А.П. Пронштейна // История. Научные поиски и проблемы. Памяти А.П. Пронштейна (1919–1998 гг.): сб. науч. ст. / отв. ред. И.М. Узародов. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1999. 271 с.
3. Агафонов А.И., Мининков Н.А. История России, источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в трудах А.П. Пронштейна // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 1999. № 1. С. 110–123.
4. Патракова В.Ф., Черноус В.В. Историк-новатор, гражданин и патриот (Профессор Ростовского государственного университета Александр Павлович Пронштейн) // Гуманитарий Юга России. 2012. № 4. С. 167–178.
5. История: научные поиски и проблемы (Памяти доктора исторических наук, профессора А.П. Пронштейна) [1919–1998] / отв. ред. А.В. Лубский, В.В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2000. 191 с.
6. De Die in Diem: Памяти А.П. Пронштейна (1919–1998) / отв. ред. А.В. Лубский и В.В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. 379 с.
7. Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.) / отв. ред. М.Д. Розин, Д.В. Сень, Н.А. Трапш. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2014. 624 с.
8. Лубский А.В. Александр Павлович Пронштейн // Историки Ростовского государственного университета: сб. биографических очерков / сост. Н.А. Казарова и С.А. Кислицын. Ростов н/Д.; Таганрог: ЮФУ, 2017.
9. Пронштейн А.П. Великий Новгород в XVI веке. Очерк социально-экономической и политической истории русского народа / под ред. М.Н. Тихомирова. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1957. 288 с.
10. Александр Павлович Пронштейн. К 70-летию со дня рождения: библиографический указатель трудов / сост. Т.Н. Попова. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1988. 49 с.
11. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1961. 375 с.
12. Пронштейн А.П., Задера А.Г. Практикум по истории СССР (период феодализма): учеб. пособие для студентов-заочников ист. фак.: 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. школа, 1969. 376 с.
13. Пронштейн А.П. Методика исторического исследования. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1971. 467 с.
14. Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения: учеб. пособие для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов. 2-е изд., доп. и испр. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1976. 479 с.
15. Пронштейн А.П., Овчинникова В.С. Развитие графики кирилловского письма: учеб. пособие для вузов по спец. «История» и «Историко-архивоведение» / отв. ред. А. В. Муравьев: 2-е изд., перераб. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1987. 111 с.
16. Пронштейн А.П., Кияшко В.Я. Вспомогательные исторические дисциплины: учеб. пособие для пед. ин-тов и ист. фак. М.: Просвещение, 1973. 112 с.

References

1. Agafonov A.I. [Citizen, Patriot, Scholar. On the 85th Anniversary of the Birth of A.P. Pronshtein]. *Donskoi vremennik. God 2004* [Don temporary. 2004]. Rostov-on-Don, 2003, pp. 19-23.
2. Agafonov A.I. [The History of the Don and the North Caucasus in the Works of A.P. Pronshtein]. *Istoriya. Nauchnye poiski i problemy. Pamyati A.P. Pronshteina (1919–1998 gg.)* [History. Scientific Searches and Problems. In Memory of A.P. Pronshtein (1919-1998)]. Col. scien. art.; res. ed. I.M. Uznarodov. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1999, 271 p.
3. Agafonov A.I., Mininkov N.A. *Istoriya Rossii, istochnikovedenie i vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v trudakh A.P. Pronshteina* [History of Russia, Source Studies and Auxiliary Historical Disciplines in the Works of A.P. Pronshtein]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*. 1999, No. 1, pp. 110-123.
4. Patrakova V.F., Chernous V.V. *Istoriik-novator, grazhdanin i patriot (Professor Rostovskogo gosuniversiteta Aleksandr Pavlovich Pronshtein)* [Historian-innovator, Citizen and Patriot (Alexander Pavlovich Pronshtein, Professor of Rostov State University)]. *Gumanitarii Yuga Rossii*. 2012, No. 4, pp. 167-178.
5. *Istoriya: nauchnye poiski i problemy (Pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora A.P. Pronshteina) [1919–1998]* [History: Scientific Research and Problems (In Memory of the Doctor of Historical Sciences, Professor A.P. Pronshtein)]. Res. eds. A.V. Lubskii, V.V. Chernous. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNTs VSh, 2000, 191 p.
6. *De Die in Diem: Pamyati A.P. Pronshteina (1919–1998)* [De Die in Diem: In Memory of A.P. Pronshtein (1919-1998)]. Res. eds. A.V. Lubskii, V.V. Chernous. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNTs VSh, 2004, 379 p.
7. *Nauchnoe nasledie professora A.P. Pronshteina i aktual'nye problemy razvitiya istoricheskoi nauki (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiiskogo uchenogo)* [The Scientific Heritage of Professor A.P. Pronshtein and Actual Problems of the Development of Historical Science (on the 95th Anniversary of the Birth of the Outstanding Russian Scientist)]. Proceedings of All-Russian (with international participation) Scientific-Practical. conf. (Rostov-on-Don, April 4-5, 2014). Res. eds. M.D. Rozin, D.V. Sen', N.A. Trapsh. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya, 2014, 624 p.
8. Lubskii A.V. [Alexander Pavlovich Pronshtein]. *Istoriki Rostovskogo gosuniversiteta* [Historians of the Rostov State University]. Col. biographical essays. Com. N.A. Kazarov and S.A. Kislitsyn. Rostov-on-Don; Taganrog: YuFU, 2017.
9. Pronshtein A.P. *Velikii Novgorod v XVI veke. Ocherk sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii russkogo naroda* [Veliky Novgorod in the 16th Century. Essay on the Socio-economic and Political History of the Russian People]. Ed. M.N. Tikhomirov. Kharkov: Izd-vo Khar'kovskogo un-ta, 1957, 288 p.
10. *Aleksandr Pavlovich Pronshtein. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya* [Alexander Pavlovich Pronshtein. To the 70th Anniversary of his Birth]. Bibliography of works. Col. T.N. Popova. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1988, 49 p.
11. Pronshtein A.P. *Zemlya Donskaya v XVIII veke* [Don Land in the 18th Century]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1961, 375 p.
12. Pronshtein A.P., Zadera A.G. *Praktikum po istorii SSSR (period feodalizma)* [Practical Lesson on the History of the USSR (the Period of Feudalism)]. Tutorial. 3rd ed., corr. and add. Moscow: Vyssh. shkola, 1969, 376 p.
13. Pronshtein A.P. *Metodika istoricheskogo issledovaniya* [Methods of Historical Research]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1971, 467 p.
14. Pronshtein A.P. *Metodika istoricheskogo istochnikovedeniya* [Methods of Historical Source Studies]. Tutorial. 2nd ed., add. and corr. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1976, 479 p.
15. Pronshtein A.P., Ovchinnikova V.S. *Razvitie grafiki kirillovskogo pis'ma* [The Development of Graphics of Cyrillic Letters]. Tutorial. Res. ed. A.V. Murav'ev. 2nd ed., cor. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1987, 111 p.
16. Pronshtein A.P., Kiyashko V.Ya. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary Historical Disciplines]. Tutorial. Moscow: Prosveshchenie, 1973, 112 p.

А.И. Агафонов,

доктор исторических наук, профессор,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет

К.А. Хмелевский – историк и историограф революции и Гражданской войны на Дону

Константин Абрамович Хмелевский работал на историческом факультете Ростовского государственного университета во второй половине 1960-х и в 1970-е гг. и был в это время одной из центральных фигур в научном и общественном плане.

Родился он в 1920 г. в Ростове-на-Дону в семье закройщицы. Рос без отца. В 1938 г. он поступил в МИФЛИ, затем в 1941 г. в связи со слиянием этого вуза с МГУ стал студентом университета, который и закончил в 1942 г. Как инвалид детства, К.А. Хмелевский не мог служить в армии и продолжил обучение в аспирантуре кафедры истории СССР истфака МГУ. Одновременно он работал младшим научным сотрудником секретариата главной редакции «История гражданской войны в СССР» в Главполитиздате. В 1946–1955 гг. преподавал историю СССР в Ростовском пединституте, где и вступил в ряды КПСС. В 1948 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Партийная неделя 1919 года». Но такая сугубо историко-партийная тема исследования не спасла его от гонений в пединституте.

Во время борьбы с так называемым «безродным космополитизмом», носившей на практике антисемитский латентный характер, директор пединститута Я.Н. Раенко и другие догматики стремились проявить свою политическую бдительность. Это было сделано в ходе выявления «антипатриотической» группы преподавателей, в которую были записаны К.А. Хмелевский, М.А. Люксембург, Ю.И. Серый, З.А. Витков. По свидетельству К.А. Хмелевского, Я.Н. Раенко «с большим удовольствием, даже с наслаждением руководил кампанией... Говорить о каких-то, даже номенклатурных этических нормах его поведения не приходится. Эти понятия ему не знакомы». Реально ситуация заключалась в том, что К.А. Хмелевский, Ю.И. Серый и М.А. Люксембург поддерживали З.А. Виткова в теоретическом вопросе происхождения славян (он считал более правильной миграционную, а не автохтонную концепцию происхождения славян). На этом «основании» тут же обвинили в «антипатриотизме» и «космополитизме» и в «групповщине». С этого момента лекции данных преподавателей тщательно проверялись, стенографировались. К.А. Хмелевскому предъявили обвинение, что он в лекции об Отечественной войне 1812 г. излагал события «таким тоном, будто обдавал студентов холодным душем». В другой лекции о другой войне «он восхвалял реакционного царского генерала Тотлебена». Комиссия Обкома КПСС сделала вывод о том, что М.А. Люксембург, З.А. Витков, Ю.И. Серый и К.А. Хмелевский «противопоставили себя коллективу кафедр истории». Разбирательство закончилось тем, что за «политические ошибки» К.А. Хмелевский был снят с поста секретаря партбюро историко-филологического факультета и ему был объявлен выговор с занесением в учетную карточку. Выговоры с занесением получили также М.А. Люксембург, Ю.И. Серый и З.А. Витков [1].

В 1955 г. К.А. Хмелевский перешел в РГУ, где продолжил разработку истории Октябрьской революции на Дону. Ученый стал ответственным редактором и автором предисловия сборника документов Южного фронта Красной Армии, в котором был опубликован комплекс источников 1918–1919 гг., многие из которых впервые вводились в научный оборот [2]. Причем в сборнике были помещены документы, раскрывающие не только успехи Красной Армии, но и неудачи 8-й и 9-й армий Южного фронта, поражения войск Каспийско-Кавказского фронта, причины гибели 11-й армии. Также были размещены документы из белогвардейского лагеря и материалы о работе Донбюро РКП(б) по руководству подпольной работой большевиков в тылу белых. Но ряд документов в то время было опубликовать невозможно, что повлияло не только на подготовку сборника, но в целом на освещение Гражданской войны в регионе, особенно по казачьей проблеме.

В 1960-х гг. в издательстве РГУ выходит цикл его монографий, в которых автор характеризовал реальное противодействие различных сил на Дону в годы Гражданской войны [3–5]. Он привел фактические данные о белоказачьем терроре, жертвами которого в 1918 г. стали более 40 тыс. большевиков и их сторонников. Большой заслугой стало раскрытие проблемы интервенции немецкой армии и пронемецкой политики правительства П.Н. Краснова.

В 1967 г. К.А. Хмелевский защитил в Ленинградском университете докторскую диссертацию по истории Гражданской войны на Дону [6] и стал своеобразным законодателем темы в регионе. В 1970 г. он возглавил

на историческом факультете РГУ кафедру советской истории, стал членом научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция» и председателем секции этого совета в СКНЦ ВШ. Показателем большого авторитета в научной среде явилось его участие в фундаментальной «Советской исторической энциклопедии», где были размещены три его статьи [7].

Как историка большевистской революции, К.А. Хмелевского постоянно выдвигали на различные партийные должности. Это был его «крест», который он нес честно и ответственно. Неоднократно избирался секретарем партийного бюро истфака РГУ, редактировал университетскую многотиражную газету и т.п. Он формировал основные направления работы кафедры истории СССР, причем впервые поставив вопрос об изучении истории небольшевистских партий на Дону. В трудах Хмелевского и коллектива его кафедры немало места уделялось вопросу о роли донского казачества и отдельных его слоев в бурных событиях 1917–1920 гг. Например, совместно с Л.И. Берзом была сделана попытка рассмотреть «казачий вопрос» во всех его связях и опосредствованиях, выделяя, конечно, главную – классовую линию [3]. Как указывал К.А. Хмелевский, «казачий вопрос» в этой книге – лишь один из аспектов исследования и поэтому ряд выдвинутых авторами положений требует уточнений, большей аргументации.

Несмотря на условия, Константин Абрамович не согласился с апологетическими выводами Д.С. Бабичева, утверждавшего о состоявшемся в ходе Гражданской войны переходе большинства донского казачества на сторону советской власти [8]. В прогремевшей в Ростове-на-Дону рецензии в журнале «Дон» К.А. Хмелевский и его соавторы Я.А. Перехов и Ю.К. Кириенко опровергли тезис Д.С. Бабичева о том, что в борьбе за власть Советов трудовое казачество выступило революционной силой, тесно связанной с рабочим классом и его авангардом – большевистской партией, так как он не учитывал «сложных, порою мучительных колебаний, испытанных в те годы рядовыми казаками». Подобное «выпрямление» произошло потому, что в книге была преувеличена степень классового расслоения среди казачества и недооценено значение сословного момента, осложнявшего борьбу в донских станицах в годы революции и Гражданской войны [9].

Но К.А. Хмелевский высоко оценивал вклад красного казачества в победу революции на Дону, что доказывает его книга о казаках-большевиках Ф.Г. Подтелкове и М.В. Кривошлыкове [10]. Изучение казачьей проблемы К.А. Хмелевский продолжил в одной из лучших своих книг «Буря над Тихим Доном». Стержнем этой работы был тезис о том, что на Дону в 1917–1920-х гг. в основе противостояния находились классовые антагонизмы, а «сословная вражда являлась лишь своеобразным их проявлением» [11]. Затягивание борьбы на Дону объяснялось взаимодействием трех антибольшевистских сил: контрреволюции казачьих верхов и увлекаемых ими средних слоев, общероссийской белогвардейской контрреволюции (Добармия) и империалистической интервенции, сначала германской, затем антантовской. В книге впервые ставится проблема так называемого казачьего сепаратизма. Но главной особенностью являлся включенный в нее материал по критике западной, в основном англоязычной, историографии данной проблемы, подготовленный в соавторстве с сыном, кандидатом исторических наук С.К. Хмелевским. Этот материал дает представление о направлениях западной историографии, причем в ряде случаев предлагаемые концепции выглядят вопреки прилепленному разоблачительному пафосу интересными с научной точки зрения. Например, приводится цитата из труда А. Розенберга, утверждавшего, что лидеры Добровольческой армии демонстрировали свое безразличие к проблемам, которые и почти 150 млн их соотечественников считали жизненно важными [11, с. 163]. В то же время критика позволила авторам высказать суждения по проблемам, которые в тех условиях не подлежали обнародованию, в частности, освещался процесс большевистского рассказывания. В книге, сданной в печать в 1983 г., впервые в советской историографии был процитирован со ссылкой на ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС циркуляр Оргбюро РКП(б) от 24.01.1919 г. [11, с. 98]. Более того, К.А. Хмелевский описывает практику большевистского антиказачьего террора и ход вызванного им восстания на Верхнем Дону. Это был, бесспорно, прорыв в советской историографии истории Гражданской войны и донского казачества.

На наш взгляд, автор не вполне правомерно характеризовал террор исключительно как конъюнктурный перегиб местных большевиков. К.А. Хмелевский не отметил, точнее не смог отметить, в условиях 1970 – начала 1980-х гг., роль указаний Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина в 1918 – первой половине 1919 г. Именно на эти указания, опирались члены Донбюро и облревкома в контексте собственного военно-политического опыта. Такую позицию разделяло большинство донских деятелей, в том числе С.Ф. Васильченко, который в отчете ВЦИК в сентябре 1918 г. фактически обосновал необходимость антиказачьего террора. В 1920 г. С.И. Сырцов призвал в Ростове-на-Дону к союзу со всем трудовым казачеством, а

в 1925 г. подготовил решение ЦК о политической реабилитации белоказаков [12]. В оправдание К.А. Хмелевского следует отметить, что до XIX партконференции КПСС 1989 г. было невозможно публично сомневаться в правомерности партийной концепции истории Гражданской войны.

В центре внимания К.А. Хмелевского постоянно были проблемы историографии. Он – автор ряда статей и рецензий в ведущих журналах [13–19], разделов в историографическом ежегоднике и в коллективной монографии по историографии Октябрьской революции, в том числе в соавторстве с А.П. Пронштейном, Л.А. Этенко, А.И. Козловым. К.А. Хмелевский написал заглавную статью в коллективную монографию по историографии советской истории Дона и Северного Кавказа [20].

К числу заслуг Константина Абрамовича относится выявление и изучение вклада в историографию выдающегося донского историка Н.Л. Янчевского. Несмотря на влияние схем экономического материализма и теории «торгового капитала» М.Н. Покровского, Н.Л. Янчевскому удалось раскрыть многообразие противоречий истории Гражданской войны в регионе. Отдельные неточности не помешали ему вскрыть социально-классовую основу сословной вражды казаков и иногородних, что позволило объяснить отход основных масс трудового казачества от поддержки деникинщины. Характеризуя обстановку в национальных районах Северного Кавказа, Н.Л. Янчевский уделил внимание разоблачению колониаторской политики царизма, показал, как пантюркизм и панисламизм стали оружием международного империализма в период Гражданской войны [21].

К.А. Хмелевский внес определенную ясность в оценку сюжета о заключении в октябре 1917 г. в Ростове-на-Дону соглашения большевиков с партиями меньшевиков и эсеров. Биография председателя «Военно-революционного Комитета Объединенной Демократии» и будущего председателя СНК РСФСР С.И. Сырцова тогда не была изучена в полном объеме и мотивы его решений не были известны. К.А. Хмелевский считал ошибочным мнение Ю.К. Кириенко о том, что «в целом такая тактика большевиков дала положительные результаты». Но он оценил как ошибочное и мнение московских авторов 3-го тома официальной «Истории КПСС»(!!!), которые заявили, что вхождение представителей большевиков в ВРК ОД было ошибочным шагом, связавшим их ненужными и вредными переговорами с Калединым, что только усилило врага. По его мнению, «обе приведенные трактовки в известной мере односторонни. Вряд ли следует безоговорочно осуждать руководителей Ростово-Нахичеванского комитета за попытку соглашения с целью уклониться от принятия боя при невыгодных условиях. Вместе с тем, стоит ли усматривать положительные результаты там, где их не оказалось» [16, с. 60].

К.А. Хмелевский был составителем сборника воспоминаний участников Октябрьской революции на Дону «Помнят степи донские». И что интересно – среди нарративных источников был мемуарный очерк С.И. Сырцова «Накануне и во время съезда в станице Каменской» [22]. Массовым тиражом была издана и брошюра К.А. Хмелевского о героически погибших казаках-большевиках Подтелкове и Кривошлыкове, очерки о других героях Гражданской войны [10]. Хотя исторические, историографические и историко-ведческие оценки К.А. Хмелевского отвечали идеологическим нормам советской эпохи, в ряде случаев они содержали оценки, близкие к современным.

Константин Абрамович был непосредственным учителем и наставником известного донского ученого профессора А.И. Козлова. Именно он добился в свое время перевода студента А.И. Козлова с заочного отделения на очное, он же стал научным руководителем его дипломного сочинения и кандидатской диссертации. Ему же передал и кафедру, и даже квартиру после ухода на пенсию и отъезда из Ростова-на-Дону в 1982 г.

К.А. Хмелевский был счастливо женат на Тамаре Александровне, также работавшей в РГУ. Будучи профессором и доктором филологических наук, она получила приглашение в Московскую Высшую Комсомольскую школу. К.А. Хмелевский уехал вслед за ней в Москву, где трудился на кафедре истории России в институте иностранных языков имени Мориса Тореза. Затем чета Хмелевских поехала в командировки в Японию и Испанию. Константин Абрамович читал в вузах этих стран курс истории русской и советской литературы, которую также блестяще знал.

В течение всей своей жизни Константин Абрамович Хмелевский опубликовал целый ряд крупных, общепризнанных в масштабе страны научных трудов, заложивших реальные основы изучения истории Октябрьской революции и Гражданской войны на Юге России. Как бы сейчас не относиться к тому этапу истории, следует признать, что его мейнстрим заключался в осуществлении революционных преобразований большевиками, одержавшими определяющую победу над остальными силами, и Константин Абрамович в значительной степени выявил его главное содержание и основные формы.

Литература

1. Гуляева Е.А. Кампания по «борьбе с безродным космополитизмом» (Ростовский педагогический институт в 1953 году) // *Esse quam videri: Памяти Ю.И. Серого (1922–1986)*. Ростов н/Д., 2003.
2. Южный фронт. Май 1918 – март 1919 г. Предисловие. Ростов н/Д., 1962.
3. Берз Л.И., Хмелевский К.А. Героические годы. Октябрьская революция и Гражданская война на Дону. Ростов н/Д., 1964.
4. Хмелевский К.А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону. Апрель 1918 – март 1919. Ростов н/Д., 1965.
5. Хмелевский К.А. Разгром деникинщины // *Северокавказцы в боях за Родину*. М., 1966.
6. Хмелевский К.А. Гражданская война на Дону (Крах красновщины и деникинщины) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1967.
7. Хмелевский К.А. Статьи «Калединщина», «Казачество», «Северо-Кавказская советская республика» // *Советская историческая энциклопедия* : в 16 т. Т. 5, 7, 9, 12.
8. Бабичев Д.С. Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1969.
9. Хмелевский К.А., Кириенко Ю.К., Перехов Я.А. Освещать историю по-ленински (По поводу книги о донском казачестве в революции) // *Дон*. 1970. № 7. Хмелевский К.А. Казачья Вандея: ложь и действительность // *Дон*. 1977. № 4.
10. Хмелевский К.А. Сыны степей донских: о Ф. Г. Подтелкове и М. В. Кривошлыкове. М. : Политиздат, 1985.
11. Хмелевский К.А., Хмелевский С.К. Буря над тихим Доном. Исторические очерки о Гражданской войне на Дону. Ростов н/Д., 1984.
12. Кислицын С.А. Председатель Совнаркома советской России Сергей Сырцов. М. : URSS ЛЕНАНД, 2014. 264 с.
13. Проништейн А., Хмелевский К. Донское казачество в советской исторической литературе // *Вопросы истории*. 1965. № 1.
14. Козлов А.И., Хмелевский К.А., Этенко Л.А. Изучение истории борьбы за власть Советов на Дону и Северном Кавказе // *Вопросы истории*. 1981. № 10.
15. Хмелевский К.А., Этенко Л.А. Современная советская историография борьбы за власть советов на Дону и Северном Кавказе // *История и историки. Историографический ежегодник*. М., 1977. М., 1980.
16. Хмелевский К.А. Историография Октябрьской революции и гражданской войны на Дону // *Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе*. Ростов н/Д., 1972.
17. Хмелевский К.А. Актуальные вопросы борьбы за власть Советов на Дону и Северном Кавказе // *Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки*. 1974. № 4.
18. Проништейн А.П., Хмелевский К.А. Рецензия. Источниковедение истории СССР XIX – начало XX века // *Вопросы истории*. 1974. № 8.
19. Хмелевский К.А. Казачий федерализм. Идеология и политика // *Историк и история. Нелегкий путь к истине. Памяти Александра Ивановича Козлова*. М. : Собрание, 2010. С. 341–366.
20. В.И. Ленин и некоторые вопросы истории борьбы за власть Советов на Дону // *Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе*. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1972. С. 3–14.
21. Хмелевский К.А. Н.Л. Янчевский – историк Октября и гражданской войны на Северном Кавказе // *Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР*. Томск, 1975. С. 223–239.
22. Помнят степи донские. Сборник воспоминаний участников Гражданской войны на Дону, казаков-буденновцев. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1967.

References

1. Gulyaeva E.A. [Campaign for the “Fight Against Rootless Cosmopolitanism” (Rostov Pedagogical Institute in 1953)]. *Esse quam videri: Pamyati Yu.I. Serogo (1922-1986)* [Esse quam videri: In memory of Yu.I. Seryi (1922-1986)]. Rostov-on-Don, 2003.
2. *Yuzhnyi front. Mai 1918 – mart 1919 g. Predislovie* [South Front. May, 1918 - March, 1919. Introduction]. Rostov-on-Don, 1962.
3. Berz L.I., Khmelevskii K.A. *Geroicheskie gody. Oktyabr'skaya revolyutsiya i Grazhdanskaya voina na Donu* [Heroic Years. The October Revolution and the Civil War on the Don]. Rostov-on-Don, 1964.

4. Khmelevskii K.A. *Krakh krasnovshchiny i nemetskoj interventsii na Donu. April' 1918 – mart 1919* [The Collapse of the Krasnov's and the German Intervention on the Don. April, 1918 – March, 1919]. Rostov-on-Don, 1965.
5. Khmelevskii K.A. [Defeat of Denikinism]. *Severokavkaztsy v boyakh za Rodinu* [North Caucasians in the Battles for the Motherland]. Moscow, 1966.
6. Khmelevskii K.A. *Grazhdanskaya voina na Donu (Krakh krasnovshchiny i denikinshchiny) : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Civil War on the Don (the Collapse of Krasnov's and Denikin's Regime)]. Leningrad, 1967.
7. Khmelevskii K.A. [Articles “Kaledin's Regime”, “Cossacks”, “North Caucasian Soviet Republic”]. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet Historical Encyclopedia]: in 16 vols, vol. 5, 7, 9, 12.
8. Babichev D.S. *Donskoe trudovoe kazachestvo v bor'be za vlast' Sovetov* [Don Working Cossacks in the Struggle for Soviet Power]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1969.
9. Khmelevskii K.A., Kirienko Yu.K., Perekhov Ya.A. *Osveshchat' istoriyu po-leninski (Po povodu knigi o donscom kazachestve v revolyutsii)* [Cover History in a Leninist Way (Concerning a Book about the Don Cossacks in the Revolution)]. *Don*. 1970, No. 7. Khmelevskii K.A. *Kazach'ya Vandeya: lozh' i deistvitel'nost'* [Cossacks' Vendée: Lies and Reality]. *Don*. 1977, No. 4.
10. Khmelevskii K.A. *Syny stepei donskikh: o F. G. Podtelkove i M. V. Krivoshlykove* [Sons of Don Steppes: about F. G. Podtelkov and M. V. Krivoshlykov]. Moscow: Politizdat, 1985.
11. Khmelevskii K.A., Khmelevskii S.K. *Burya nad tikhim Donom. Istoricheskie ocherki o Grazhdanskoi voine na Donu* [Storm over the Quiet Don. Historical Essays on the Don Civil War]. Rostov-on-Don, 1984.
12. Kislitsyn S.A. *Predsedatel' Sovnarkoma sovetskoi Rossii Sergei Syrtsov* [Chairman of the Council of People's Commissars of Soviet Russia Sergey Syrtsov]. Moscow: URSS LENAND, 2014, 264 p.
13. Pronshstein A., Khmelevskii K. *Donskoe kazachestvo v sovetskoi istoricheskoi literature* [Don Cossacks in the Soviet Historical Literature]. *Voprosy istorii*. 1965, No. 1.
14. Kozlov A.I., Khmelevskii K.A., Etenko L.A. *Izuchenie istorii bor'by za vlast' Sovetov na Donu i Severnom Kavkaze* [The Study of the History of the Struggle for Power of the Soviets on the Don and the North Caucasus]. *Voprosy istorii*. 1981, No. 10.
15. Khmelevskii K.A., Etenko L.A. [Modern Soviet Historiography of the Struggle for Power of the Soviets on the Don and the North Caucasus]. *Istoriya i istoriki* [History and Historians]. Historiographical Yearbook. Moscow, 1977. Moscow, 1980.
16. Khmelevskii K.A. [Historiography of the October Revolution and the Civil War on the Don]. *Don i Severnyi Kavkaz v sovetskoi istoricheskoi literature* [Don and the North Caucasus in Soviet Historical Literature]. Rostov-on-Don, 1972.
17. Khmelevskii K.A. *Aktual'nye voprosy bor'by za vlast' Sovetov na Donu i Severnom Kavkaze* [Topical Issues of the Struggle for Power of the Soviets on the Don and the North Caucasus]. *Izv. SKNTs VSh. Obshchestv. nauki*. 1974, No. 4.
18. Pronshstein A.P., Khmelevskii K.A. *Retsenziya. Istochnikovedenie istorii SSSR XIX – nachalo XX veka* [Review. Source History of the USSR 19th - early 20th Century]. *Voprosy istorii*. 1974, No. 8.
19. Khmelevskii K.A. [Cossack federalism. Ideology and politics]. *Istoriya i istoriya. Nelegkii put' k istine. Pamyati Aleksandra Ivanovicha Kozlova* [Historian and History. The Hard Way to the Truth. In Memory of Alexander Ivanovich Kozlov]. Moscow: Sbornik, 2010, pp. 341-366.
20. [V.I. Lenin and Some Questions of the History of the Struggle for Power of the Soviets on the Don]. *Don i Severnyi Kavkaz v sovetskoi istoricheskoi literature* [Don and the North Caucasus in Soviet Historical Literature]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1972, pp. 3-14.
21. Khmelevskii K.A. [N. L. Yanchevsky - Historian of October and the Civil War in the North Caucasus]. *Problemy istorii Oktyabr'skoi revolyutsii i grazhdanskoi voiny v SSSR* [Problems of the History of the October Revolution and the Civil War in the USSR]. Tomsk, 1975, pp. 223-239.
22. *Pomnyat stepi donskie. Sbornik vospominanii uchastnikov Grazhdanskoi voiny na Donu, kazakov-budennovtsev* [Remember Steppes of the Don. Collection of Memories of the Civil War on the Don, the Cossacks of Budyonny]. Rostov-on-Don: Rostizdat, 1967.

С.А. Кислицын,

доктор исторических наук, профессор, Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

BOOKS REVIEW

DOI 10.23683/0321-3056-2019-1-111-113

**Восстановление исторической и политической справедливости
в отношении депортированных в 1944 г. народов Северного Кавказа
(Исакиева З.С. Вклад чеченцев и ингушей в развитие горнодобывающей
промышленности Казахстана 1944–1957 гг. Грозный, 2018. 204 с.)**

**Restoration of Historical and Political Justice in Relation to the Peoples
of the North Caucasus Deported in 1944 (Isakieva Z.S. The Contribution
of the Chechens and Ingush to the Development of the Mining Industry
of Kazakhstan in 1944-1957. Grozny, 2018, 204 p.)**

Сложным и весьма запутанным представляется восстановление в своих законных правах любой личности, а тем более – целого народа. В Советском государстве, особенно накануне и в период Великой Отечественной войны, более 20 народов были полностью или частично ущемлены в своих правах (речь идет о политических и юридических). В силу различных обстоятельств они были таким образом парализованы на весь период их депортации. Подчеркнем, что некоторые из них до сих пор остаются лишенными своих прав. Например, турки-мехетинцы, которые живут отдельными группами где угодно, только не на своей исторической Родине – в Грузии. Часть турок-мехетинцев, видя бесперспективность своего развития, иммигрировала даже в США уже в постсоветский период. Сегодня представители этого кавказского народа проживают в различных уголках бывшего Советского Союза, включая и Северную Осетию.

Повторимся еще раз, что восстанавливать в своих правах целые народы – задача чрезвычайно сложная, запутанная, противоречивая, а во многих случаях даже болезненная. В этой связи заслуживает похвалы любой ученый-исследователь, посвятивший хоть одну работу восстановлению исторической справедливости. Кандидат исторических наук Зулай Сулимовна Исакиева из Грозного родилась в семье депортированных чеченцев в Казахстане. Получив профессию историка, она стала талантливым исследователем причин, характера и последствий депортации не только чеченцев и ингушей (вайнахов), но и многих других народов нашей страны, разделивших горькую судьбу всех депортированных. В рецензируемой нами книге ее автор подчеркивает, что в исследовании, над которым она работала многие годы, на основе архивных материалов Казахстана и бывшей Чечено-Ингушской Республики, а также воспоминаний самих переселенцев раскрывается трудовой вклад чеченцев и ингушей в одном из значимых с экономической точки зрения Карагандинском бассейне, ставшего третьей после Донбасса и Кузбасса угольной базой СССР. Автор затронула вопросы, касающиеся хозяйственно-экономического положения, политического статуса спецпереселенцев из Северного Кавказа, демографических изменений в их среде, трудовой деятельности чеченцев и ингушей в добывающей промышленности Казахстана в военное и послевоенное время.

Отметим, что исследование состоит из введения, трех глав и восьми параграфов. Во введении З.С. Исакиева обосновывает актуальность, научную значимость, новизну своего исследования. Прекрасно подготовленная профессионально, она раскрывает историографию вопроса, где озвучены практически все важные научные издания, посвященные исследуемой теме. Она также много внимания уделяет источниковой базе, по которой можно судить о профессиональном мастерстве исследовательницы. По крайней мере, можно судить о работе З.С. Исакиевой в разных архивах Казахстана и Российской Федерации – в Архиве Президента Республики Казахстан, Центральном государственном архиве Республики Казахстан, в государственных архивах гг. Караганды, Дзержинска, Петропавловска, Государственном архиве Российской Федерации, Государственном архиве социально-политической истории. Подчеркнем и то, что многие мате-

риалы исследования впервые озвучены автором, они имеют актуальное, правдивое значение в раскрытии повседневной жизни чеченцев и ингушей в Казахстане.

Разумеется, автор рецензируемого исследования не является первопроходцем в проблеме восстановления исторической справедливости в отношении депортированных народов СССР. Однако ни в одной научной работе не найти столько новых незаслуженно забытых имен, столько необходимых для всей отечественной исторической науки подробностей, различных постановлений государственных и партийных органов, конкретных установок партийно-советских органов не только Казахстана, но и бывшего СССР. Именно в этом мы видим новизну исследования, его актуальность и, конечно же, востребованность. В то же время отметим и то, что депортации отдельных народов в СССР посвящены многие работы, вышедшие как в XX столетии, так и в последнее время. Одними из первых являются зарубежные исследователи Р. Конвест, Б. Уильямс, Н. Наймарк, Т. Мартин, А. Некрич и др. Работы Роберта Конвеста «Советские депортации народов», «Большой террор» вышли в свет еще в 60-е гг. XX в., книга А.М. Некрич «Наказанные народы» в 1978 г. в Нью-Йорке. Эти труды не потеряли своей научной и общественно-политической актуальности и по сегодняшний день.

С перестройкой и демократизацией общественной жизни в СССР началась полоса изыскательской работы российских ученых, которых условно можно разделить на две части. К первой можно отнести известных и признанных ученых, которые в поисках исторической справедливости сделали многое своими научными исследованиями. К ним можно отнести Н.Ф. Бугая, В.Н. Земскова, В.А. Тишкова, Д.Д. Гакаева и др. Ко второй группе ученых отнесем многих фальсификаторов истории, которые активно и много публиковали свои околонуточные статьи и монографии, где путаницы, откровенной фальсификации и отсебятины было настолько много, что профессиональным историкам до сих пор приходится «разгребать их завалы». Заметим и то, что ряды этих «оригинальных специалистов» активно пополнялись и до сих пор пополняются дилетантами истории, которые в сущности являются бывшими военными, физкультурниками, физиками, а некоторые даже без высшего или среднего специального образования. Тем не менее они, к сожалению, издают достаточно много «исторических исследований», в которых ошибок и путаницы куда больше, чем элементарной логики.

Свою лепту в исследование проблемы внесли чеченские и ингушские исследователи – А. Авторханов, С. Цуцулаева, Муса и Мовсар Ибрагимовы, В. Муртазалиев, Л. Арапханова, И. Дидигова, Р. Агиев и др. Возвращаясь к исследованию Исакиевой, подчеркнем, что она обстоятельно рассмотрела труды казахстанских ученых, посвятивших разработке данной проблемы много внимания. Это в первую очередь работы М. Козыбаева, Ж. Абылхожина, К. Алдажуманова, М. Баймаханова, Д. Шаймуханова, С. Дильманова, Ж. Ермекбаева, М. Калыбековой, Г. Мусабаевой и др. Они уделили большое внимание депортации отдельных народов Северного Кавказа. Многие области Казахстана были охвачены трудовыми лагерями системы ГУЛАГ, в которых волею судьбы находились разные наказанные советской властью народы. Центральный Казахстан был известен как Карлаг (Карагандинский исправительно-трудовой лагерь, существовавший в 1930–1959 гг.), где в каждом районе имелись комендатуры, осуществлявшие контроль над спецпереселенцами – чеченцами и ингушами, и др.

Антропология жизни вайнахов (так называют себя чеченцы и ингуши, что означает «свой», «наш народ») подтверждена воспоминаниями очевидцев, которые своими рассказами дополняют картину той эпохи, где проходила их трудовая жизнь. З.С. Исакиева за 2007–2011 гг. собрала воспоминания 54 бывших спецпереселенцев в ходе полевых работ по Центральному Казахстану, что является дополнительным материалом в раскрытии темы. Исследователь пишет в книге и о трудностях, которые испытывали депортированные чеченцы и ингуши. По ее словам – *«Рассекреченные документы показывают, что характерными чертами тоталитарного режима являются постоянное стремление к унификации, пренебрежение особенностями национальной психологии, демагогия и лживость в достижении цели, применении изощренных форм насилия, как к отдельной личности, так и в отношении целых народов»*. Содержание монографии свидетельствует о том, что незаконно выселенные с родных мест ингуши и чеченцы доказали своим самоотверженным трудом достойное место среди многонационального состава населения Казахстана.

Хронология трудовой деятельности чеченцев и ингушей на положении спецпереселенцев в Центральном Казахстане охватывает 13 лет. Это рассматривается в трех главах с соответствующими параграфами. В первой главе «Чеченцы и ингуши в составе спецконтингента в строительстве и угледобыче Карагандинского угольного бассейна в 1940-е гг.» рассматривается хозяйственно-трудовое устройство депортированных чеченцев и ингушей в Карагандинской области, их трудовая деятельность на комбинате «Карагандауголь»,

а также использование женского труда в угольной промышленности. Вторая глава «Созидательная деятельность чеченцев и ингушей в развитие третьей угольной базы СССР» посвящена работе горцев на шахтах Карагандинского угольного бассейна, их вкладу в развитие угольных и рудных предприятий. Третья глава под названием «Чеченцы и ингуши в развитии горнометаллургической промышленности Центрального Казахстана в 1944–1957 гг. XX в.» охватывает работу чеченцев и ингушей на шахтах и рудниках Балхаша, Джезказгана и Казахстанской Магнитки в указанные годы.

Интерес вызывают факты и события из повседневной жизни свыше десяти тысяч вайнахов, направленных на работу в добывающую промышленность Казахстана. На конкретных примерах автор описывает труд чеченцев и ингушей в Карагандинском угольном бассейне, среди которых было немало людей ответственно и самоотверженно трудившихся на шахтах и рудниках. В числе передовиков был бригадир участка шахты «Стахановская» Ахмед Муртазаев, заслуженный шахтер Казахской ССР, награжденный орденом Трудового Красного Знамени, знаками «Шахтерская слава» трех степеней и медалями. Генеральный директор ПО «Карагандауголь» Н.А.Дрижд дважды представлял чеченца А. Муртазаева к высшей награде СССР – званию Героя Социалистического Труда. Однако партийно-советское руководство союзной республики не давало «добро» документам ударника-спецпереселенца. Надо полагать, что по национальному признаку. В 1951 г. за высокие производственные показатели в угольной промышленности Указом Президиума Верховного Совета СССР из числа чеченцев и ингушей орденом Ленина награждены 2 человека, орденом Трудового Красного Знамени – 3, орденом «Знак Почета» – 2, медалью «За трудовую доблесть» – 35, медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» – 386 чел. В советское время медалями и орденами награждали лучших из лучших, о чем свидетельствуют документы тех лет. Все это нашло отражение в интересном исследовании З.С. Исакиевой.

Трудно в рецензии охватить все положительные аспекты проделанной работы, которых достаточно много. Однако рецензенты, если они настоящие специалисты, должны выявить наряду с положительным также недостатки. Если говорить о них, то хотелось бы увидеть в исследовании поэтапное пребывание спецпереселенцев и их работу в добывающей промышленности Центрального Казахстана. Как они работали, скажем, во второй половине 40-х гг. и в 50-е гг. XX в.? Как проходила их адаптация к условиям Казахстана и какие конкретные результаты они показывали? Нам это представляется в высшей степени интересной задачей. Кроме того, говоря о значительных потерях депортированных в год переселения и в последующее время, автор не всегда опирается на проверенные факты и статистические данные, что в научной работе является недопустимой «фроскошью». Полагаем, что следовало бы шире использовать труды чеченских и ингушских авторов, которые в научном сообществе пользуются уважением и признанием. Тем не менее приведенные замечания и пожелания не снижают общего высокого научного уровня рецензируемой книги. Уверенно можно сказать, что работа Зулай Исакиевой будет способствовать восстановлению исторической, политической и правовой объективности, приближая и читателей, и научное сообщество Российской Федерации, особенно на Северном Кавказе, к объективному пониманию того, что произошло в 40–50-х гг. XX столетия с чеченцами и ингушами. В качестве рекомендации можно было бы посоветовать различным книжным издательствам, в том числе и зарубежным, чтобы книга была переведена на английский и другие европейские языки с целью ознакомления широкого читателя с достижением российской исторической науки.

В.Д. Дзидзоев,

*доктор исторических наук, профессор,
Северо-Осетинский государственный
университет им. К.Л. Хетагурова*

Ж.А. Ермекбай,

*доктор исторических наук, профессор,
Казахстанский филиал
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова*

К истории европейской интеграции
(Пуховская Н.Е. Основные этапы европейской интеграции : учебное пособие
/ под общ. ред. В.Ю. Апрыщенко. Ростов-на-Дону; Таганрог:
Изд-во Южного федерального университета, 2018. 252 с.)

On the History of European Integration
(Pukhovskaya N.E. The Main Stages of European Integration: Tutorial.
Ed. V.Yu. Apryschenko. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House
of the Southern Federal University, 2018. 252 p.)

Учебное пособие «Основные этапы европейской интеграции» адресовано студентам высших учебных заведений, обучающимся по направлениям подготовки «История», «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение» и изучающим историю европейской интеграции. Несмотря на весьма противоречивый характер евроинтеграции и системный кризис Европейского Союза (ЕС) на современном этапе, стоит признать, что европейский опыт на протяжении нескольких десятилетий демонстрирует пример наиболее успешного и динамично развивающегося интеграционного объединения. ЕС является одним из наиболее крупных и влиятельных экономических и политических центров, без которого трудно себе представить современный мир.

Данное учебное пособие подготовлено кандидатом исторических наук, доцентом кафедры зарубежной истории и международных отношений Южного федерального университета, членом Ростовского регионального отделения Ассоциации европейских исследований Н.Е. Пуховской, которая давно и успешно разрабатывает евроинтеграционную проблематику. Учебное пособие ориентировано на проведение практических занятий, в рамках которых студентам предложено комплексное изучение основных и наиболее значимых периодов европейской интеграции и, соответственно, – наиболее важных проблем интеграционных процессов.

Хронологически учебное пособие охватывает период со второй половины 40-х гг. XX в., когда переосмысление опыта двух мировых войн и их последствий актуализировало и вывело на качественно новый уровень проблему объединения Европы, до подписания в XXI в. Лиссабонского договора, ставшего значимой вехой в развитии евростроительства. В пособии также затрагиваются события более ранних периодов, связанные с изучением цивилизационных особенностей, специфики и самобытности европейского региона, что необходимо для понимания идеи европейского единства, которая лежит в основе движения европейских народов к объединению. Это потребовало обращения к античной, средневековой ретроспективе, а также периоду XVI – XIX вв.

Работа Н.Е. Пуховской состоит из четырех модулей. При этом знакомство студентов со столь сложной проблематикой начинается в рамках Вводного занятия, основная задача которого заключается в изучении теоретических аспектов интеграции.

Первый модуль включает три темы: «Европейская идея: цивилизационные особенности Европы», «Европейская идея: эволюция интеллектуального течения» и «Подготовительный этап европейского интеграционного процесса».

Замысел автора учебного пособия при изучении первой темы данного модуля заключается в формировании у студентов целостного представления о европейском регионе. С этой целью студентам предложено обратиться к ранним историческим периодам, что позволяет выявить палитру экономических, социальных, политических, идеологических, культурных, ментальных характеристик европейцев и европейского региона. Таким образом у студентов формируется представление о Европе как о самобытном и системно-упорядоченном регионе, наделённом мощным потенциалом к объединению.

Вторая тема первого модуля посвящена изучению идейных предпосылок европейского объединительного процесса, которые формировались на протяжении нескольких веков и представляли собой концепции, теоретические конструкции, планы известных европейских мыслителей, интеллектуалов, политических деятелей, предлагавших самые разнообразные варианты объединения Европы.

Третья тема первого модуля посвящена комплексному анализу предпосылок европейского объединительного процесса, с учетом послевоенной специфики, выдвигавшей на первый план вопросы мира и безопасности, а также продемонстрировавшей со всей очевидностью утрату Европой мирового лидерства.

Второй модуль «Первый этап послевоенной западноевропейской интеграции» посвящен практическому воплощению «европейской идеи». Соответственно автор учебного пособия предлагает рассмотреть концептуальные основы «Плана Шумана», секторальную интеграцию на примере Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), Европейского сообщества по атомной энергии (Евратома). Анализ текста «Договора об учреждении европейского экономического сообщества» позволяет студентам выявить первостепенные цели и приоритеты евроинтеграции, механизм осуществления заявленных задач, институциональную структуру, которая определит вектор эволюции евроинститутов на несколько десятков лет и станет определяющей в построении федералистской модели.

Немаловажным является тот факт, что в данном модуле должное внимание уделено также военно-политическому и внешнеполитическому аспектам интеграции начального периода. В частности, рассматриваются не только «План Плевена», но и проблемы, связанные с влиянием на интеграционные процессы внешнеполитических реалий холодной войны (например, реакция НАТО и СССР на европейские оборонные инициативы или отношение сторон к Корейской войне 1950–1953 гг.). Безусловно, такой подход позволяет студентам сформировать целостное представление о международных отношениях в первой половине 50-х гг., понять их особенности и оценить степень влияния на попытку военно-политической интеграции в Западной Европе.

Завершается изучение второго модуля анализом событий второй половины 50–60-х гг. В частности, автор учебного пособия предлагает студентам обратить внимание на предпринятую Великобританией попытку конкурировать с Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) путем создания альтернативной структуры – Европейской ассоциации свободной торговли. Студентам предстоит разобраться в мотивах, сначала побудивших Великобританию прибегнуть к созданию конкурирующего объединения, а затем – к вступлению в ЕЭС. Помимо этого Н.Е. Пуховская обращает внимание и на ряд вопросов, связанных с французскими инициативами, которые в 60-е гг. существенно тормозили интеграционные процессы стран-членов ЕЭС. В заключении данного модуля студентам предлагается подвести итоги первого этапа европейской интеграции.

В рамках третьего модуля «Интеграционные процессы в 70–80-е гг. XX в.» рассматриваются вопросы валютной интеграции, начавшейся в условиях мирового экономического кризиса. Также затрагивается блок проблем, связанных с расширением Европейского сообщества, началом научно-технической интеграции и важными изменениями в правовой базе ЕС, сопряженными с трансформацией институциональной структуры. Студентам предлагается разобраться в неоднозначных, противоречивых процессах, которые, тем не менее, привели к дальнейшему развитию интеграционных процессов.

Заключительный (четвертый) модуль «Качественные изменения в интеграционном процессе в конце XX – начале XXI в.» посвящен изучению договорной основы ЕС от Маастрихта до Лиссабона, а также расширению ЕС в 1990-е – начале 2000-х гг. Замысел автора учебного пособия состоит в том, чтобы сформировать у студентов четкое представление о том, какие принципиальные и значимые изменения в интеграционный процесс внес Маастрихтский договор, предопределив вектор развития ЕС на многие годы. Его органично дополняют Амстердамский и Ниццкий договоры, содержащие комплекс мер, направленных на достижения целей Маастрихта. Студентам также предстоит разобраться в причинах неудачи Конституционного проекта ЕС и в специфике Лиссабонского договора. Помимо этого студентам предложено изучить ход валютной интеграции, сотрудничество в военно-политической сфере и интеграционные процессы в области внутренних дел и правосудия. Не обойдены вниманием и изменения институтов ЕС.

Каждый модуль пособия завершается списком рекомендуемых источников, научной и учебной литературы, которая делится на основную и дополнительную.

Несомненным достоинством учебного пособия Н.Е. Пуховской является его высокий методический уровень. Ей удалось четко, грамотно, логически верно сформулировать методические рекомендации по каждому вопросу модуля, что демонстрирует глубокое понимание автором предложенной тематики.

Среди достоинств учебного пособия необходимо упомянуть наличие словаря-справочника, который состоит из терминов, необходимых для успешной подготовки студентов к практическим занятиям. К нему примыкают тестовые задания (примерный краткий перечень), которые позволяют осуществить проверку знаний студентов.

Следует отметить и то, что пособие ориентирует студентов на изучение источников, тексты которых представлены в разделе «Документы». Среди них студенты найдут и речь В. Гюго на открытии Конгресса мира в Париже (1849), и речь У. Черчилля в Цюрихском университете (1946), и «Декларацию Р. Шумана» (1950), и тексты договоров: «Договор об учреждении ЕЭС» (1957), «Договор о Европейском Союзе» (1992).

Все вышесказанное позволяет высоко оценить проделанную Н.Е. Пуховской работу и рекомендовать ее учебное пособие для использования в образовательном процессе.

И.М. Узнаровдов,
доктор исторических наук, профессор,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
председатель Ростовского регионального отделения
Ассоциации европейских исследований

Научно-образовательный и прикладной журнал
«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ»
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки и археология.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:

- «Заметки о книгах»;
- «Научная жизнь»;
- «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется электронный вариант статьи. В начале статьи указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе MicroSoft Office 98 Word 2000, 2003, 2007 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы. Для записи формул применять только редактор формул Equation 3.0.
3. Сопроводительное или рекомендательное письмо, если статья представляется от организации.
4. Полное название организации и ее адрес **на русском и английском языках**.
5. Сведения об авторах с указанием адреса, по которому будет вестись переписка **на русском и английском языках**.
6. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
7. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов; четко указать предмет, цели, задачи и выводы исследования).
8. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов)**.
9. Транслитерированный список литературы.

Журнал распространяется по подписке – через ОАО «Роспечать» в подписной период. Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 0321-3056. DOI 10.23683/0321-3056-2019-1.

Известия высших учебных заведений.

Северо-Кавказский регион. Общественные науки.

2019. № 1